

Змееносен

Очень многое может связать век 12 и век 21, если в ход событий вмешиваются магические силы.

Сможет ли любовь преодолеть испытание не только временем, но и пространством?

Кто выйдет победителем в схватке между чувствами и долгом?

К чему приводит жажда безграничной власти?

Герои рассказа любят, ищут, делают выбор, лукавят и боятся обмануться. И каждый из них, в конце концов, получит по заслугам, когда все сущее вернется в место, которому принадлежит.

В дополнение к сказанному

Змееносец! Как много для нас в этом слове! Год жизни — не самый худший год!

Это наша вторая совместная работа. Джина считала, что что-то умеет. Светлая отмахивалась, что она ни разу не писатель. А оказалось, мы обе где-то посередине.

Итак, мы расскажем вам о королевстве Трезмон, о волшебном ожерелье Змеи, охранявшем род короля де Наве, о том, почему ни в одном учебнике нет ничего о стране меж тринадцати гор, и ни на одной карте вы не найдете ее столицы Фенеллы. Все, о чем вы узнаете, совершенно достоверно и проверено несколько раз — мы записывали со слов очевидцев и главных героев!

Сегодня мы отправляемся в путешествие во времени и пространстве. Мы — и вы. И надеемся, оно покажется вам увлекательным.

С любовью, JK et Светлая.

1159 год, День Змеиный

На шее воина изумрудным глазом блеснуло ожерелье, будто золотая змея, обвивающее шею. Вместо доспехов на нем была лишь кольчуга, и яркий алый плащ за его спиной трепал беспощадный ветер.

— Кто ты? — спросила девушка, глядевшая на него прямо и открыто, без тени страха или горя, посреди пылающей деревни. Пепел проносился меж ними, но они стояли, не в силах оторвать глаз друг от друга.

— Александр де Наве, король Трезмонский, — ответил воин. — А кто ты?

— Элен Форжерон, — вздернув подбородок, произнесла она.

— Ты поедешь со мной, Элен Форжерон? — спросил король так, словно все было уже решено между ними. Будто не пепел и гарь витали в воздухе, но любовь и вера. Он взялся за ожерелье. И едва слышно прошептал: — *Venite tecum.*

— Поеду, — звонко ответила она. Слишком звонко для этого мертвого места. И вложила свою руку в его. Отныне уже жена его. Отступница своего рода.

И глядя, как уходит она, Великий магистр Маглор Форжерон посылал ей проклятие. Ей и ему. Королю, уничтожившему его дом и его семью. И королеве — сестре своей, полюбившей врага в день, когда на их глазах были убиты братья и сестры.

1165 год, Фенелла

Великий магистр сжал в ладони ожерелье. Вот он... подарок Праматери. Охраняющий род де Наве в веках, дарующий ему силу побеждать. И силу жить. Как велик был соблазн уничтожить его... Но змея выпустит свой яд, и великое проклятие коснется уже самого Маглора Форжерона. Он внимательно рассматривал золотую головку змеи с изумрудным глазом. Все, что он мог — забрать его и спрятать. Там, где никто не найдет. Никогда не найдет. Но и это повлечет за собой неизбежный упадок рода де Наве. И их, Форжеронов, рода.

Маглор шел коридорами замка, зная, что чернее черноты и тише тишины. Он обратился тенью. Его не было. Взгляд упал на покои королевы. Он медленно вплыл в комнату. Она спала, прижимая руки к вздувшемуся животу. Возлюбленная сестра Элен... Маглор Форжерон проглотил ком, подступивший к горлу, и пошел дальше, к крошечной двери в самом конце огромных покоев, откуда доносился негромкий храп.

В комнате спала дородная женщина — видимо, из деревни, взятая в дом как кормилица для младенца, которому не суждено увидеть свет. Маглор Форжерон проследовал к колыбели, в которой спала крошечная новорожденная девочка. Он улыбнулся и взял ребенка из постели. Тот даже не проснулся. Надел ожерелье на шею малышки и усмехнулся.

— Пусть оно хранит тебя, — шепнул он, — *habeatvobis.*

Щелкнул пальцами. И не стало в комнате ни девочки, ни ожерелья.

1165 год. Аббатство Вайссенкройц.

Брат Ансельм, глядя на яркое солнце, зажмурился и потянулся. Утро было добрым, слава Господу, Создателю нашему. Впрочем, утро, начавшееся с кружки сабли, не может быть плохим, и Создатель тут ни при чем. Брат Ансельм воровато оглянулся — не услышал ли кто крамолы, мелькнувшей в его мыслях. И решил, что нынче пить не будет, а вместо того прочтет *Pater noster* сто раз. Дабы не забываться. Впрочем, пятидесяти будет довольно.

Да и то! Пятьдесят за неозвученные мысли? Брат Ансельм почесал затылок. Нет уж, хватит с него и трезвости!

Умывшись и одевшись, он подошел к окну. Самые рьяные братья уже возделывали виноградники. И откуда такое рвение? Неожиданно он услышал за спиной детский плач и обернулся. На его топчане сидел мальчонка лет трех в белой рубашечке. Не веря глазам своим, брат Ансельм приблизился и, как диковинное создание, стал рассматривать ребенка. «Поль Бабенберг» — было вышито на его рубашке.

— Deus misereatur!

С этого дня брат Ансельм бросил пить, став наивернейшим слугой Господа в своей обители.

Собственно, пролог

Слепящее солнце разбрызгивалось множеством искр по неровной глади реки, бегущей вдоль пологих берегов. В настоящем мире не бывает такого яркого солнца и такого синего неба, и такой серебристой воды. В настоящем мире невозможно стоять среди пролесков и в то же время парить над долиной, покрытой яркой зеленью, какой также не бывает в настоящем мире.

На высоком камне среди травы и цветов сидел мальчик лет десяти. Он мечтательно глядел на реку, иногда бросал в нее маленькие камни. Они заставляли воду искриться еще сильнее, отчего мальчик жмурился и смеялся.

— Кто ты? — спросил Мишель, но не услышал своего голоса.

Мальчик его тоже не слышал. Мальчик его не видел. Он сидел один на берегу реки и был этим доволен.

— Ты его знаешь, — донеслось до Мишеля с ветром.

Этот голос он знал почти всю свою жизнь.

— Снова ты, — со вздохом сказал Мишель ветру, — и снова твои сказки... Откуда я могу его знать?

— Скоро поймешь, — теперь казалось, что собеседник смеется. Его всхлипы звучали, как звучит смех.

Мальчик у реки встал с камня и приблизился к воде. Наклонился, чтобы коснуться ее зеркально-ледяной глади, когда вздрогнул и обернулся назад. Вздрогнул и ветер.

— Смотри, — зашелестел он возле уха Мишеля. — Ты знаешь его, потому что я знаю ее.

Порыв подхватил травинку на берегу и понес ее к ногам женщины, показавшейся здесь. Потом стал поднимать ее выше, вдоль черного плаща незнакомки к алебастровой коже лица, ангельскую красоту которого пронзали черные, как обсидианы, глаза. И черные волосы мелкими прядями, похожими на крошечных змеек, казалось, шевелились не от ветра. На темном плаще такими же белыми, как лицо, казались ее ладони изумительной красоты — с тонкими пальцами и длинными острыми ногтями. Она скрестила их на груди, глядя на ребенка. И казалась торжественной, будто бы теперь принимает решение.

Ее губы приоткрылись, и она заговорила, но Мишель не слышал звука. Зато слышал ветер, что радостно зашептал:

— Она любит пролески так, как люблю их я. И она приходит лишь тогда, когда они зацветают.

— Что она говорит? — продолжал спрашивать Мишель. — Кто они? Ты всегда рассказываешь не о том, что я хочу знать.

— Увы, ты никогда не хочешь знать того, что тебе нужно. Но сейчас нужно смотреть.

И они смотрели. И видели, как женщина улыбнулась. Улыбка на ее лице казалась странной и страшной. Эта улыбка отвлекала от того мгновения, которое стало роковым. Мальчик в ужасе дернулся и замер — вокруг шеи его обвилась змея, оставив алые следы там, где касалась кожи.

— Теперь узнаешь? — веселился ветер.

В это самое мгновение змея сверкнула на шее мальчика изумрудным глазком, и Мишель понял. Ожерелье. Ожерелье змеи, хранившее его семью, но утраченное однажды.

— Оно будет, когда не будет тебя, — продолжал говорить ему ветер. — Ты — прошлое,

король. Ожерелье — будущее.

Ветер засвистел что было мочи, разрывая пространство и время. И ключьями вокруг них полетели обрывки картины, которая составляла мир. Отлетала прочь река, искажаясь, сморщиваясь и не разбрызгивая воды. Долина исчезла, оставив за собой черное пятно, быстро растрескивающееся и пропускающее свет, будто бы сквозь стекло. Тринадцать гор, окружавших долину, сорвались с места, оказавшись теперь лишь обрывками веления. Шум все усиливался, унося за собой этот ненастоящий мир, превращая все вокруг во тьму. И из этой тьмы рождался в шуме и страхе иной мир, горевший миллионами огней, гудящий, искрящийся, переливающийся.

В этом мире, как муравьи, сновали туда-сюда люди в странных одеждах, не глядя друг на друга, с отстраненными и холодными лицами. Их было так много. И они казались совсем не такими, к каким привык Мишель. Они бродили меж огромных коробов, жили в этих огромных коробах, стояли на крышах этих коробов, выглядывали из окон коробов. И жизнь делилась на ту, что проходила внутри и вне их. На дорогах тоже были коробки, которые ездили сами собой, без лошадей. Здесь двигалось все. Дышало все. Звучало все. Жило все. И всему этому не было имени. И единственно знакомым, узнаваемым, здесь был белый снег, укрывающий все вокруг.

Мишель летел надо всем этим, гонимый свистящим ветром. И себе самому напоминал ту травинку, что подхватил порыв на берегу реки.

А потом все замерло и остановилось. Мир перестал вертеться и кружиться. Казалось, все вокруг стало кукольным. И кукол обездвижили. И среди всего этого зазвучал вдруг негромкий голос:

— Я не вижу цены. Сколько вы за эту хотите, месье?

Мишель обернулся на голос и увидел девушку. Он был одновременно очарован ее лицом и восхитительной красоты глазами, но в то же время его удивление было безграничным. Прекрасная незнакомка из странного мира намеревалась купить... ель, одну из множества стоящих рядами вдоль забора. Между ними сновали взрослые и дети, внимательно рассматривая их, словно перед принятием очень важного решения.

Король снова посмотрел на девушку, пристально вглядываясь в ее черты. Стараясь запомнить ее блестящие темные волосы, высокий лоб и яркие, несмотря на зиму, пухлые губы. Чуть приподнятые в раздумье тонкие брови и спокойное выражение самых синих на свете глаз, каких и не бывает в настоящем мире.

Мир, который видел перед собой Мишель, не мог быть настоящим. Кому в здравом уме придет в голову рубить елки и выставлять их у забора, чтобы люди разглядывали их, как на ярмарке?

— Нет, спасибо, — проговорила девушка и двинулась дальше, вдоль ряда.

— Гляди, гляди, — засмеялся ветер. Юркнул меж деревьев и подхватил края ее одеяния. Тяжелая ткань разлетелась в стороны. И на шее заблестело золото ожерелья. Ошибки быть не могло — на груди незнакомки покоилась головка Змеи.

— Что это значит? — спросил Мишель, заворочено уставившись в зеленый глаз украшения.

— У нее Змея, которая должна быть твоей. И тебе решать, что это значит, король.

— Я устал от твоих фантазий и недомолвок, — возмутился он. — С самого моего детства ты вынуждаешь меня делать то, что нужно тебе, убеждая, что таковы мои желания. Я устал!

Крик этот был беззвучным в черной пустоте, окружившей его. Он вздохнул и открыл глаза. Вдоль каменного пола серебрился луч полной луны, заглядывающей в окно спальни. Этот луч напоминал седую длинную бороду старца, какой был на одном из витражей, сделанном однажды давно королем.

Но теперь он видел перед собой другой лицо, которое не забудет никогда.

— Я знаю, что тебя нет, — прошептал в пустоту Мишель, — но ты всегда будешь рядом.

— Ваше Величество? — раздался испуганный тихий голос. И он почувствовал движение на соседней подушке. — Вы не спите?

Король лениво повернул голову, пытаясь разобрать в темноте, которая из придворных дам ночевала нынче в его постели. Впрочем, большой разницы это не имело. Никто не приглашался в королевскую спальню дважды.

— Не сплю. И коль уж и вы не спите, дорогуша, мы можем заняться куда более приятным занятием, чем разговоры.

— Чествования Змеиною дня совсем не утомили вас, Ваше Величество? — засмеялась женщина, и ее маленькая ладонь легла на его плечо.

— Нисколько, — заверил ее король, подминая под себя. — Праздник моего рода особенно вдохновляет меня, словно каждый из моих предков делится своей силой. Но я не намерен тратить ее попусту.

Подтверждая слова свои делом, Мишель прижался губами к мягкому податливому рту, а руки его нетерпеливо задрали ее камизу, обнажив широкие белые бедра.

Белой была и земля за окном от снега, тихо осыпавшегося на землю Трезмона в первый день зимы 1184 года.

1185 год, Фенелла

Герцогиня Катрин де Жуайез прогуливалась вокруг замка по первому снегу, выпавшему ночью. Было прохладно, и она зябко куталась в плащ, который еще не был подбит мехом. Но в замок возвращаться не торопилась.

Совсем скоро зима. Зимой она будет замужем. И теперь она не вдова. Теперь она — невеста. На долгих прогулках герцогиня старалась почувствовать разницу в ощущениях. Выходило скверно.

Пасмурный день в пустом саду, где не было даже птиц, мало способствовал этому, не добавляя радости Ее Светлости. Небо, в которое она часто взглядывала, было затянуто тяжелыми тучами, навевающими тягостные мысли. В Фенеллу Катрин прибыла на собственную свадьбу с королем Трезмонским. Предстоящий брак порой пугал ее неизвестностью так же, как черное небо над головой пугало предстоящей грозой. Но каждое утро она считала дни до бракосочетания.

Теперь их оставалось два. Целых два дня.

В тишине хрустнула ветка. Впору бы вздрогнуть. Но герцогиня лишь замерла на мгновение и продолжила идти дальше. Воздух плыл по земле, покрывая траву тонким льдом, будто касаясь ее поцелуем. И только тревожно шептали кроны деревьев. Должно быть, они знали о ней...

В одно мгновение чья-то тень сошлась в траве с тенью герцогини, горячее дыхание опалило затылок, и чьи-то руки сжали ее плечи. У самого уха раздался голос Скриба.

— Ваша Светлость одна? В столь ранний час? Что ж не спалось?

Вот теперь Катрин вздрогнула и обернулась. Взгляд ее на мгновение вспыхнул и тут же погас, сделавшись ледяным, как эта изморозь на траве.

— Ах, это вы, Серж... — разочарованно сказала она и повела плечами назад, пытаясь сбросить руки наглеца. — Я прекрасно выпалась. И наслаждаюсь этим замечательным утром. И люблюсь замком, в котором совсем скоро стану хозяйкой. Через два дня.

— Через два дня! — в тон ей ответил Скриб. И, не давая вырваться, вдруг оторвал от земли и в одно мгновение увлек ее по узкой тропинке в тень густого кустарника, за которым ни черта не было видно. Вполне удобное место, чтобы остаться незамеченными из башен Трезмонского замка. Едва оказавшись в безопасности, он поставил ее на землю, развернул к себе лицом. И, ни минуты не колеблясь, завладел ее губами влажным горячим поцелуем.

Опешив, она застыла в его руках, позволив касаться себя так, как имеет право касаться лишь муж. Но Скриб не был ее мужем и не мог им быть. Никогда. Катрин дернулась и тщетно попыталась оттолкнуть его. Здесь, за кустарником ее никто не увидит и не придет на помощь. Кричать не было никакой возможности. Крик пропадет в его поцелуе...

Эти мысли промелькнули в голове Катрин в одно мгновение, и она... укусила Скриба.

От неожиданности он отпустил ее. И разомкнул губы, ожидая, что и она ослабит хватку, отпустив его. Почувствовав, что Серж больше не держит, герцогиня отступила на шаг. Ее глаза метали молнии.

— Что вы себе позволяете? — зло спросила она и поправила диадему на сбившемся покрывале, прикрывавшем волосы.

Он тяжело дышал. В глазах его читался не меньший гнев, чем в ее. Медленно потрогал

распухающую губу. И наконец, иронично изогнув бровь, склонил перед нею колени и проговорил трагичным голосом:

— Я лишь пытался угодить своей госпоже. Коли она недовольна, то пусть накажет меня так, как должно неумелого слугу. И я с радостью приму наказание.

Однако взгляд его вместо того, чтобы быть опущенным к земле, бесстыдно изучал всю ее невысокую, но величественную фигуру. Герцогиня же взирала на коленопреклоненного трубадура у своих ног, понимая, что в его словах на самом деле нет ни капли смирения. Она сделала глубокий вдох и ровно произнесла:

— Вы забываетесь. Ваше поведение не достойно слуги знатной дамы. Мой покойный супруг слишком многое вам позволял. И вы забыли свое место. Ваша обязанность — улаживать мой слух поэзией и музыкой. А ваши канцоны в последнее время навевают на меня лишь тоску. Мне следует подумать о том, чтобы пригласить другого трубадура.

Скриб неторопливо поднялся и расправил плечи. Он был высок, и рядом с ним Катрин казалась совсем хрупкой. Его черные, как смоль, волосы спадали на лицо упрямыми прядями. И все в его облике говорило об упрямстве и гордости, какие не может позволить себе простолюдин, пусть и наделенный талантом. Серые глаза его сделались холодны, как то свинцовое небо над их головами. Оглушающе запричитали вороны, слетевшие с ветвей по-осеннему.... нет, пожалуй, что теперь уже по-зимнему голого дуба.

— Едва ли мое поведение было бы недостойным слуги знатной дамы, ежели бы знатная дама вела себя, как подобает, — бросил Скриб, — а мои поцелуи все же более действенны, чем мои канцоны. Но коли вы недовольны мною... то, вероятно, вам следует озаботиться поисками иного трубадура. Равно, как и мне — поисками другой знатной дамы. Глядишь, и канцоны повеселеют.

— Да как вы смеете, — задыхнулась от возмущения Катрин. Грудь ее часто вздымалась, ей было жарко, словно на улице стояло лето в самом разгаре. — Что ж... уходите! Оставьте меня. Вы оскорбили меня всеми возможными способами. Но я не стану жаловаться своему жениху. Иначе, я уверена, он прикажет наказать вас. Я же, в память о покойном герцоге, не желаю вам подобной участи.

Серж Скриб совершенно не слушал, что она говорила — не мог отвести взгляда от того, как алеют ее щеки на легком морозе — скорее уж от злости, чем от смущения. Она очаровательно злилась, это в обычное время забавляло его. Но не теперь, когда до свадьбы оставалось так мало. Проклятая свадьба! Да неужели же не могла она вовсе не выходить замуж, если трубадур ей не пара?!

— Какое благородство, — проговорил он низким голосом, — быть может, спеть вам напоследок? Или лучше все же поцеловать? Как по-вашему, что выходит у меня лучше?

Катрин опешила и некоторое время пристально смотрела на трубадура. Дерзость Сержа переходила все границы дозволенного... Не отводя взгляда от его лица, она негромко размеренно произнесла:

— У вас все выходит скверно!

— Как жаль... Мне казалось, что кое-что вам даже нравилось, мадам, — мрачно ответил Серж, — я надеюсь, вы хотя бы не обвините меня в недостатке старания? Поскольку я очень старался доставить вам удовольствие.

— Вам показалось, Серж, — надменно возразила Катрин. — Впрочем, я тоже ошиблась. Я думала, что вы талантливый творец, а оказалось, что вы лишь старательный ремесленник.

И, вздернув подбородок, герцогиня де Жуайез, невеста короля Трезмонского,

повернулась, намереваясь вернуться в замок.

— Этот ремесленник любит вас, мадам, — обреченно крикнул он ей вслед, чувствуя, как руки сами собой сжимаются в кулаки.

Она прикрыла глаза. Судорожно сглотнула. И ускорила шаг.

А он смотрел, как подол ее платья скользит по замерзшей траве, исчезая там, где тропа сворачивала за кустарник. Потом поднял руки, разжал кулаки и посмотрел на красные полумесяцы на ладонях — от впечатавшихся в кожу ногтей. Эти полумесяцы да прокушенная губа — в знак любви. Как же он устал от их бесконечной борьбы. Нет, не любить герцогине трубадура. А меж тем, трубадур готов был бросить к ее ногам целый мир. Впрочем, целым миром он не владел.

Серж Скриб точно знал, когда полюбил ее — в первый миг, как увидел. Она только приехала в дом его покровителя, герцога де Жуайеза, и стала хозяйкой замка, полагая, что стала хозяйкой и ему, Сержу Скрибу. Какая злая насмешка судьбы! Нынче он мог владеть всем, о чем грезил. Кроме одного — сокровенного и драгоценного сердца ее. Ибо то было сердце неприступной герцогини. Все же однажды таявшей в его объятиях.

1185 год, Фенелла

Пожалуй, об объятиях немало мог рассказать выдавший виды господин, явившийся в Фенеллу в это утро за два дня до королевской свадьбы, которая по стародавней традиции была назначена на Змеиный день. Он имел вид человека, едва ли ценившего хоть немного подобные объятия и едва ли верившего в то, что возможны они из любви — это отрицало бы саму суть его существования, равно как и смысл всего, к чему он стремился. Он глядел хитро из-под мохнатых черных бровей, в которых проскакивала легкая седина. Озирался по сторонам, и на лице его хмурое выражение поминутно сменялось улыбкой, делавшей его благородные, но некрасивые черты почти уродливыми. В движениях его было немало жизни и сил, едва сдерживаемых им посредством костей, кожи и добротной, но не вычурной одежды. Да, господин был, несомненно, богат, поскольку прибыл на прекрасном вороном коне, равным которому можно было назвать лишь королевского Никса, известного на весь Трезмон. И, безусловно, необычен для знати — при нем не было свиты.

Оказавшись у ворот замка, он нетерпеливо постучал в них рукоятью квилона, вынутого из ножен. И, дождавшись, когда в окошке покажется лицо привратника, проговорил скрипящим голосом:

— День добрый, Жан! Пустите гостя на королевскую свадьбу?

— Откуда вам, мессир, известно, что я Жан? — удивился славный малый, внимательно разглядывавший незнакомца.

— Да я, пожалуй, много чего еще рассказать могу. Коли ты на пороге держать меня не станешь.

— Вы приглашены?

— Конечно, я приглашен! — расхохотался гость. — Мое имя мэтр Петрунель, слышал? Как могу я быть не приглашен!

— Ох, должно быть, не предупредили нас! — пробормотал Жан, засуетившись. — Погодите, сейчас я отопру ворота, мессир!

— Обращайтесь ко мне мэтр Петрунель и довольно.

Впрочем, юноше не суждено было звать Петрунеля мэтром достаточно долго. Едва впущенный им во двор замка незнакомец скрылся в его стенах, он позабыл о том, что вообще кого-то видал в это утро. Равно как и конюх, уведший под уздцы прекрасного коня Петрунеля на конюшню. Позднее бедняга решил, что конь принадлежит кому-то из знатных гостей короля. А может быть, и герцогине. Он лишь завел его в стойло между белоснежным королевским Никсом и конем трубадура — гнедым с редкой черной отметиной на лбу Игнисом. И теперь любовался зрелищем, способным порадовать истинного ценителя лошадей. Уж он-то в них разбирался.

Меж тем, Петрунель с самым уверенным и независимым видом человека осведомленного и решительного направлялся к мастерской короля Мишеля, будто лучше кого бы то ни было знал, где она расположена. Он не плутал среди коридоров замка. Он легко взбежал по винтовой лестнице Восточной башни. Свернул за угол, где находилось несколько комнат для пользования короля. И точно знал, в какой из них Его Величество предпочитает проводить свой досуг. Мэтр Петрунель не выказывал беспокойства и вместе с тем торопился. Достаточно сильно, чтобы в полумраке одного из узких и прохладных коридоров налететь на

показавшегося из-за угла гиганта в монашеском одеянии, также не успевшего вовремя остановиться.

— *Cacat!* — взвизгнул мэтр Петрунель с перепугу и прикрыл глаза.

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen,* — раздалась в ответ громкая скороговорка, продолжившаяся самым недовольным тоном: — Смотреть надо, куда мчишься!

Святой брат Паулюс Бабенбергский всегда славился своей благовоспитанностью и хорошими манерами. Однако нынче он был весьма озабочен. Поднявшись к Утрене, Паулюс увидел, что ночью выпал первый снег. Потому после проведенного в молитве времени, гораздо менее положенного, он счел нужным проверить свой молодой виноградник, куда и направлялся бодрым шагом, несмотря на бурно проведенную ночь и короткий сон.

И уже давно бы мог быть среди любезных его сердцу лоз, если бы на его пути не оказалось досадной помехи в виде испуганного сморчка в богатом плаще и ярких башмаках. Паулюс презрительно фыркнул и пробасил сверху вниз:

— Ну! Так и будете торчать на дороге?

Несколько мгновений мэтр действительно торчал на дороге, растерянно изучая брата Паулюса. Потом по лицу его расползлась улыбка, и он, чуть приосанившись, проговорил:

— Ну что вы, и в мыслях не имею. Но позвольте спросить. Уж не вам ли уготована честь венчать браком короля Трезмонского?

— Мне, — торжественно объявил монах, — как и многим другим братьям из Вайссенкройца до меня вот уже не одно поколение королей Трезмона.

— Должно быть, и вы, и все братья из обители нынче молитесь за своего благодетеля?

— Это уж как полагается, — ответил Паулюс. — Вот и теперь тороплюсь... продолжить молитву.

— Успеете в свое время! Свадьба же не сейчас! Лучше ответьте, как поживает брат Ансельм? Здоров? Все так же ревностен к вере и добродетелям? Знавал его один мой родственник лет двадцать тому назад.

— Брат Ансельм — непоколебим в поборничестве веры, дай Бог ему долгих лет!

Петрунель расплылся в улыбке и жизнерадостно кивнул.

— И как это он борется с соблазнами, коих так много на свете?

— С божьей помощью, — отозвался от стен бас святого брата. — И ты ступай, сын мой.

— Благодарю вас, святой брат! — сказал мэтр и щелкнул пальцами, исчезнув с глаз монаха.

Брат же Паулюс тотчас забыл, что вообще видал кого-то постороннего в это утро, и потому как ни в чем не бывало продолжил свой путь к винограднику.

Появление Паулюса в Фенелле было менее чудесным, но не менее случайным, чем его появление под древними стенами Вайссенкройца.

Несколько лет назад король Александр, отец короля Мишеля, написал настоятелю обители, чтобы ему прислали брата-монаха для проведения служб в недавно построенной часовне замка. Почтенных братьев в аббатстве в то время не оказалось, все они разошлись по другим землям, но и отказать правителю могущественного королевства, всегда оказывающему услуги монастырю по первой же просьбе, монахи не решились. И послали в Трезмон брата Паулюса Бабенбергского.

Был брат Паулюс по годам почти ровесник принца Мишеля. Молодые люди быстро стали товарищами, которые могли и погулять, и вина испить вместе, и споры теологические

завести на латыни. Нередко предавался пылкий и горячий брат Паулюс и греховным страстям, сообразным его возрасту. Да и вниманием здешних служанок молодой монах обделен не был. Острый взгляд глубоко посаженных серых глаз, чувственный рот и белый скапулярий не оставляли равнодушными многих девиц. Потому возвращаться в монастырь он не стремился. Исполнял свои обязанности без особенного рвения, а после смерти старого короля и вовсе забросил службы, совершая лишь самые важные по большим праздникам.

Но и без дела не сидел, найдя себе занятие по вкусу.

Отрочество свое Паулюс провел в обители, будучи приставленным помогать братьям-виноградарям. Зная об этом немало, однажды решил он и в Фенелле разбить виноградники и заняться виноделием — с позволения Мишеля де Наве, едва взошедшего на трон. Съездив ненадолго в Вайссенкройц, под предлогом визита к своим наставникам, Паулюс привез оттуда несколько молодых лоз, которые выкрал у брата Ансельма, бывшего в ту пору старшим виноградарем. И теперь брат Паулюс с нетерпением ожидал своего первого урожая уже следующим летом.

Из густого кустарника, росшего вдоль тропинки, доносилась игра дульцимера — медленные, томные звуки, какие бывают от поглаживания струн. А следом раздался голос Скриба.

— Что ж, друг мой Паулюс, герцогиня не довольна моими канцонами. Быть может, ты подскажешь, что в них не так?

От неожиданности святой брат помянул не к месту дьявола. Заглянул в кустарник, откуда звучал голос старого знакомого, и увидел Сержа, восседающего на большом плоском камне. С развевающимися на ветру темными волосами, в накинутом на широкие плечи зеленом плаще, слишком роскошном для простого придворного музыканта, его долговязая фигура выглядела весьма живописно.

— Приветствую тебя, друг мой Скриб, — весело сказал Паулюс и, подхватив скапулярий, уселся рядом. — Может, и подскажу, если ты что-нибудь споешь... из нового.

— Изволь. Совсем новая. Я сочинил ее только что.

Он с задумчивым видом провел пальцами по струнам и, выводя медленную мелодию, запел:

Цена всей жизни — небо этим утром.

И голос той, чей образ на века

В душе моей. И вот она — рука,

Сияет совершенным перламутром,

Она сражает с нежностью цветка,

И манит лаской острого клинка.

То пытка жизни — холлод поцелуев,

Мороз объятий, лед в густой крови.

И есть ли в том хоть тень ее любви?

Иль от любви ненужной обезумев,

Безумен только я? И как ни назови -

Господь, любовь ее благослови!

Вся сила жизни — ясность ее глаз.

В которых страсти под покровом ночи

Есть исступленность... Ах, чужие очи!

Родные очи! Уст ее атлас -

Услады, вдохновения источник.

Они блаженство или боль пророчат?

Когда последний всхлип дульцимера, подхваченный криком воронья, унесся куда-то в небо, Скриб поднял глаза на брата Паулюса и в ожидании приподнял бровь.

Монах стряхнул с себя дремоту и посмотрел вверх, словно там мог теперь увидеть отзвуки умолкнувших струн. Но увидел лишь стаи ворон, кружащих над замком. Он сладко зевнул и, медленно почесав затылок, сказал Скрибу:

— Я, конечно, не герцогиня, но мне не нравится. И будь я ею, я бы тоже не дарил тебя своей милостью, если бы ты исполнял мне такие канцоны. Это черт знает что такое, а не канцона. Совершенно непозволительная нестрогость рифмы. Неужели ты совсем позабыл о метрике и строфике? Слышал бы тебя брат Марцеллинус! Я уж молчу о торнаде... — Паулюс снова зевнул, потом хлопнул широкой ладонью Сержа по спине. — Давай-ка лучше, друг мой Скриб, пойдем и пропустим по кружке вина с медом!

— Я больше не слышу... ни музыки, ни поэзии, — будто не обращая внимания на его слова, отозвался трубадур, — я только чувствую их, Паулюс. А чувства не выдерживают метрик. Впрочем, забудь, — он заставил себя сбросить мрачное выражение лица и улыбнуться, — забудь!

Вскочил на ноги и закинул дульцимер за плечо.

— Идем к тебе. Где чувства нет, излечит нас вино!

Святой брат оживился, также легко поднялся и радостно ответил:

— Идем. Мне вчера братья прислали бочонок чудесного Шабли. Немного еще осталось. И они вместе зашагали в сторону замка.

Глядя на то, как брат Паулюс сцеживает из бочонка остатки вина, чтобы хватило на вторую кружку, Скриб усмехнулся.

— Вчера, говоришь, привезли? Однажды тебя, ей-богу, Господь приберет к рукам, а ты, в неподобающем виде, и двух слов связать не сможешь.

Он откинулся на спинку просто сколоченного дубового кресла.

Паулюс громко рассмеялся, заглянул в бочонок, дабы удостовериться, что ни капли божественного напитка не пропадет, и отбросил его подальше в сторону.

— Не переживай, Скриб, с Господом я сумею договориться. Но, надеюсь, моя встреча с ним будет нескоро. Пока же надо жить весело и беззаботно, а не предаваться черной меланхолии, как ты. Зачем ты до сих пор торчишь в Жуайезе? — спросил он, сделав большой глоток.

Серж изменился в лице, придвинул кружку к себе. И выпил залпом, не чувствуя вкуса вина.

— Ты обещал мне мед. Что ж, старуха Барбара тебя им обделила? Я предан прежде был герцогу. Он дал мне больше, чем мои славноизвестные родители. Теперь я предан его вдове. В память о нем.

— Сын мой, — скорчив серьезную физиономию, проговорил святой брат, — ложь, которой ты оскверняешь свои уста — большой грех.

Паулюс поднялся, подошел к огромному сундуку у стены, долго в нем возился, и, наконец, достал еще один бочонок.

— Жаль, конечно, тратить на тебя свои лучшие запасы, но... в честь нашей старинной дружбы, — он снова налил Сержу в кружку вина. — И ты настолько предан своей герцогине, что готов переехать в Фенеллу за ней следом?

— Настолько, — выдохнул Скриб, и вторую кружку постигла участь первой, — но после свадьбы я уеду. Я получил вести из Конфьяна. Меня там жаждут видеть — мой старший брат погиб. Пьяным замерз в прошлую зиму.

— Вот как? Значит, ты теперь наследник? — Паулюс снова наполнил кружки и поставил на стол бочонок верескового меда, хитро глянув на Скриба. — Неужто уедешь? И все здесь оставишь?

— У меня есть обязательства перед моим родом, — отрезал «трубадур», — моя добровольная опала затянулась. Да и монастырь в угоду семейным традициям теперь мне точно не грозит. Да, я уеду. Уеду.

Скриб уныло посмотрел на кружку с ценнейшим напитком и зачем-то отодвинул ее в сторону. Паулюс лишь удивленно взирал на это действие. «Плохой знак», — подумал он. Добавил в свою кружку меда, отхлебнул, с удовольствием причмокнул и с довольной ухмылкой сказал:

— А чего тянуть? Уезжай сейчас. И герцогиню свою прихвати.

Скриб дернулся, поднял глаза на монаха. А когда сказанное дошло до его сознания, вскочил на ноги, потянулся через стол и схватил святого брата за скапулярий.

— Если ты хоть слово скажешь об этом при ком-то еще, клянусь, найду и убью тебя! — зарычал он. — Только попробуй сболтнуть. Она герцогиня — ты монах. И есть тайна исповеди.

Паулюс, продолжая хохотать, оттолкнул Скриба обратно в кресло.

— Да успокойся ты! Лучше выпей, — он пододвинул приятелю его кружку. — Хорошее вино, и мед хороший. Я тебе как друг советую. Скажи ей, кто ты, она сама за тобой побежит. Все они одинаковые. Хоть герцогиня, хоть харчевница.

Трубадур устало потер лицо ладонью, будто это помогло бы сбросить с себя все печали, как утро сбрасывает ночной сон. Все они одинаковые. Все одинаковые. Он видел, как рыжие пряди разметались по постели. Видел «ясность ее глаз. В которых страсти под покровом ночи есть иступленность...»

Одинаковые... В минуту слабости она была другая. Чего так ему и не простила.

— Это невозможно, — хрипло выдохнул Серж, — ты знаешь, шутка обернулась моим кошмаром. Герцог не представил меня ей как своего родственника. Со слугами я обращался на равных. Она и приняла меня за слугу. О, как я забавлялся поначалу, теперь... забава пролилась слезами — моей души. Коли она не любит трубадура, ей быть судьба женою короля.

— Послушай, сын мой, — брат Паулюс сделался серьезным, насколько это позволяло вино, третий день льющееся в его глотку почти без перерыва. — Твоя любовь совершенно затмила твой разум. Неужто ты и вправду осмеливаешься думать, что достопочтенная герцогиня де Жуайез, браком с которой не гнушается сочетаться сам король Трезмонский, в здравом уме пойдет под венец с безродным придворным музыкантом?

Скриб издал горький смешок, как и лицо его было искажено горечью. Кружка снова оказалась в его руках, и он медленно добавил в нее меду.

— О нет, мой друг, не настолько я безумен. Пусть бы хоть сказала, что любит... И я предстал бы равным ей по крови и по богатству. Любовь есть равенство сердец, умов и душ. Меня же, трубадура, она презирует.

— Как у тебя все сложно, — сонно пробормотал Паулюс. Отодвинул в сторону свою кружку, сложил руки и склонил на них голову. — Ступай, сын мой, и прежде, чем совершить

глупость, подумай дважды. Но если эта глупость может доставить тебе удовольствие — не думай вовсе, — сказал он Скрибу, закрыл глаза и через пару минут мирно захрапел.

«Хорошее напутствие!» — подумал Серж. Достал свой дульцимер и тихо, почти в такт похрапыванию Паулюса, стал напевать под нос:

Вся сила жизни — ясность ее глаз.

В которых страсти под покровом ночи

Есть исступленность... Ах, чужие очи!

Родные очи! Уст ее атлас -

Услады, вдохновения источник.

Они блаженство или боль пророчат?..

Отставил инструмент в сторону. И решительно опустошил третью кружку вина, изрядно разбавленного медом. Он никогда не пьянел. Но все-таки надеялся.

1185 год, Фенелла

В восточной части замка, в самой высокой его башне, располагались любимые покои Его Величества короля Трезмонского Мишеля I де Наве.

Отсюда наблюдал он за стражами в замковом дворе, разглядывал подданных у фонтанов на улицах и рыночных площадях Фенеллы, любовался долиной, окружавшей его столицу. В ясную погоду из башни можно было увидеть все тринадцать вершин, между которых раскинулся Трезмон, а в грозу мимо окон мчались сизые облака, обгоняя друг друга и скрывая собой все королевство.

В восточную башню пару месяцев назад Мишель велел перенести витраж незнакомки. Ее образ увидел он лишь однажды во сне, но больше не забывал никогда. Портрет занял место одного из башенных окон, проем которого был увеличен городским каменщиком. Рассветные лучи заставляли улыбаться губы прекрасной девушки, а закат туманил печалью ее синие как небо глаза.

Сегодня молодому королю было особенно тяжело смотреть в эти глаза. Словно он предавал их и предавал что-то очень важное, что скрывалось в глубине его сердца.

С тяжелым вздохом отвернувшись от витража, Мишель отринул мечтания. Важным нынче было иное. Глядя на город, раскинувшийся под его ногами, он размышлял о предстоящей свадьбе. После нее он значительно расширит земли королевства и укрепит свое право на трон Форелбле. Так завещал ему отец: добиваться утверждения власти Трезмона любыми способами. Впрочем, брак с герцогиней де Жуайез приносил ему не только новые владения, но и давал надежды на появление здоровых наследников, в чем во все времена нуждается любой королевский род. А род де Наве, единственным продолжателем которого был Мишель, особенно.

— Вы видели ее год назад в ночь после Змеинового дня, Ваше Величество? — раздалось вдруг за его спиной. И тяжелая дубовая дверь со скрипом затворилась.

— Кто вы? — недовольно спросил Мишель.

Он очень не любил, когда его беспокоили в башне.

Шаги зазвучали под каменными сводами замка. Незнакомец приблизился к королю и стал возле витража плечом к плечу с ним.

— Мэтр Петрунель, сир, из герцогства Мерфруад. Вы, верно, слышали об этих землях. У нас шьют лучшие одежды из шкур и мехов.

Король Мишель с нескрываемым любопытством разглядывал человека в темных одеждах. Тот вел себя как близкий друг, даже по-хозяйски, ничуть не смущаясь присутствием истинного хозяина. Было в его хитровой улыбке и остром взгляде, который он прятал под тяжелыми веками, нечто отталкивающее. Это заставило Его Величество насторожиться.

— Что привело вас в наши владения, мэтр? — спросил король царственным тоном, как и подобает правителю сильного государства.

— Она, — кивнул Петрунель на витраж. — Через два дня, в Змеиный день, ваша свадьба. И тогда она будет навек потеряна для вас. Как и то, что она хранит.

— О чем вы? — удивленно спросил Мишель.

— Ожерелье на ее шее. Это же ваше ожерелье, верно?

Золотая змея с изумрудным глазком — Мишель видел его на некоторых портретах своих предков, но никогда не держал в руках. Никто не знал, было ли оно украдено или исчезло по иной причине. Разные легенды и слухи, похожие на сказки, передавались шепотом в каменных коридорах замка. Но Мишель не верил ни одним, ни другим. А ожерелье был склонен считать фантазией придворных художников.

И все же мэтр ожидал его ответа.

— Верно, — задумчиво сказал король.

— Ведь не давало оно вам покоя целый год? — не унимался гость.

— Мое беспокойство к вам касательства не имеет, мэтр Петрунель. Зачем вы здесь?

Чего вы хотите?

— Вернуть Змею истинному владельцу, — поклонился мэтр. — Иначе конец Трезмону. Веками она хранилась вашей семьей и оберегала вас и ваших подданных. Были светлые времена в королевстве. Была гармония, было процветание. Теперь же настала темная эпоха. Разве с исчезновением ожерелья не стали преследовать всех нас беды? Смерть королевы-матери двадцать лет назад была первым знаком последующих горестей. Она не произвела на свет дитя, что должно было родиться. И вы остались единственным наследником рода. Ваш отец более не женился. Вы потеряли Фореблё и надежду его вернуть. В дальних провинциях голодают. Да и здесь держатся лишь вашей милостью. И все началось с исчезновения ожерелья. Вам ли не знать, сир!

— А если я скажу, что это больше похоже на истории, которыми няньки пугают непослушных детей?

— А если я скажу, что девушка с витража существует? И год назад это был не сон?

— Что же тогда это было? — в голосе короля явственно слышалась насмешка.

Петрунель только хмыкнул и принял позу, охарактеризовать которую можно было единственным словом — величественная.

— Ее зовут Мари. Вы видели то, что было в действительности, — торжественно сообщил мэтр. — Или будет в действительности. Через восемь веков, Ваше Величество.

«Оно будет, когда не будет тебя», — вспомнил Мишель слова ветра, услышанные год назад.

Сколько долгих дней и бессонных ночей он потратил на то, чтобы прочитать все книги, в которых описывалось древнее ожерелье, и рассмотреть картины, на которых его запечатлели королевские живописцы, и выслушать рассказы о нем ученых мужей. Он искал, собирал по крупицам и верил. Пока однажды не потерял надежду. В тот день он вспомнил о своем долге перед королевством и подданными. Создал витраж и отписал герцогине де Жуайез с предложением стать королевой Трезмона.

И вот теперь рядом с ним стоит странный человек и утверждает, что все существует не в мечтах Мишеля, а на самом деле.

— Но я-то здесь, а не через восемь веков, — озабоченно проговорил король, глядя на витраж.

— Тогда я скажу вам, что все же есть возможность попасть туда. Я могу помочь вам преодолеть время и вернуть ожерелье Змеи.

— Но... как такое возможно?

Петрунель удовлетворенно прищелкнул языком и внимательно посмотрел на короля. Тот был достаточно молод, чтобы ему были интересны дела государственные, и достаточно красив, чтобы жизнь подбрасывала ему соблазны, способные увлечь его. Но и горяч,

решителен и отважен. Что хорошо для короля. Таким когда-то был его отец. До того страшного дня, когда все в королевстве изменилось.

— А как, по-вашему, это ожерелье туда попало? — рассмеялся мэтр. — В действительности все на свете и во тьме возможно. И я могу отправить вас туда. Но чтобы предупредить ваши вопросы, позвольте пояснить сразу. Это не я похитил вашу Змею. Хотя и имею к тому некоторое отношение. Мой дядя... Великий магистр Маглор Форжерон... Ваш отец лишил его наследства, разграбив край, в котором он вырос. Маглор решил отомстить. Двадцать лет назад в Змеиный день он украл ожерелье де Наве и отправил его туда, где никто не нашел бы. Это стало вашим проклятием. И проклятием всего королевства.

— Ваш родственник не без воображения, как я погляжу, — Мишель улыбался, но глаза его были серьезны. — Ну хорошо... Вы отправите меня к ней, — он кивнул на витраж. — За ожерельем?

— Без него ваш брак с герцогиней также будет проклят, как и все, к чему прикасаются де Наве.

— Но не воровать же мне его! — воскликнул Его Величество.

— Вы ни в коем случае не должны его красть! — нахмурился Петрунель и приблизил свое лицо к лицу короля. — Никто не смеет красть его, иначе найдет на свой род великие страдания. Ожерелье Змеи может быть лишь даром любви и только. Мой дядюшка украл его — и что же? Из всей нашей семьи в живых лишь я да он остались. Она, — мэтр кивнул на витраж, — отдаст ожерелье только тому человеку, которого полюбит навсегда, на всю жизнь. Другого пути нет, сир.

— Другого пути нет... — повторил Мишель и долго пристально смотрел на витраж. От его решения зависело так много. И многие. — Что вы хотите за то, что поможете мне, мэтр Петрунель?

— Я попрошу вас лишь об одном, Ваше Величество, — склонился он в поклоне. — Дать мне это ожерелье на один час в Змеиный день. Единственный, когда оно исполняет желание. Одно желание до следующего поколения своих хозяев.

— Вы многого просите, мэтр, — усмехнулся уголком губ король. Едва ли он верил в подобные сказки.

— Нет. Цена вполне приемлема за ту услугу, что я вам окажу.

— Еще никто со мной не торговался.

— В моей семье славны своими делами не только маги, но и торговцы. Так что же? Клянетесь вы королевской честью дать мне то, что я прошу у вас? Поклянитесь, Ваше Величество! — Петрунель поднял правую ладонь так, будто бы сам произносит клятву.

Мишель некоторое время обдумывал предложение мэтра. Лицо его было серьезным, но спокойным, не выражающим ни одной его мысли. В утаивании мэтра был подвох, не мог не быть. И требование клятвы лишний раз подтверждало догадки Его Величества. Однако сейчас Петрунель просчитался. Клятва короля, произнесенная без главного символа этой самой королевской чести, который беспечно был забыт в личных покоях, не имела никакой силы. Поэтому Мишель легко поднял в ответ правую руку и произнес:

— Клянусь!

— И горе вам, коли вы нарушите вашу клятву! — зловеще прогрехотал мэтр Петрунель, и в этот момент за окном сверкнула молния. В ноябре. Накануне зимы. Маг вздрогнул и оглянулся. — Ну, это уж слишком, дядюшка, — буркнул под нос.

Король Мишель равнодушно посмотрел на полыхнувший ярким светом витраж, и

перевел выжидающий взгляд на магистра.

— Благодарю вас, сир, — вновь поклонился пришелец. — Вам следует помнить еще кое-что. С того мгновения, как я отправлю вас во времена, где сейчас ожерелье, у вас будет совсем мало времени, чтобы вернуть его. Все нужно успеть сделать до наступления Змеиного дня. После все вернется в места, которым принадлежит. Этот день будет тем самым, как двадцать лет назад, когда ожерелье пропало. Выпадающий раз на поколение. Когда возможно все, и ничего не изменить.

Два дня. Целых два дня, которые он проведет рядом с прекрасной принцессой. Король Трезмонский улыбнулся собственным мыслям и нехотя сказал:

— Следует предупредить в замке, что меня не будет некоторое время. Иначе поднимется переполох.

— Разумеется, Ваше Величество. Когда будете готовы, найдете меня здесь же. Но торопитесь. Время идет.

Не теряя больше ни минуты, Его Величество вышел из своих покоев и быстро спустился по ступеням башни. Он размышлял, кому сказать о том, что покидает Фенеллу, пока не пришел к единственно правильному, по его мнению, решению. В тронном зале он написал короткую записку своей невесте. И со свитком в руке отправился в гостевую половину замка, где несколько дней назад расположилась вместе со свитой герцогиня де Жуайез.

Неожиданно из какого-то темного угла раздался до боли знакомый голос, напевающий:
Твердят вокруг: любовь — небесный дар.

А я в ответ: по мне, вино — отрада.

Согреет после ледяного взгляда,

Но не сожжет огнем любовных чар!

А коли с медом — ангельский нектар.

Король улыбнулся. Явление ко двору трубадура Скриба в свите собственной госпожи пролило свет на тайну о том, кто таков этот талантливый музыкант из герцогства Жуайез, о котором говорили в последнее время все больше. Какое оскорбление для его семьи! Если бы было кому оскорбляться теперь!

— Маркиз де Конфьян, — окликнул король Сержа, которого знал еще в детстве.

Тот выплыл из тьмы наперевес с дутьцимером, но лицо его не было и вполнину таким веселым, какой была песенка.

— О! — преувеличенно пьяным голосом проговорил Серж Скриб, маркиз де Конфьян. — Его Величество пожаловали на половину своей невесты! Ну, в опочивальню вас не пропустят, сир. Честь герцогини.

— Странно, почему именно вы охраняете вход в опочивальню моей невесты.

— А почему бы и не я! Я был ближайшим другом покойного герцога, — рявкнул Скриб. — А кто-то же должен!

Короля решительно не интересовало, что должен, а что не должен был делать маркиз. Хотя будь у него чуть более времени и чуть менее забот, он бы, несомненно, задумался над тем, какого черта изображает его старый приятель по детским проказам.

— Сейчас у меня есть иные заботы, более важные. Передайте Ее Светлости эту записку, — король протянул небольшой свиток Сержу.

— Передавать любовные послания — не дело трубадура!

— Вы забываетесь! — надменно произнес Мишель. — Уверен, что выполнить мою просьбу не составит большого труда ни для трубадура, ни даже для маркиза.

— А вы полагаете, если вам, жениху, туда хода нет, то меня, постороннего молодого мужчину пропустить — дозволительно? — голос Сержа звучал мрачно, он отвратительно растягивал слова, будто пытался сдержать злость.

Гнев начинал овладевать и Его Величеством. Он терял время на глупые препирательства вместо того, чтобы, возможно, уже сейчас быть рядом с девушкой с витража. А если мэтр Петрунель устанет его дожидаться и передумает? Эта мысль стала последней каплей.

— Маркиз, — повысил он голос, — придумайте что-нибудь и передайте мое послание герцогине.

— Как вам будет угодно, Ваше Величество, — холодно ответил Серж Скриб, взял из рук короля свиток и манерно поклонился. — Быть может, спеть вам на прощание? Уж коли я слишком рассердил вас, сир? Я нынче всех сержу.

— В следующий раз, — бросил Мишель и быстрым шагом отправился обратно в башню, где оставил таинственного мэтра Петрунеля.

Тот со скучающим видом листал одну из драгоценных старинных книг, лежавших на столике у окна. Книг король не позволял касаться никому. Особенно этих — летописей правления де Наве с самых истоков. Когда-то король Александр приказал оправить эти книги в кожу, серебро и драгоценные камни. И они были настоящими сокровищами из всех вещей, принадлежавших де Наве. Однако появление короля Трезмонского нисколько не отвлекло Петрунеля от его занятия. Он продолжал читать и, будто мимоходом, проговорил:

— Есть что-то прекрасное в том, что Фенелла была названа в честь матери Эймара Наве, основателя вашего рода, не находите? Называть города именами близких — это много. Но и здесь я не нашел ни слова о том, почему Аброн отдала первое ожерелье чужому ребенку...

— Вы полагаете, это может быть важным? — поинтересовался Мишель. — Или как-то мне поможет?

— Вас не привлекают тайны?

— Они осложняют жизнь, а вы сейчас тянете время, когда и сами знаете, как его мало.

— А ведь стольких бед можно было избежать, если бы не было тайн, — задумчиво ответил мэтр Петрунель. — Но вы правы, сир. К чему теперь гадать, когда ничего не остается, кроме действий. Через два дня, в последний день осени, День Змеиный, когда все возвращается в места, которым принадлежит, вы вновь окажетесь в Трезмоне с ожерельем или без.

— А где будете вы?

— Я буду ждать. И не стану мешать вам. Слово мэтра Петрунеля, сир!

— Что ж, я готов.

— Как вам будет угодно, Ваше Величество, — усмехнулся Петрунель и щелкнул пальцами.

28 ноября 2015 года, Париж

— Я не хочу устраивать тебе сцен, — процедила сквозь зубы Мари, вцепившись руками в горчичных перчатках в руль и внимательно глядя на светофор. — Но, когда я вернусь из Бретины-Сюр-Орж, я не хочу видеть твоих вещей в своей квартире. В понедельник заеду к тебе за ключами. И на этом все, договорились?

— Договорились, — эхом отозвался молодой человек, расположившийся, несмотря на ремень безопасности, в самой вальяжной позе на соседнем сидении.

Он с важным видом смотрел в окно на мелькающие дома, в то время как его пальцы с безупречным маникюром постукивали по ручке дверцы в такт мелодии, раздававшейся из динамиков. Весь он, начиная с его длинных ресниц и заканчивая большим ртом с ярко очерченным изгибом губ, которым могли бы позавидовать многие женщины планеты, походил на высокооплачиваемую модель перед камерой именитого режиссера.

Мари проглотила ком обиды, резко возникший в горле и мешавший дышать. Но тут же взяла себя в руки. В конце концов, так даже проще. Все лучше, чем и дальше тянуть на себе этот груз с гордым названием «Наши отношения», выделенным розовым маркером. Даже при склонности к мелодраматическим эффектам, Мари отдавала себе отчет, что в данном случае «отношения» — результат ее собственной работы, не его. Но от этого менее гадко не становилось.

— Может быть, хоть объяснишь, за каким чертом предложил жить вместе? — в конце концов, не сдержалась она. — Это же должно мешать? Или нет?

— Чему мешать? — недоуменно спросил Алекс и повернулся к ней.

— Твоим поискам.

— Да нет, не мешало, — пожал он плечами. — С тобой было удобно. Но Лиз я давно люблю. Это другое...

Слова и комментарии, которые она собиралась обрушить на голову Алекса Романи, замерли у нее на губах. И Мари, чтобы не сбиться, сосредоточенно уставилась на дорогу. О великой любви своего теперь уже точно бывшего она узнала каких-то пару недель назад. И это был самый странный период в их так называемой совместной жизни. Его вещи по-прежнему валялись по ее квартире. А он таскался за Лиз на глазах Мари и всего ресторана. Впрочем, этого и следовало ожидать. Рано или поздно они все равно разошлись бы. Собственно, едва ли ей вообще светила нормальная семья. С Алексом — особенно.

Ее пригласили работать в новый ресторан семьи де Савинье «Шато дю трубадур» полгода назад. Вернее, тогда еще самого ресторана в помине не было. Были идея, помещение и шеф-повар Алекс Романи с его тремя гребанными мишленовскими звездами и предложенным меню из сети ресторанов де Савинье. Мари оформляла помещение. Романи воевал с владельцем за каждое измененное наименование. Вивьен Лиз де Савинье, дочь владельца, фонтанировала фантазиями, поскольку больше заняться ей было нечем.

Но даже к подобному бедламу последних месяцев в «Шато дю трубадур» Мари привыкла по роду своей профессии с шестнадцати лет. Первую идею она продала рекламному агентству именно в том нежном возрасте, будучи чертовски наивной и оглушительно юной студенткой Боз-Ар де Пари. Просто подала проект на конкурс под именем своей матери. И ей ответили. Обычно в жизни такого не происходит. Но с

маленькой художницей Мари Легран случилось. К двадцати годам в мире дизайнерского бизнеса она сделала себе имя — Принцесса Легран. Так звали ее и сотрудники, и конкуренты. И даже некоторые клиенты.

За четыре года работы проект оформления ресторана в средневековом стиле для де Савинье был, кажется, самым изнуряющим. Открытие анонсировали 1 декабря. И Мари разрывалась между работой и необходимостью порвать с Алексом. К счастью, оставалось два дня. Два. И она будет свободна и от того, и от второго. Даже несмотря на обиду и ревность, душивших ее, будто змеи.

Она была интрижкой. Лиз он любил.

— Это другое, — повторила Мари и тряхнула головой, сворачивая к парковке возле ресторана. — Искренно надеюсь, что это другое и дальше будет держаться от тебя подальше.

— Не будь такой злючкой, малышка, — рассмеялся Алекс, выходя из машины и направляясь ко входу в ресторан. — Тебе не понять. Ты вообще дальше своих эскизов ничего не видишь. А ведь я тоже художник в некотором смысле. Лиз — моя муза, а на что можешь вдохновить ты?

Ни разу не обернувшись на Мари, он продолжал болтать, пока не скрылся за дверью. Она некоторое время смотрела ему вслед. А потом, подавив всхлип, грозивший превратиться в рыдание, стукнула кулаками по рулю.

Она тоже не любила Алекса. И он тоже был для нее — «другое». Всего лишь важный аксессуар к тому, что окружающие считали нормальностью. Стабильные отношения. Постоянный партнер. Мужик, который живет в твоём доме. И никакой любви, которую однажды она отважилась искать в его объятиях. Любовь при таком раскладе не предусмотрена. Просто она задыхалась от одиночества. И ни дня не ощущала себя на своём месте. С Алексом было просто — слишком занятый собой, он почти никогда не обращал внимания на её странности. А если и замечал, то списывал на «творческую натуру». Собственно, почти все и всегда списывали её замкнутость и недружелюбие именно на это.

«Художники часто смотрят в себя, а не вокруг», — пожимал плечами отец, когда мать в очередной раз билась над тем, чтобы познакомить её с кем-то, кто был бы рядом. Её сверстницы давно бегали на свидания, тогда как Мари торчала в студии на втором этаже их дома. Да, пожалуй, мадам Легран спешила приспособить её к жизни, будто боясь не успеть.

Мари все-таки всхлипнула. Но тут же вытерла ладонью в перчатке выступившие слезинки с обоих глаз и внимательно посмотрела на влажные пятна, оставшиеся на тонкой шерсти. Негромко вздохнула и, захватив с заднего сиденья сумку с ноутбуком, покинула салон авто и прошла в ресторан.

Работа всегда спасала. Работа была лучше любовника.

В каком-то смысле с ней согласилась бы и Вивьен Лиз. Но не столько ввиду склада характера, сколько ввиду кипучей энергии, которую особи противоположного пола не могли выдерживать продолжительное время. Ну и ввиду того, что Алекс Романи достал и её тоже.

На неё Мари наткнулась практически сразу.

— В доспехах швейцару неудобно будет, — затараторила Лиз с порога. — Ему, чтобы дверь открыть, придется громыхать грудой железа, местами плохо смазанной... И потом они тяжелые, я смотрела... Отмечаем!

— В изначальном плане этого и не было. Вы сами настаивали, — рассмеялась Мари, переключившись.

— Но все равно же должно что-то быть!

— Я по-прежнему настаиваю, что чем проще, тем лучше.

— То есть просто горожанин.

— Лучше мальчишка при харчевне. За несколько денье открывает господам дверь.

Питается похлебкой на кухне. Рассказывает какие-нибудь занятные истории.

— Алекс не согласится варить похлебку.

— Алекс не согласится, — хмыкнула Мари. — Это всего лишь легенда. У всего должна быть легенда.

— Излишне натуралистично.

— До натурализма, поверьте, здесь далеко. Зато такого больше нигде не будет! Последняя реплика подействовала. Лиз подзависла, соображая. Сообщила, впрочем, довольно быстро.

— Ладно. Я об этом подумаю. Можно поискать кого-нибудь... в театральной школе для начала... Если истории будет рассказывать, надо чтобы умел это делать, — Лиз ко всему подходила фундаментально.

— Можно все что угодно. Но у нас два дня, — отрезала Мари, впрочем, тут же примирительно добавив: — Доспехи возвращаем в студию?

— Нет! — вскрикнула мадемуазель де Савинье. — Мы их где-нибудь поставим! Чтобы просто стояли.

— С этим сложнее. Интерьер продуман до мелочей. Все готово.

— Мы подумаем еще.

— И как вашей головы хватает, чтобы столько думать? — снова засмеялась Мари.

Этот вопрос, в сущности, мучил и Лиз. И собственной голове она удивлялась тоже.

Потому просто пожала плечами и, предупредив дизайнера, что в случае необходимости стоит искать ее между кухней и кабинетом де Савинье, направилась для начала на кухню. К одиннадцати должна была приехать съемочная группа, готовившая рекламный ролик о «Шато дю трубадур» для ТВ. А до этого времени следовало проконтролировать ход подготовки блюд для съемки. Ей до всего было дело. И во все она совала нос, чем крайне раздражала даже собственного отца, что уж говорить о прочих?

Хотя был все же один человек, который скорее радовался ее присутствию и ее интересу.

Уверенный в собственной мужской неотразимости, любимец женщин и обладатель трех гребанных мишленовских звезд Алекс Романи.

— Фея явилась! — воскликнул он, едва Лиз оказалась на пороге его владений.

— Скорее злобный гном, — пробурчала себе под нос мадемуазель де Савинье, проигнорировав приветствие.

Алекс был любимцем ее отца. И Алекс был ее первой большой любовью. Правда безответной, но это уже другая история, печальная. И самым печальным в ней было то, что лет десять назад, когда самой Лиз было еще только тринадцать, этот засранец, пользуясь абсолютным расположением к нему месье де Савинье, соблазнил сначала его секретаршу, потом его любовницу. А потом и его жену. Мать Лиз. Да и разве тут устоишь?

Впрочем, едва ли кто-то еще знал об этом. И Лиз бы не узнала, если бы не ее феноменальная способность оказываться в самый неподходящий момент в самом неподходящем месте.

С тех пор прошло время, много времени. И роковой мужчина Алекс Романи вызывал в ней всего лишь досаду оттого, что вообще приходится иметь с ним дело. Но ничего не попишешь. Он по-прежнему ходил в любимцах Виктора Анри Пьера де Савинье. А еще он

жил с ее дизайнером. Собственно, он Мари Легран к ним и привел. Хотя это не мешало ему ухлестывать за Лиз. Охренеть ситуация! И как предостеречь Мари, Лиз представляла себе смутно, упрямо отшивая Алекса.

— У нас все готово? — включив хозяйку ресторана, спросила она. — Полчаса!

— Я помню, — усмехнулся Алекс. — Попробуй соус!

— Мне плевать, какой у него вкус, — отшатнулась она от ложки, приставленной к ее рту. — Главное, достаточно ли он киногоничен. Его снимать будут, а не есть!

— Пробуй! — рявкнул шеф и снова приблизился к ней с кастрюлькой и ложкой, наполненной однородной зеленоватой массой. Лиз обреченно вздохнула, отняла ее у него и взяла губами соус. Задумалась на минуту и кивнула.

— Правда, это круче, чем секс? — поинтересовался Алекс.

— Да? Тогда половая жизнь у тебя так себе.

— С тобой она улучшится.

— Нет, спасибо, я не намерена рисковать, — хохотнула Лиз. — Что с мясом?

— Бедный поросенок полным ходом жарится на вертеле.

— Зато это эффектно будет смотреться в кадре.

— Ну никакой культуры питания!

— И тебе придется переодеться в котт.

— Да легко! А во что переоденешься ты?

— Ни во что. Меня снимать не будут.

— Да? Ну поглядим! — рассмеялся Алекс и, чуть подбросил кастрюльку в воздух. Видимо, намереваясь ее поймать. И это было худшее, что он вычудил за день. Потому что в это самое мгновение мимо пробежал кто-то из подчиненных, чуть толкнув его локтем, Алекс оступися, схватившись рукой за Лиз. Кастрюлька же по законам земного притяжения неумолимо стремилась вниз. И доли секунды не понадобилось, чтобы измазаны расплескавшимся соусом были и мадемуазель де Савинье, и месье Романи. Но только де Савинье — в разы сильнее.

По светло-розовому трикотажу платья расплзлось очаровательно зеленоватое пятно — от лифа до юбки — источающее нежный аромат чеснока и зелени. Не самое лучшее сочетание цветов не только по версии старушки Коко.

— Ты ненормальный! — завизжала Лиз, пытаясь отряхнуть соус с платья и испачкав еще и руки.

— Я его остудил!

— Будто это меняет то, что ты ненормальный!

Сам Алекс легко отделался — всего лишь испортил рукав. Несколько мгновений она смотрела на этот самый рукав. Потом снова перевела взгляд на лиф платья. И почти зарычала. — Я помогу тебе его снять! — выдал повар.

— Съёмка через полчаса! — ругнулась в ответ несчастная рестораторша и направилась вон из кухни, по дороге сдернув со стола какую-то скатерть и вытираясь ею. Помимо чудесного аромата, который она получила вместо духов, рисковала испортить еще и белье. А это уже никуда не годилось. Шантель!

Пятнадцать минут спустя Лиз, облаченная в кружевной наряд привидения для съемок рекламы, изучала собственное отражение в зеркале уборной. Потом скорчила самой себе рожицу, от которой ее хорошенькая мордашка стала немного похожей на обезьянью, и усмехнулась. Всю жизнь она считала себя невзрачным серым утенком. Мало ли на свете

зеленых глаз, курносых носов и острых подбородков? Широкий лоб отец не признавал признаком ума. Мать неоднократно отмечала, что рот у нее слишком крупный. А большая родинка на щеке, похожая на черного жучка, бесила ее саму. Единственным своим достоинством Лиз считала волосы. Натуральная блондинка с тяжелой и одновременно пушистой копной. И то все порывалась ее обрезать под ноль.

Но все же она немного лукавила, настаивая, что Алекс вызывает в ней только досаду. Нет, его нынешнее упертое внимание вопреки ее сопротивлению все же... добавило ей уверенности в себе.

Потому теперь, распушив еще сильнее волосы на голове, она вздернула носик и гордо проследовала на выход. Ну и подумаешь, что в почти прозрачном балахоне!

Перешагнула порог уборной и оказалась перед здоровенным деревянным столом, за которым благополучно спал мужчина... в сутане.

28 ноября 2015 года, Париж

Возле камеры оператора раздался взрыв дружного смеха. Мари недовольно поморщилась и оглянулась. Конечно. Алекс в окружении стайки привидений выглядел особенно оживленным. Быть центром Вселенной он умел и любил!

— А после этот рыцарь потерял сапог и остаток сражения бегал босиком. Когда ты на коне, это не проблема. Но коня рыцарь потерял тоже, — ржал Романи. Стайка вторила ему старательно и дружно.

Мари постаралась подавить злость, которая, подобно змее, душила ее сердце. Впервые в жизни чувствуя себя униженной. Но продержаться оставалось два дня. Два дня до свободы!

Она передернула плечами и уткнулась в лэптоп. Из импровизированной гримерной, устроенной на втором этаже здания, вышли «рыцари» и прогромыхали на съемочную площадку. Только-только завершили настраивать свет. А Алекс, теперь уже как насадка над цыплятами, хлопотал и кудахтал вокруг стола, подробно объясняя оператору, как ему выполнять его работу. По счастью, оператор был достаточно терпелив. С этой съемочной группой Принцесса Легран работала не первый год.

Погибнотизировав немного открытое окно фотошопа, Мари все-таки оторвалась от экрана. Слушать Алекса, когда он в ударе, можно вечно. Это почти как слушать его признания в любви. Она знала цену и тому, и другому.

До этого успела переговорить с владельцем актерского агентства, где они набирали лица для рекламы ресторана, относительно «мальчика-швейцара». Тот посоветовал взять девушку и переодеть ее пареньком. Дескать, мальчики имеют свойство расти. По этому поводу следовало посоветоваться для начала с месье де Савинье, разумеется. Но, прекрасно понимая, что объясняться в итоге ей с Вивьен Лиз, Мари отправилась искать последнюю. И будто нарочно увидела сцену на кухне. От первой до последней минуты. Феерия!

Теперь она сердилась все сильнее, доходила в собственной злости до решения облить обоих еще и краской. Тут же меняла его на то, чтобы предостеречь Лиз о неблагонадежности Романи как полового партнера.

Но вместо этого растерянно глотала раз за разом подступавший к горлу ком рыдания. Какое ей дело до происходящего? В руинах ее собственной жизни виноват не Алекс. А вот испортить ее своей новой музой он в состоянии.

К слову о Лиз. Ее хлопотная клиентка куда-то запропастилась, и это начинало беспокоить. То лезет в каждую щель, то исчезает в неизвестном направлении. Мари покрутила головой, разглядывая людей в зале. И вдруг наткнулась на... рыцаря! Правда, почему-то без доспехов.

Он сидел за дальним столиком и пристально смотрел на нее. А едва она задержала на нем свой взгляд, улыбнулся ей и сказал:

— Приветствую вас, Ваше Высочество!

Мари в замешательстве кивнула и опять уставилась в экран. С две минуты посидела, глядя в фотошоп, в котором до этого безуспешно пыталась прилепить надпись к макету наружной рекламы. Сейчас макет превратился в яркое пятно, на котором она ничего не могла, да и не пробовала разобраться. Снова подняла голову и посмотрела на рыцаря.

Морок какой-то. Его словно бы выхватило лучом света. И она не могла не смотреть.

Даже толком не разбирая черт. Только общая картинка, к которой ее будто притянуло магнитом.

Потом она почувствовала сердце, трепыхавшееся, будто пойманное. И заставила себя сбросить странное наваждение.

— Почему не на площадке? — спросила Мари, перекрикивая царивший вокруг галдеж.

Рыцарь удивленно воззрился на нее. Поднялся и, подойдя к столу, за которым она сидела, сказал:

— Простите, Ваше Высочество. О чем вы?

Собственно, король Мишель, а это был именно старый наш знакомец, уже в течение минут двадцати подыскивал достойный повод, чтобы подойти к принцессе. Он с любопытством оглядывался по сторонам. То, что происходило вокруг него не могло не вызывать интереса. В замке, где он очутился, было чрезвычайно шумно, ярко и суматошно. Все куда-то бежали, что-то друг другу громко на ходу говорили. Рыцари в странных доспехах, каких ему никогда не доводилось видеть прежде. Дамы в прозрачных неподобающих одеяниях. Все это скорее походило на ночной кошмар, чем на реальный мир.

И среди всего этого разнообразия было лишь одно видение, приятное глазу короля. Прелестная хозяйка ожерелья. Принцесса Мари, внимательно смотревшая на крышку странной шкатулки, в которой явно ничего нельзя хранить ввиду ее необычной формы. Иногда принцесса обращала свой печальный взор в сторону молодого рыцаря, увлеченно беседующего с дамами в другом конце главного зала.

Теперь же, приоткрыв рот, она смотрела уже на него и не могла вспомнить — откуда он взялся. Всех моделей и молодых актеров она наблюдала уже несколько дней. В агентстве, в студии, в ресторане. Стараясь не обращать внимания на нелепые подкаты незнакомца (о том, что она Принцесса Легран не знал здесь только ленивый), Мари сдержанно улыбнулась и сказала:

— Вы доспехи где потеряли, рыцарь? Реквизит еще возвращать на киностудию.

— Доспехи? — удивленно переспросил Его Величество. — Я их не терял. Они остались дома. В Фенелле. Юный Гильем присматривает за ними.

— Какая прелесть! — объявила Мари, подперев голову рукой, и, театрально округлив глаза, осмотрела актера с ног до головы. — Вживаетесь в образ? Ищите себя в роли вассала знатного сеньора? Считайте, ваше рвение засчитано, — усмехнулась и вернулась к ноутбуку. — Ступайте к режиссеру и работайте.

Мишель приподнял бровь и гордо ответил:

— У меня самого несколько вассалов. И если... этот месье Режиссер чего-то желает от меня, пусть сам придет ко мне и скажет об этом, — после помолчал и, слегка поклонившись, спросил: — Вы позволите объявить вас дамой моего сердца?

Мари захлопнула крышку и посмотрела на актера. Как же она устала от этого всего.

— Так. Хватит, — спокойно сказала она, чувствуя, однако, что закипает. — У меня нет ни времени, ни желания отшивать вас. Я работаю, а вы мне мешаете.

В этот момент от стола со всевозможной снедью, ради съемок которой все и затевалось, зазвучал смех — еще более громкий. Мари поморщилась и оглянулась. Возле Алекса стояла «герцогиня» — рыженькая актриска, которая должна была сыграть любовь к трубадуру. Алекс поправлял ее декольте. Мари потеряла виски и снова открыла ноутбук, пытаясь отгородиться им от всего мира. «Это другое...» — раздавалось в ее голове.

Король Мишель тоже обернулся на звонкий смех, раздавшийся с другой стороны зала.

А, взглянув на принцессу, увидел, как она поморщилась.

— Ваше Высочество, если желаете, я вызову этого рыцаря на поединок.

— Вопрос тот же? Где доспехи потерял, рыцарь? — приподняв бровь, спросила Мари. — Слушайте, вам не надоело?

— Боюсь, и ответ тот же. В Фенелле. Разве может защита чести надоест? Особенно чести дамы. А как же присяга и предписания морального кодекса?

— Главное, чтобы не уголовного, — передразнила его Мари, вскочила и стала укладывать лэптоп в сумку.

Мишель пожал плечами. О чем говорила прекрасная принцесса, он не понял. Не переспрашивать считал не самым разумным.

— Вы позволите мне сопровождать вас, Ваше Высочество? — спросил король и слегка поклонился.

— Режиссеру может не понравиться ваше отсутствие на съемках, — язвительно заявила она.

— Я не знаком с месье Режиссером и не понимаю, почему ему может что-то не понравиться. Я волен поступать так, как сам считаю верным, и сообразно моему королевскому положению.

Мари медленно кивнула. В голове отдавался голос Алекса, который что-то объяснял актрисе про десерты. И она почти ничего не слышала из того, что говорил ей настойчивый собеседник. Она знала, что лучше не смотреть, но все-таки повернула голову. Алекс, обнимая «герцогиню», и тесно прижимаясь к ней бедром, склонился над столом и говорил: «Хозяин, конечно, варвар! За каждый пустяк в меню воевать приходится!»

Поймав на мгновение его взгляд, Мари сошла с ума. Она резко развернулась к «рыцарю» и поцеловала его в уголок рта. Потом отстранилась, схватила сумку и сказала:

— Пошли, дома поработаем, дорогой.

Мишель в ответ слегка притянул принцессу к себе, почти сразу отпустил и удивленно кивнул. Не отставая ни на шаг, он двинулся за своей прекрасной дамой, которая, похоже, была этому совсем не рада.

Холодный ветер на улице подхватил ее волосы, разметав их по плечам, Мари на ходу запахла пальто и, не оглядываясь, помчалась к соседнему кварталу, где припарковала машину.

Король же замер, как вкопанный, едва оказался вне ресторана. То, что он увидел теперь, не шло ни в какое сравнение с тем, что он видел прежде внутри замка, и с тем, что он видел однажды во сне. Куда-то торопилась толпа разных по цвету кожи и одежде людей. Мимо него двигались необычные повозки, в которых тоже сидели люди. Кто это такие, крестьяне или благородные рыцари, определить не было никакой возможности. Мишель повернулся к спутнице, чтобы спросить ее, что это означает. Но с ужасом обнаружил, что ее нигде нет. И стал осматриваться по сторонам. Куда же она могла подеваться?

А потом, чувствуя облегчение, увидел ее. Их разделяла широкая полоса, по которой двигались эти самые разноцветные повозки с людьми внутри. И Мишель решительно пошел между ними к ней.

Визг тормозов и многочисленные резкие сигналы машин за спиной выдернули Мари Легран из того странного состояния, до которого она сама себя довела. Она обернулась назад и в ужас уставилась на то, как ее незнакомец из ресторана идет по дороге с истинно королевским достоинством и не глядя по сторонам. Вокруг него останавливались авто, из

них высовывались шоферы — по улице неслась ругань. Мари сглотнула и почему-то бросилась назад, к этому сумасшедшему, который к тому моменту почти уже дошел до ее стороны улицы. Сумасшедших на проезжей части стало двое. Она схватила его за рукав и дернула на себя. А когда они очутились в безопасности, побелевшими губами спросила:

— Вы что? Ненормальный?

Его Величество же так и не понял, почему у Мари настолько испуганный вид.

— Вы торопливо убежали, любезная принцесса. А мне необходимо было вас догнать. Отныне вы моя дама сердца. И я буду сопровождать вас в ваш замок.

В этот момент Мари всерьез задумалась над тем, чтобы вызвать скорую помощь. Она пощелкала пальцами перед его лицом.

— Эй! Выйдите из образа!

Король Мишель внимательно проследил за ее рукой. Поймал ее и поднес к своим губам.

— Я выйду, откуда вы пожелаете, Ваше Высочество, — проговорил он и прикоснулся к ее ладони почтительным поцелуем.

Мари отдернула руку и удивленно посмотрела на то место, которое он поцеловал. Странное сомнение закралось в ее душу. В конце концов, она была на кастинге. И на память никогда не жаловалась. Но решительно не помнила этого колоритного актера. Увидела бы — запомнила. Он был довольно привлекателен. Высокий, статный. Каштановые волосы, доходившие почти до плеч и чуть выющиеся, шевелил ветер. Лицо... будучи художницей, Мари Легран всегда оценивала людей с той точки зрения, возникало ли у нее желание написать их портрет. Сейчас она поймала себя на мысли, что это лицо ей, пожалуй, хотелось бы написать. Чуть вытянутое, с длинным лбом и очень правильным носом. С глазами теплого янтарного оттенка. И с чувственными губами, сейчас улыбающимися. Он и смотрел на нее как-то странно — и восхищенно, и с добротой, и с чем-то таким, к чему Мари не могла подобрать точного определения. Этаким принц из сказки, какие не случаются в реальном мире.

Она снова тряхнула головой, сбрасывая с себя вновь накативший морок, от которого подгибались колени.

— Вы откуда взялись? — спросила Мари, помолчав. — Как ваше имя?

— Я прибыл сюда из королевства Трезмон, королем которого я являюсь. Мишель I, - он слегка склонил голову. — И готов служить вам, моя госпожа.

Если бы Мари видела со стороны свое лицо, то, наверное, и собственный портрет захотела бы написать, чтобы запечатлеть это мгновение. Оно вытянулось, глаза ее очаровательно поползли на лоб, а рот приоткрылся. Впрочем, через мгновение она закрыла его и похлопала ресницами.

— Хорошо, мсье. Приятно было познакомиться. Всего доброго.

Развернулась на каблуках и помчалась к своему авто.

Однако Его Величество не отставал ни на шаг. Цель его была вполне определена. Ожерелье, которое нужно вернуть. Но король знал, что это не единственная причина, по которой он следует за прекрасной принцессой Мари. Она сама вызывала самый искренний его интерес.

— Слушайте, я, конечно, могу ошибаться... но, по-моему, вы меня преследуете, — бросила сквозь зубы художница, когда машина показалась из-за поворота, — и мне это не очень нравится!

— Вы ошибаетесь, Ваше Высочество. Я вас не преследую. Я вас сопровождаю. И мне

печально, что этим я огорчаю вас. Но, откровенно говоря, вынужден признать, что нуждаюсь в вашей помощи. Прошу, окажите мне любезность, — отвесив легкий поклон, Мишель продолжил свой путь за девушкой.

— Ну... То, что вы нуждаетесь, это заметно, — буркнула Мари, доставая из сумочки ключи от авто. Открыла дверцу и посмотрела на «короля». Сумасшедший! — Я могу вас подвезти, куда скажете, — нерешительно добавила она. Почему-то оставлять его одного посреди улицы показалось ей в корне неправильным. Но вместе с тем она сильно сомневалась, что он сможет назвать ей конкретный адрес.

— Благодарю вас, Ваше Высочество, — Мишель снова отвесил поклон. — Я прибыл издалека. И никого не знаю в вашем королевстве. Но, может быть, вы окажете гостеприимство, и я смогу остановиться в вашем замке? Уверяю, это ненадолго, — король вопросительно посмотрел на Мари и вдруг заметил, какие необыкновенно синие у нее глаза. Он никогда раньше таких не видел. Ни у кого. Еще ярче, чем он помнил из своего сна. И ему никогда не найти такого цвета для своих витражей — такого больше просто не бывает.

— Вот... почему-то я даже не сомневалась... — растерянно ответила она, не представляя, что делать с ним дальше. Мысль о том, чтобы отвезти его в больницу или в полицию, казалась все более разумной, но ничуть не привлекательной. — Садитесь. Остановитесь в моем... замке.

Мари устроилась за рулем. Открыть ему дверцу с другой стороны ей почему-то в голову не пришло.

Его Величество удивленно смотрел на севшую внутрь необычной повозки принцессу. Не зная, как самому попасть в нее, он оглянулся по сторонам. В это время к стоящей рядом похожей повозке подошли двое молодых людей. Один из них, который стоял неподалеку от Мишеля, что-то дернул на ее стенке... Король внимательно оглядел повозку Мари, тоже дернул «что-то» и — о, чудо! — открылась небольшая дверца. Его Величество уселся на мягкое кресло внутри и огляделся.

— Пристегнитесь, я быстро гоняю, — снисходительно сказала Мари, глядя на «короля», и демонстративно медленно застегнула на себе ремень безопасности.

Мишель в точности повторил это движение и неожиданно поймал себя на мысли, что ему здесь... нравится.

Он рассматривал город, мелькающий за окном, конечно же, ничего не узнавая. Здесь было удивительно и красиво. Они в который раз остановились среди множества таких же разноцветных повозок, и король увидел величественный собор. Место ему показалось словно бы знакомым.

— Что это? — спросил он у Мари.

Она улыбнулась. Они пересекли мост Арколь и ехали по Сите к Пети-Пон — в южную часть города. Эта дорога была не самой удобной, но зато самой живописной.

— Notre-Dame de Paris, — ответила она, — вы его впервые видите, Ваше Величество? Значит, Париж? Мэтр Петрунель забросил его в Париж.

— Да, впервые. Когда я несколько лет назад приезжал на освящение главного алтаря, до завершения постройки было очень далеко, — Мишель обернулся, чтобы еще раз взглянуть на великолепное сооружение. — А сколько дней пути до вашего замка, Ваше Высочество? — спросил король, когда собор был больше не виден.

Мари глотнула. Невольно отвлеклась от дороги и посмотрела на своего спутника. Он выглядел очень спокойным. До странности спокойным.

— Через час будем на месте, — выдавила она. — Когда вам надоест так развлекаться, не забудьте сообщить, и тогда я попробую посмеяться над вашими шутками.

— Королю не пристало развлекать себя самому. Для этого у нас есть придворный шут и придворный музыкант, — объяснил Мишель прописную истину.

— И потому вы развлекаетесь за мой счет.

Мари резко затормозила, съезжая на обочину. Мишеля сильно дернуло в кресле, но от встречи с перекладиной в повозке его спасла крепкая лента, которой он был... пристегнут. А она, потянувшись через него к дверце, открыла ее.

— Выходите! — тоном, не терпящим возражений, потребовала она.

Он удивленно посмотрел на Мари и сказал:

— Простите, Ваше Высочество, я вовсе не хотел вас обидеть. Я лишь имел в виду, что... мне сейчас совсем не до развлечений, — помолчал и, глядя девушке прямо в глаза, попросил: — Позвольте мне остаться.

Она почему-то споткнулась о его золотисто-карий взгляд и почувствовала себя очень... близко. И, как тогда, в ресторане, будто бы луч коснулся его лица. Мари быстро захлопнула дверцу и отстранилась, вернувшись к рулю.

— Я не высочество, — зачем-то сказала она и снова вырулила на дорогу.

Они въехали, наконец, в предместье. Вокруг было много красивых домов, но ни один из них не походил на королевский замок. Неожиданно Мишель увидел табличку, указывающую путь к Chateau de la Fontaine. Но Мари, не останавливаясь, проехала нужный поворот.

— Разве не в этом замке вы живете? — любопытствовал Его Величество.

— Не в этом, — коротко бросила девушка, свернув в сторону железнодорожной станции, а оттуда к поселку, на окраине которого располагался дом, где она выросла. Эти выходные станут последними, которые она проведет здесь. В понедельник тридцатого ноября вывезут ее вещи, а во вторник в дом заедет другая семья. После страшной аварии два года назад, в которой погибли ее родители, Мари почти не жила в городке. Теперь же нужно было собрать остатки вещей. То, что помельче, можно будет увезти самостоятельно, в машине.

Мари остановила свой Ситроен возле двухэтажного дома.

— Добро пожаловать в замок Легран, — бросила она «королю». — Разочарованы?

Король Мишель вышел следом. Ему казалось, что уже невозможно удивляться сильнее, но теперь же он был поражен. Он по-прежнему ни минуты не сомневался, что Мари — принцесса. Но что же это за странный мир, где принцессы живут в таких неподобающих королевской чести замках?

Он огляделся, долго молчал, но все же спросил:

— А ваши венценосные родители также живут здесь?

— Нет, не живут, — ответила Мари, мрачняя все больше, вышла из машины и направилась к дому. Потом вспомнила, что у нее странный, но все-таки гость, и обернулась. — Вы проходите. Надеюсь, вы пьете чай. Кофе у меня нет. Ужин закажем, я не люблю готовить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Уже привычным образом пропустив мимо ушей непонятные ему слова, Мишель прошел в дом. Здесь было много вещей: разных, странных, безусловно, лишних. И при этом словно заброшенных. Определенно, это жилище совершенно не подходило принцессе. Его Величество прохаживался по комнатам. Внимательно рассматривая, чего-то касаясь

пальцами, выглядывая в окна. Перед ним мир принцессы Мари. Удивительный мир.

Сама хозяйка куда-то ушла. И король громко спросил в пустоту:

— Разве у вас нет кухарки?

Мари была на кухне, когда до нее донесся голос этого средневекового аристократа. И несмотря на все свое плохое настроение, невольно улыбнулась. К двадцати годам она пришла к некоему финишу жизни, но кубка ей не дали. Хотя вроде бы как победила. А по сути, у нее даже кухарки нет. Вот, что такое одиночество. Поставив на поднос чашки, сахарницу и миску печенья, Мари направилась в гостиную.

— Нет и никогда не было, — она ловко определила поднос на журнальный столик. Его планировала забрать с собой, в свою квартиру. Остальную мебель почти всю оставляла здесь — вдруг новым владельцам пригодится. Но только не этот любимый столик. Мари посмотрела на стоявшего поблизости мужчину. И развеселилась мысли о том, что такой красавец мог оказаться таким чудачком. Или сумасшедшим.

— Присаживайтесь, — не переставая улыбаться, сказала она, — пока попьем чаю, позднее я позвоню в пиццерию. Вы ничего не имеете против?

Нет, Мишель ничего не имел против того, о чем не имел ни малейшего понятия. Он сел в кресло у стола, на котором накрыла Мари.

— Служанок у вас тоже нет, — заключил Его Величество.

Взял в руки «чашу», в которую Мари налила «чай». Понюхал ароматный напиток и сделал небольшой глоток. Оказалось вкусно, и он с удовольствием выпил все. Поставил чашу на стол и спросил:

— Очень красивое ожерелье. Откуда оно у вас?

Рука ее невольно дернулась к шее. Коснулась головы змеи и погладила изумрудный глазок.

— Наследство, — ответила Мари сдержанно. На самом деле ожерелье принадлежало ей от рождения. Она почти не солгала — это действительно было наследство от той неизвестной жизни, которую она могла бы прожить, если бы жила в родной семье.

А Мишель мысленно подводил итоги.

Принцесса Мари считает это ожерелье своим наследством. Выходит, она не знает, почему им владеет. Впрочем, и сам король Трезмонский не понимал до конца, каким образом оно оказалось именно у этой девушки и именно в этом мире. Предположить, что было на уме Маглора Форжерона двадцать лет назад, он не мог.

Главный вопрос заключался в том, как добыть это ожерелье, чтобы вернуть его семье де Наве. Об условии, которое сообщил Петрунель, Мишель помнил хорошо. И теперь, жуя печенье, раздумывал над тем, как он может добиться своей цели. И за такой короткий срок.

Он поднял глаза на Мари и спросил:

— Будет большой дерзостью с моей стороны, если я попрошу вас показать ваше королевство? Мне всегда были интересны новые земли. А сюда, к моему большому сожалению, я уже больше никогда не попаду снова.

Мари вздохнула. «Король», жующий печенье, выглядел забавно. Пожалуй, первоочередной задачей было все же решить, что с ним теперь делать. То, что эту ночь он проведет в ее доме, стало очевидно еще в дороге, и с ней Принцесса Легран смирилась. Но что дальше?

— У меня нет времени устраивать вам прогулку, — отрезала она, но тут же смягчила тон, — я уезжаю отсюда через два дня. И тоже, скорее всего, никогда не попаду сюда снова.

Нужно собираться, — помолчала, чтобы сделать глоток чаю, и неловко улыбнулась. — Простите, я была не в том состоянии, чтобы что-то запомнить. Как, вы сказали, вас зовут?

— Меня зовут... — король задумался. Слишком очевидно, что все его титулы ничего не значат в этом мире. — Меня зовут Мишель. Вы покидаете свой дом? Навсегда? Куда же вы направляетесь? Простите, я задаю слишком много вопросов. Могу ли я помочь вам? Собираться.

— Можете, если вам так хочется, — торжественно объявила Мари и замерла с улыбкой на губах — слишком очевидно... Она привела его в этот дом потому, что невыносимо было оставаться в нем в одиночестве. Ей было все равно чье — лишь бы чье-нибудь дыхание рядом. Когда она поняла, что боится ночей здесь, переехала в Париж. Хотела отпустить это прошлое, в котором было много счастья, и не могла.

Поставила чашку на стол. Поднялась с кресла и быстро проговорила:

— Простите, я пойду переоденусь. А потом будем укладывать вещи.

Мишель проводил ее восхищенным взглядом. Эта девушка потрясла его воображение еще тогда, во сне. Теперь он видел ее рядом с собой, слышал голос и понимал, что ее терзает какая-то печаль. Если бы в этом он мог ей помочь. Откуда-то издалека пришла мысль, что дома у него осталась невеста, свадьба с которой должна состояться через два дня. Но он лишь отмахнулся от воспоминаний. В конце концов, Мишель никогда не обольщался ложными надеждами по поводу чувств герцогини де Жуайез. Она так же преследовала свои выгоды в этом браке, как и он сам.

Мари вернулась спустя десять минут — в джинсах, футболке и без ожерелья на шее. Волосы стянула в хвост на затылке. В руках несла вешалки с мужской одеждой — отцовские брюки и рубашка.

— Вот, вам тоже не мешало бы переодеться, — с улыбкой заявила она. Никаких следов ее мрачного настроения на лице как не бывало. Решительно настроившись не думать ни об Алексее, ни о продаже кусочка души вместе с этим домом, она понимала, что о «короле» все равно придется думать. Впрочем, он и без того настойчиво маячил в мыслях.

Поблагодарив ее, Мишель переоделся в соседней комнате. Любопытство заставило взглянуть на себя в зеркало. Одежда из этого мира выглядела необычно, но, кажется, вполне соответствовала королевской чести.

Вернувшись к хозяйке замка, мало похожего на замок, он весело спросил:

— С чего начнем, Ваше Высочество?

Она же, собственно, уже начала. С уборки стола. Увидев Мишеля, приведенного в более-менее приличный вид, улыбнулась. Пожалуй, его «аристократизм» даже в клетчатую отцовскую рубашку не спрячешь.

— Давайте начнем с уговора — никаких титулов. Зовите меня Мари.

Мишель коротко кивнул.

— А чем продолжим, Мари?

— Библиотекой. Мне нужно упаковать книги.

1185 год, Фенелла

«Какой хорошенький!» — это было первое, что подумала Лиз, увидев спящего за столом незнакомого мужчину... в сутане. Он уронил голову на руки. И громко храпел — так, что почти тряслись стены. И, если попытаться анализировать, слово «хорошенький» в данный конкретный момент едва ли ему подходило. Но Лиз не анализировала. Она оглядывалась по сторонам.

Стены тоже оказались незнакомыми.

«Это не наш ресторан!» — была ее вторая связная мысль. Минуту назад она выходила из уборной, имея намерение немедленно побеседовать с Легран о том, что Алекс Романи — не самая надежная кандидатура в спутники жизни. И вот оказалась... здесь. А Легран в этой странной комнате не наблюдалось. Зато наблюдался грубо отесанный стол, пара стульев, один из которых занимала она сама, а второй — спящий... монах? Пара бочонков и пара кружек. Лиз приподнялась со стула и осторожно приняухалась к содержимому кружек. Вино и мед. И, кажется, какие-то душистые травы? Черт! Хороший запах!

Не удержалась. Отпила остатки. Вкус понравился тоже. Потом снова осмотрелась. Каменные стены, каменный пол, каменный потолок. Из крошечного окошка пробивался дневной свет. Лиз вздрогнула.

— Qu'est que se putain passe! — заорала она, потеряв терпение.

Раздавшийся крик на странном, не очень понятном, но вроде бы французском языке разбудил брата Паулюса, смотревшего сладкие цветные сны о беспечальной жизни, к которой он стремился всеми правдами и неправдами, и вернул к реальности.

Он открыл глаза и увидел перед собой... привидение. Хорошенькое, но злобное. Оно ругалось и — святые отцы! — допивало вино, хранимое Паулюсом для самых дорогих гостей.

Монах пробубнил молитву и закрыл глаза, надеясь, что привидение исчезнет.

— Эй! Вы прекращайте спать! — воскликнула Лиз, вскочила, обошла вокруг стола и принялась тормошить монаха за плечо. — Кто вы такой?

Паулюс снова открыл глаза. Теперь разъяренное личико привидения было прямо перед ним. Он осенил себя крестным знамением, но и это не помогло. Оставалось рассчитывать только на собственные силы и разум. И монах ринулся в наступление.

— Я? — переспросил он. — Я брат Паулюс. А вот вы кто такая? И откуда здесь взялись? Я точно знаю, что среди обитателей замка вас не было! Вы — привидение?

«Ура! Он не давал обета хранить молчание!» — третья, правда, уже не очень адекватная, мысль Лиз за последние минуты. Почему-то этого она слегка опасалась. Кто их, монахов, разберет?

— Это вы откуда взялись? И куда вы дели мой ресторан?

— Куда я дел... что? — Паулюс медленно почесал затылок. — А жаль, что вы всего лишь привидение, — пробормотал он задумчиво, рассматривая аппетитную фигурку, явственно просматривающуюся сквозь прозрачные одежды.

Ее руки тут же взметнулись вверх, пряча зачем-то грудь, и без того скрытую кружевом бюстгалтера. Но вот бюстгалтер он явно видел. Вопреки привычной воинственной раскрепощенности, подобное допущение выбило ее из колеи. Это святой заметил тоже. Хотя

едва ли вообще хоть что-то соображал.

— Вы прибыли на свадьбу? — решил он проявить учтивость. А вдруг и вправду гостя? Достопочтенная! Король Мишель бывает строг и скор на руку, а уезжать в обитель Паулюсу, отвыкшему от монастырского распорядка, совсем не хотелось.

— Какую свадьбу? — не поняла Лиз. — Кто-то заказывал банкет?.. Что вы мне зубы заговариваете!

Глаза монаха округлились до невозможности.

— Я не собираюсь разговаривать с вашими зубами, мадемуазель... мадам?..

«А как обращаются к привидениям?» — поинтересовался у внутреннего «я» Паулюс.

— Вивьен Лиз де Савинье! — отчаянно звенящим голосом представилась она, проигнорировав его нескромный вопрос относительно ее статуса. Нет, все-таки придется задать главный вопрос, который задают героини дешевых мелодрам... Лиз решительно посмотрела на монаха: — Где я? — спросила она... голос вышел неожиданно жалобным, а к глазам почему-то подступили слезы.

Брат Паулюс допил остатки вина, встал и торжественно провозгласил:

— Госпожа де Савинье! Вы гостя королевства Трезмон, в котором ожидается счастливое событие. В последний день осени правитель этой благословенной страны приведет в свой замок законную жену. А вы к нам из какого королевства прибыли?

— Королевства? — переспросила Лиз прежде, чем рухнуть в обморок прямо к ногам монаха. Впрочем, удара о каменный пол она уже не почувствовала.

— Вот за это точно лишнюю монету не добавят, — разочарованно пробормотал брат Паулюс, склонившись над самым очаровательным привидением, которое ему приходилось видеть. Впрочем, это было первое и единственное привидение, с которым он познакомился. Но все равно... самое очаровательное.

Паулюс некоторое время внимательно разглядывал бесчувственную барышню. Потом набрал в рот оставшееся в кружке вино и прыснул привидению Вивьен Лиз де Савинье в лицо.

Та и рада была бы решить, что это всего лишь дождь. Но дожди вином не пахнут. Она открыла глаза и посмотрела прямо перед собой. Монах не исчез. Каменный потолок тоже. Острое желание свалиться обратно в обморок показалось не самым дурацким.

— Вы кто такой? — это был второй главный вопрос дешевых мелодрам.

— Брат Паулюс Бабенбергский из ордена Цистерцианцев.

«Ух, какие глазищи!» — подумал монах, в очередной раз позабыв о своем монашестве. И, взглянув на губы девушки, мгновенно позабыл про глазищи. Недолго думая, он решил попробовать их на вкус. Тот оказался очень приятным, с ярким привкусом меда и... винограда шардоне. Именно такой он выкрал у брата Ансельма из Вайссенкройца.

Блаженство его продлилось недолго. Вцепившись свободной рукой в волосы этого... как его... брата... и буквально отдирая его от своего лица, Лиз шумно задышала и выскользнула.

— Прелюбодеяние — грех, тем более для монаха! — заявила она, не слишком уверенная в том, что говорит... Потому что целовался он слишком хорошо для принявшего обет безбрачия. Большой грех замуровать такой талант в келье!

— Сестра моя! — воскликнул Паулюс. — А вы в каком ордене были? Ну, до того... как отправились в мир иной?

— *Nique ta mre*, — пробормотала Лиз, глядя на него в упор.

«И все-таки он ничего...» — думалось ей в перерывах между помехами, трещащими в

ее голове.

Глаза брата Паулюса вновь округлились от удивления.

— Вы здесь не одна? С матушкой? — справедливости ради, матушка этого милейшего привидения его пока не интересовала. А вот само привидение... Паулюс вновь вспомнил о хороших манерах: — Не желаете ли вина? С медом? Вересковым... Старая Барбара всегда знает, где раздобыть прекраснейший мед.

— Пожалуй, желаю, — отстраненно ответила Лиз, и вдруг ее осенило. Она подскочила с пола, на котором все это время лежала и, озираясь по сторонам, произнесла голосом, который неожиданно начал дрожать: — Вы только не обижайтесь, брат... как там вас... и не удивляйтесь... я сейчас задам вопрос дебильный... постарайтесь ответить на него адекватно... Какой сейчас год?

Она резко перевела взгляд на монаха.

— Паулюс, моя госпожа, брат Паулюс, — он наполнил кружку вином, добавил меда и протянул его Лиз. — А год нынче 1185 от Рождества Христова... И вы уж простите мне мое любопытство, а в какой провинции вы жили, ну... до того... как стали привидением... Уж очень странный у вас язык, — и Паулюс медленно почесал затылок.

— Париж, — пробормотала Лиз, прижав одну руку ко лбу и второй схватившись за кружку, — Париж образца 2015 года...

И, жадно глотая, влила в себя напиток, совершенно не чувствуя его вкуса. А потом уселась на что-то, что, должно быть, считалось здесь кроватью.

— Париж знаю, довелось там однажды побывать. А вот про Образцовый Париж — не слышал... А хотите я покажу вам свой виноградник? — неожиданно спросил монах.

— На кой черт мне твой виноградник? — пробубнила Лиз и тоскливо посмотрела на него. — Я домой хочу. К маме.

И слезы, уже давно подступившие к глазам, наконец, пролились. Прямо в кружку.

— Мадемуазель Лиз, — со всей возможной серьезностью сказал брат Паулюс. Подсев к девушке, он промокнул ей слезы своим скапулярием. — Я с удовольствием провожу вас к вашей маме. Вы в каких покоях расположились? Рядом с невестой, мадам герцогиней?

Девушка всхлипнула, и плечи ее опустились. Как объяснить этому... брату... что ее мать еще не родилась!

— Ни в каких, — сказала Лиз, посмотрела на высокого и, что уж скрывать, красивого монаха, и вдруг маленькая Лиз, сидевшая в ней всю жизнь, проснулась, — пожалуй, что в ваших, — заявила она, — мне бы не хотелось, чтобы кто-то знал о том, что я здесь. Может быть... если обыскать комнату... найдется какая-то дыра во времени... или как там это называется? — но об этом уже думала взрослая Лиз.

Брат Паулюс как-то совершенно отчетливо понял, что начал трезветь. Он ничего не понимал из того, что говорило прелестное привидение, хотя оно и говорило по-французски. Впрочем, кое-что он все-таки понял. Привидение стремилось найти какую-то дыру. Но дыр в его комнате точно не имеется. И еще привидение собиралось поселиться у него. И это обстоятельство ему определенно понравилось. Привидений в его богатом жизненном опыте еще не было. А брат Паулюс всегда был уверен, что жизнь — крайне коротка, и нужно попробовать в ней все, что предоставляет судьба.

— Что ж, сестра моя, я готов сохранить твою тайну. Впрочем, и иные тайны, если таковые у тебя имеются, — Паулюс придвинулся к ней поближе и совсем не по-братски обнял за талию.

Лиз посмотрела на его руку, нахально легшую туда, куда, наверное, не следовало ее класть человеку его положения, и невесело усмехнулась.

— А ты всегда такой наглый? — спросила она.

— Всегда! — весело сказал Паулюс, притянул ее к себе и нагло поцеловал в губы.

И следовало признать, среди ее парней из века двадцать первого не нашлось ни одного, кто целовался бы так, как монах из двенадцатого.

Межвременье, Фореблѐ

Александр де Наве, король Трезмонский, сжимал в руке резную рукоять меча и, глядя невидящим взором прямо перед собой, прохрипел:

— Выходи! Я знаю... Ты здесь... Выходи!

Ответом ему была тишина. За трон Фореблѐ сражения не утихали уж несколько лет. Последнюю битву он проиграл. Глядел в холодное небо, да только дым от кострищ застилал ему это небо. Будто сам дьявол преследовал его. Будто неведомая злая сила пригвоздила его к этому месту, ставшему роковым полем сражения для его войска.

— Выходи! — завопил король.

И из леса медленно выплыла огромная черная тень.

— Кто ты? — спросил Александр де Наве тихо и тут же сорвался на крик. — Кто ты!!!

— Мое имя Форжерон. Маглор Форжерон. И я пришел сыграть с тобой в игру.

Сердце короля похолодело. Слишком хорошо он знал это имя. Пять лет назад он отбил деревню семейства Форжерон для того, чтобы расширить границы на западе. И его воины истребили почти всю семью. Кроме Элен... Элен Форжерон... Элен де Наве...

— Какую игру? — хрипло спросил король.

— Я могу спасти тебя, де Наве, — проговорил незнакомец, — но твою жизнь я обменяю на другую.

— Спаси меня, — не раздумывая, ответил король, — спаси во имя Элен!

— Именем Элен и ценой жизни Элен, — отозвался Форжерон.

— Нет! — в ужасе прошептал Александр.

— Либо ты. Либо она. Третьего не дано. Потому что я ненавижу тебя. И мне невыносимо ненавидеть ее, любящую тебя!

— Нет!

— Ты, твое королевство, твой сын. Все вы погибнете. Расплатись ее жизнью. И я оставлю вас в покое.

— Нет! — отвечал король самому себе и той бездне, что поглощала его.

— Как знаешь, — усмехнулся Маглор Форжерон и взмахнул плащом, собираясь удалиться, когда услышал за своей спиной проклятия. Он оглянулся назад и увидел короля Трезмонского, вгрызающегося в землю, рыдающего и молящего о пощаде.

Весной 1164 года король вернулся домой. Его подданные считали это возвращение чудом. Благословением стало то, что королева понесла во второй раз почти сразу по его возвращению. И король приставил к супруге стражей, чтобы оберегать от неведомых опасностей. Королева смеялась и часто говорила, что муж слишком уж ее опекает.

1185 год, Фенелла

Герцогиня Катрин де Жуайез в своей комнате, под окном, пропускающим тусклый позимнему свет, вышивала разноцветными нитями кошелек, который намеревалась подарить будущему супругу. Часто отвлекалась, нити путались, ей приходилось распускать сделанное, начинать снова. Она все сильнее сердилась. И, не сдержавшись, схватила ножницы, зло разрезала кошелек и сбросила его неравные части на пол. Что-то сердито шептала себе под нос, стряхивая обрезки ниток с колен, когда в дверь постучали, и служанка, напуганная бурной вспышкой хозяйки, впустила посетителя.

Продолжая держать в руках ножницы, Катрин подняла глаза на высокую фигуру трубадура, показавшегося на пороге. С дульцимером в руках и в слишком дорогой для простого музыканта одежде, он стоял на месте, будто не решался войти в покои. Был, кажется, чуть бледнее обыкновенного, но при этом глаза его жадно осматривали герцогиню от подола ее платья до красивого, словно высеченного из драгоценного мрамора лица. Взгляд задержался лишь на одно мгновение — на ее руках, в которых она сжимала ножницы. Последнее вызвало усмешку на его надменно и одновременно горько сомкнутых губах. Легко поклонился и резко гаркнул служанке:

— Кыш!

— Не кричите, — недовольно поморщилась герцогиня, сделав все же перепуганной девушке знак удалиться, и та быстро вышмыгнула из покоев. — Зачем вы пришли? Я вас не звала.

Она отложила ножницы и стала перебирать нитки. Уныло думая о том, что из-за вспышки гнева придется начинать все с самого начала. Серж же проследил за этим ее жестом, и уголки рта поползли вверх.

— Я пришел с поручением от Его Величества. Он велел доставить Вашей Светлости послание, — манерно ответил Скриб и протянул герцогине свиток. — Я же покорный слуга и выполняю все данные мне поручения.

Герцогиня де Жуайез подняла голову от сундучка с рукоделием и, глядя куда-то мимо Сержа, взяла протянутое ей письмо. Пальцами случайно коснувшись его ладони, она резко отдернула руку и выронила свиток. Равнодушно проследила, как он подкатился к подолу ее платья. Потом подняла взор и пристально оглядела «покорного слугу», стоящего перед ней. Отметив про себя и его надменную улыбку, и его плащ, расшитый золотом и украшенный драгоценными камнями, слишком дорогой для трубадура.

— Благодарю вас, — произнесла она бесстрастно, посмотрев ему прямо в глаза.

Теперь улыбка стерлась с его губ, оставшись только во взгляде. Он ловко склонился к ее ногам и поднял свиток. Стоя на одном колене, поднес к ней и тихо сказал:

— С ценными посланиями стоит обращаться с должной осторожностью, Ваша Светлость. Не теряйте их.

Госпожа Катрин взяла письмо, которое так настойчиво вручал ей Скриб, и руки ее сами нашли сундучок, куда оно и отправилось.

— Благодарю за совет. Я обязательно им воспользуюсь.

Трубадур вскочил на ноги и глухо спросил:

— Я могу идти, Ваша Светлость?

— Нет.

Герцогиня громко захлопнула крышку и отставила сундучок в сторону. Отвернувшись к окну. Снова шел снег. Она поежилась. Зима, совсем зима. Катрин не любила зиму. Зимой было холодно. Особенно холодно.

— Мне скучно. Спойте что-нибудь, Серж.

— Как вам будет угодно, мадам, — ответил трубадур, вынул из-за спины дульцимер и шустро пробежался пальцами по его струнам в веселой мелодии

Прелестной дамы поцелуя

Мне жаждать, право, святотатство.

Но ни о славе иль богатстве,

Я лишь о ней одной тоскую.

Резко замолчал. Звук струн оборвался. И он замер, глядя на то, как она сидит у окна. Будто ждет, что ее обогреют. Сглотнул. И запел совсем другую песню, сочиненную только этим утром.

Цена всей жизни — небо этим утром.

И голос той, чей образ на века

В душе моей. И вот она — рука,

Сияет совершенным перламутром,

Она сражает с нежностью цветка,

И манит лаской острого клинка...

Его голос лился по комнате, отражаясь от стен. Испуганной птицей метался по замку, будто искал выхода. Тесно ему было здесь. Так тесно, что грудь сжималась в мучительном страхе никогда не вырваться. Да он и не хотел вырываться. Потому что знал: никогда и никому не сможет петь так, как пел той, «чей образ на века в душе...» В любви он мог найти свободу и успокоение. Если бы только она дала ему право любить...

Песня закончилась, мелодия утихла. Катрин испугалась, что теперь громкий стук ее сердца слышен не только ей. И заговорила, чтобы нарушить повисшую в комнате гнетущую тишину, чтобы заглушить то, что звучало в ней:

— Вы это делаете назло? Я прошу вас развеселить меня, а вы исполняете что-то ужасно грустное. Пожалуй, вы правы, и вам стоит поискать себе даму, которая либо оценит ваши печальные песенки, либо в ее силах окажется вдохновить вас на веселье, — Катрин посмотрела ему прямо в лицо. — Откуда у вас такой дорогой плащ? Вы уже нашли нового покровителя? Или покровительницу? Так скажите прямо, а не печальте меня своей музыкой. Я отпущу вас, едва вы попросите.

Серж мрачно усмехнулся и подошел ближе. Так близко, что протяни руку и коснешься ее.

— А если у меня нет сил уйти от вас? Как мне быть, моя госпожа? Как мне быть, если даже с этими канцонами я жив только подле вас, когда дышу с вами одним воздухом?

Катрин не могла оторвать от него взгляда. Она видела, чувствовала, как он приближается к ней. И молила бога, чтобы он остановился на должном расстоянии. Ядовитый ответ уже готов был сорваться с ее губ, но неожиданно для себя самой она крепко сцепила пальцы рук. Так крепко, что они тихонько хрустнули. И негромко сказала, пряча глаза:

— Я не знаю. Я не знаю, как вам быть. Я не знаю...

— Скажите, — упрямо проговорил Серж, почти нависая над ней и не сводя с нее глаз —

глаз, то ли просто раздевающих, то ли сжигающих дотла, — скажите же. Просто ответьте. Если вы прогоните меня, я уйду. Ответьте только, как?

Немалых усилий стоило ей прийти в себя. Несмотря на его взгляд, несмотря на его близость, несмотря на собственные непозволительные мысли, не покидающие ее ни на минуту. Благородная герцогиня де Жуайез, будущая королева Трезмонская не должна выказывать и минутной слабости. Катрин вздернула подбородок и произнесла с чувством собственного достоинства:

— Мой покойный муж питал к вам дружеские чувства, уж не знаю почему. И в память о нем я не позволю себе прогнать вас. Но сочините, наконец, что-нибудь веселое. Неужели я о многом прошу?

Мгновение было упущено. Вот и все. Уж лучше бы прогнала. Серж Скриб выровнялся, расправил плечи. И с улыбкой проговорил:

— Ваше слово закон, моя госпожа. Веселое, стало быть, веселое.

Уже больше не терзая дульцимер, в совершенной тишине, нарушаемой лишь потрескиванием дров в камине, Серж со злостью, какой в нем никогда к ней не было, запел:

Прекрасной, как богиня,
Милейшей герцогине
Достался трубадур.
Ее сразил амур.
Но ей в любви признаться?
Уж проще распрощаться.
Велит ей это гордость.
И благородный долг!
Она проявит твердость -
То гордости залог.
«Адью, мадам! Бонжур!» -
Промолвил трубадур.
Да только герцогиня
Несчастлива и поныне.

Катрин опустила голову и внимательно рассматривала перстни на руках, словно видела их первый раз в жизни. Они были подарены герцогом. Алмаз, сапфир, изумруд... Талисманы верности и преданности. Король Мишель подарил ей рубин. Символ любви... Подбородок предательски задрожал. На глаза наворачивались слезы. Ей бы прогнать дерзкого злого трубадура. Но это было выше ее сил. На самом деле она даже не представляла, как сможет отпустить его, если он однажды об этом попросит.

«Да только герцогиня несчастна и поныне», — мысленно повторила она.

Несчастливая герцогиня склонила голову еще ниже.

Серж, глядя на нее, устало выдохнул. Он не знал, что еще может сделать. Сколько мучить и ее, и себя? Какой смысл искать чувство там, где есть лишь раскаяние? Раскаяние в былой ошибке, терзающее ее, не дающее забыться.

— Простите меня, — произнес он, наконец.

И, не спрашивая на то ее разрешения, поклонился и направился к выходу.

Катрин подняла глаза и посмотрела вслед уходящему музыканту. Вновь и вновь умирая с каждым его шагом. Не выдержав, она зажмурилась и сидела, боясь глядеть на него, пока не услышала, как тихонько скрипнула закрывшаяся дверь.

Как же холодно.

Едва он вышел за порог ее покоев и закрыл дверь, как привалился к ней спиной и проглотил ком, стоявший в горле. Мешавший петь, говорить, жить. Он останется. Он никуда не уйдет от нее. До дня ее свадьбы. Она принадлежала ему лишь однажды, слабая, несчастная, нежная... А он решил, что она в самом деле такая. Ошибся. И у него есть лишь этот день да следующий. До того мига, как зазвонят колокола, возвещая о том, что она стала королевой, супругой короля. Он выправит из себя это чувство. Под звуки свадебного перезвона это будет сделать так просто...

Но, Господи, как же холодно...

2015 год, Бретињи-Сюр-Орж

Толстый слой пыли покрывал письменный стол, стулья и стеллажи. Комната была не очень большой, даже тесной, но в прежнее время невероятно уютной. Теперь же чувствовалась, что она заброшена. Наверное, дело в запахе. В спертom воздухе больше не чувствовалось ни аромата горящих поленьев в камине, ни кофе, который в бессчeтном количестве здесь выпивал отец, ни духов матери, шлейф которых всегда оставался, когда она звала их ужинать и быстро выходила. Сейчас пахло иначе. Заброшенностью, ветхостью, увяданием. Совершенно неумовимо, но и непримиримо с жизнью. На Мари накатило странное, иррациональное чувство вины. Будто это она виновата, что здесь этой жизни нет. Будто оставила здесь друга.

В библиотеке она не была уже очень давно. После катастрофы на железной дороге Мари ее избегала. Здесь пустота ощущалась сильнее, чем в прочих комнатах, и это со временем становилось невыносимым.

Она поставила на пол несколько коробок, принесенных с чердака. Пробежала пальцами по корешкам книг. Те оставляли за собой темные полосы на их поверхности. Невозможно представить себе, каким слоем пыли однажды покроется ее собственная душа, если так отчаянно хоронить в себе это... Невозможно жить, задыхаясь... Вогнав ногти в ладони, чтобы только не начать всхлипывать прямо сейчас, Мари обернулась к своему спутнику. Сверкнула синим взглядом, быстро пересекла комнату, бросив ему на ходу:

— Я схожу за салфеткой, надо все здесь убрать.

И вышла.

Мишель остался в комнате один. Некоторое время смотрел ей вслед, а потом стал складывать книги в коробки. Некоторые из них пролистывал. Прочитывал один-два абзаца. Многого не понимал, но все равно было безумно любопытно. Он сложил уже две коробки, а Мари все не возвращалась. Зато была тишина. И был замечательный очаг, который он рассматривал некоторое время — такой непохожий на те, что строили в Трезмоне много веков назад.

В конце концов, он не выдержал. Хозяйки не было уже очень долго. И он вышел из библиотеки.

— Мари! — громко позвал король.

Пошел по коридору, заглядывая в комнаты. И вдруг услышал тихие всхлипы. Где-то плакали. Мари, больше некому. Он толкнул очередную дверь — заперто. Прислушался — плакали именно за ней. Постучал.

— Мари!

Этот окрик резко вывел ее из кошмарного состояния, в которое она сама себя загнала. Сидела на полу в ванной и захлебывалась рыданиями. Ее намерения привести библиотеку в порядок были позабыты. Едва намочила салфетку, как из глаз потекли слезы. И чем дольше бежала холодная вода из крана, тем отчаяннее хотелось плакать. Что за чертов день, в конце концов? И когда она успела стать истеричкой? Все навалилось, будто испытывая ее на прочность. Но самое ужасное — это не Алекс, это не продажа дома, не сумасшедший, которого она зачем-то привела с собой. Самое ужасное — осознание беспомощности.

Мари схватила салфетку и стала вытирать лицо от слез, крикнув чуть охрипшим

ГОЛОСОМ:

— Что вы хотите?

— У меня закончились коробки для книг, — соврал Мишель.

— А у меня закончились силы продолжать весь этот абсурд, — пробормотала она, но встала и открыла дверь, высунув голову и взглянув на «Его Величество». — Идемте на чердак.

И, ни на минуту не останавливаясь, прошмыгнула мимо него в надежде, что он не успел увидеть ее покрасневших глаз. Убежала не далеко. За пару шагов Мишель догнал ее, схватил за руку и развернул к себе.

— Вы плакали. Почему?

— А разве вас это касается?

— Пожалуй, что нет. Но... такая дама, как вы, не должна плакать. Кто вас обидел?

Мари посмотрела на его ладонь, сжимавшую ее руку. Отчего-то сделалось неловко.

— Какая дама? — устало спросила она, чувствуя, что по-дурацки заливается краской. — Какая такая?

Проследив за ее взглядом, Мишель отпустил пальцы.

— Вы достойны самой возвышенной любви, Мари, — сказал он негромко. — Вы заслуживаете счастья. И тот, кто не оценит вас по достоинству, лишь глупец и слепец. Его можно только пожалеть.

— А почему одна дама достойна счастья, а другая — нет? Конкретно я чем выделяюсь?

Мишель рассматривал ее лицо, запоминая каждую черточку. Снова восхитился глазами, которые, даже заплаканные, были самыми прекрасными на свете. И все-таки попросил:

— Расскажите, что случилось, и вам станет легче.

— Вы невыносимы. Я вижу вас первый раз в жизни. И вам всенепременно надо знать, почему я считаю себя никчемной?

Мишель улыбнулся в ответ.

— Я невыносим. Об этом известно всем моим подданным. Возможно, мне не надо знать, но вам надо рассказать. И подумайте о том, что через день я уеду. И вы никогда больше не увидите меня. Идемте.

И он протянул ей руку. Мари перевела взгляд с его лица на его ладонь. Почему-то ей так захотелось подать ему свою, этот жест был бы самым естественным, какой только можно себе представить.

— Куда? — глупо спросила она.

— За мной.

Он привел ее обратно в библиотеку. Даже несмотря на заброшенность, комната располагала к душевным беседам. Усадил на диван, распахнул окно и, присев к очагу, стал разводить огонь. За окном пошел снег. Его Величество оглянулся на Мари и спросил:

— Вы любите зиму?

Она следила за его движениями и почти ни о чем не думала. Напряжение, вылившееся в истерику, оставило за собой одну только пустоту. Тяжелую пустоту, причинявшую физическую боль. Но слез больше не было — и то хорошо.

— Люблю, — тихо ответила Мари, — а вы?

— Очень люблю. Мне всегда кажется, что именно зима дает начало всему новому. Просто это еще не заметно.

Очаг разгорелся, Мишель подбросил поленьев, которые весело затрещали. И сел рядом

на пол, опершись спиной на книжный шкаф. Он внимательно смотрел на Мари и молчал.

— Здесь два года никто не топил камин, — сказала Мари, глядя не на него, потому что в нем ее что-то смущало — и с каждой минутой все сильнее, но на огонь, — не знаю, кто из нас ненормальнее. Вы с вашим королевством или я с... со всем этим.

Мишель ничего не ответил. И она продолжила:

— Я всегда мечтала быть художницей. Настоящей. Смешная мечта ввиду времени, в котором я живу. Об этом мне всегда говорили родители. И вот я считаюсь не самым худшим дизайнером по интерьерам. Придумываю, как удачнее отделать отель, квартиру или ресторан. Однажды пришлось возиться с проектом офиса общества защиты природы, хотя я ни черта не соображаю в защите природы. Достаточно того, что мусор сортирую. Они вынесли мне мозг, но проект вышел удачным. Мне только двадцать лет, мое имя уже узнаваемо не только в Париже. А я хотела просто рисовать, — Мари поежилась, будто ей было холодно, хотя от камина шло тепло. Она перевела взгляд на Мишеля и улыбнулась: — Я мечтала о том, чтобы родители гордились мной. Потому что они очень много для меня сделали. Я им всем обязана, родная мать меня бросила, а они подобрали. Мне хотелось войти в этот дом и сказать им: «Вот! Вот моя новая успешная жизнь!». В тот день, когда я попала в свое агентство, они погибли в железнодорожной аварии. А я почти возненавидела этот дом.

Огонь в камине отбрасывал причудливые тени на лицо Мишеля. Она невольно залюбовалась им. Как тогда, когда ей казалось, что он освещен лучом света. Только сейчас все было реальнее. Если бы он обнял ее в это мгновение, она, наверное, сочла бы это естественным. И не спешила бы отстраниться.

— Тогда я стала мечтать о любви, — тут же одернула себя Мари. — С этим было проще. И объект образовался в первые же дни работы в Париже. Молодой, перспективный, талантливый... Правда, с любовью не сложилось. Не знаю, почему я убила столько времени на него. Он ничего не требовал, и мне ничего не было нужно... Как видите, я совершенно никчемная. Продаю дом. В понедельник напишу заявление об увольнении. С Алексом, к счастью, все просто. Вы видели его сегодня. Моя персона его не интересует. И я не представляю, что буду делать дальше. Я везде и всему чужая. Иностранное тело. Не приживаюсь, — замолчала, посмотрела в окно, добавила: — А вы говорите, начало всему новому. Конец. Но я все равно люблю зиму.

Мишель, не понимая многого, понял главное — ей было плохо. Потому что считала себя не нужной. Какая глупость!

Он поднялся и пересел на диван, близко к ней. Улыбнулся.

— Даже если что-то закончилось, обязательно что-то начнется. И новое может оказаться гораздо любопытнее. Все будет хорошо, — уверенно сказал он.

— Конечно, будет. Выходные — самое время пожалеть себя. А с понедельника по расписанию толкаться локтями. Все, я выговорила. Теперь вы довольны?

— А вы?

Мари снова споткнулась о его взгляд. Губы ее чуть приоткрылись, и в отблесках огня в его глазах ей почудилось колдовство.

— А я... хочу есть.

Она вскочила с дивана и отправилась на поиски мобильного.

Его Величество продолжал сидеть на диване, проводив Мари взглядом. Испытывая странное чувство покоя, которого никогда не знал раньше. У него всегда были заботы и

хлопоты, не оставляющие ни днем, ни ночью.

Он вздохнул, ненадолго прикрыл глаза, а когда открыл их снова, увидел... что сидит посреди своего тронного зала. Каменные стены, шкуры, многочисленные факелы... Дверь из его личных покоев открылась и в зал зашла Мари, в синем котте под цвет ее глаз, расшитом золотом и серебром. Волосы ее были покрыты покрывалом, которое удерживала драгоценная диадема, а на плечах закреплен плащ, украшенный октаграммой — символом рода де Наве.

— Видишь, король? — зашептал ветер откуда-то из-за угла. — Время замедлит ход, остановится и пойдет обратно. И будущее станет прошлым.

Мишель тряхнул головой, прогоняя морок, и снова оказался в библиотеке Мари. Он поднялся с дивана и продолжил упаковывать книги. Не пристало королю лениться.

Она стояла на пороге, привалившись к лудке двери, и наблюдала за своим психом. Чувствовала себя опустошенной. И это, кажется, было хорошо. Потому что Мишель прав — придет что-то новое. А она сегодня усердно потрудилась, освобождая в душе место этому новому.

Оторвалась от двери, подошла к одному из стеллажей и взяла с полки книгу. Дафна дю Морье «Дом на берегу».

— Откуда, вы говорили, вы приехали? — спросила Мари. В конце концов, следует еще разобраться, куда его отправлять посылкой, когда она вернется в Париж.

— Я прибыл из королевства Трезмон, — Мишель поднял на нее глаза. Подошел к ней, взял из ее рук книгу, пролистнул несколько страниц. — Не верите, что такое случается?

Снова за свое... А ведь временами он казался почти нормальным.

— Если и случается, то не в этом мире, — очень серьезно ответила Мари. Потом приподняла бровь и улыбнулась, — вы говорили, что у вас коробки закончились. Еще и лжец.

— Случаются даже более невероятные вещи, — совершенно спокойно ответил Мишель. Сложил еще стопку книг в ящик и закрыл его. — А коробки действительно закончились. Эта последняя, видите? Где у вас вход на чердак?

— И как это у вас выходит? — Мари поставила книжку назад на полку. — Идемте за... коробками.

Они вышли из библиотеки в гостиную, откуда лестница вела на второй этаж. Там небольшим коридором прошли к ее комнате — этот маршрут она преодолела бы и с закрытыми глазами. Потом была очень узкая лестница на чердак и люк в потолке. Мари откинула его и влезла наверх. Было темно и пахло пылью.

— Мишель, — сказала она вниз, откуда еще не поднялся ее гость, — там под потолком выключатель. Включите свет, пожалуйста.

— Ваше... эм... Мари, — проговорил он в сторону отверстия, в котором исчезла девушка. — Будьте любезны, объясните точнее, что мне следует сделать.

— О, Господи, — закатив глаза, проговорила она и нырнула назад, на лестницу, задев при этом Мишеля и оказавшись почти прижатой к нему.

— Выключатель, — выдохнула Мари, понимая, что отстраниться не выйдет, слишком тесно.

Он сделал шаг назад, сохраняя почтительное расстояние, соответствующее чести прекрасной дамы.

— Прошу прощения... — проговорил он, — давайте сделаем наоборот. Вы обратитесь к

выключателю, а я достану коробки с чердака.

Мари быстро нажала на переключатель, и сверху полился свет электрической лампочки.

— Вы, правда, никогда не видели, как свет включать? — спросила она и снова, подтянувшись на руках, исчезла в люке.

— Никогда не видел, — подтвердил он, поднимаясь по лестнице, осмотрел чердак и спросил: — Что включается с его помощью?

Мари посмотрела на его голову, показавшуюся в люке, и, указав пальцем на лампочку, свисавшую с потолка, сказала:

— Электричество. Свет.

Мишель взглянул на лампочку, зажмурился.

— Какой яркий факел. И не чадит совсем.

Он влез на чердак и подошел к Мари. Она осматривалась по сторонам. Всю жизнь, сколько себя помнила, сюда сносились старые ненужные вещи. Но сколько здесь было истории! Взгляд сразу упал на коробку с рождественскими игрушками. Где-то там, рядом — коробка с куклами. И еще ее самые первые эскизы. Их хранили отдельно. Мари подошла к шкафу, стоявшему в углу, и вынула оттуда папку. К ногам плавно спланировал на пол рисунок золотистой змеи. Мишель наклонился, поднял его и стал внимательно рассматривать.

— Что это? — удивленно спросил он.

— Гадюка. Чуть не укусила меня, когда мы ездили в Пампон. Мне было лет двенадцать.

— Но гадюка не тронула вас, верно? — спросил Мишель, возвращая рисунок девушке. — Она не могла вас тронуть. На вас было ваше ожерелье?

Сердце ее сделало несколько гулких ударов прежде, чем она произнесла:

— Что вам известно о нем?

— Оно оберегает своего хозяина от любых неприятностей. Так было и будет всегда. Когда-то очень давно оно принадлежало одной благородной семье. Но однажды исчезло, и горе обрушилось на них. Никто не знал, как и куда оно подевалось. Однако легенда говорит, что если ожерелье вновь окажется у своих владельцев, то мир и благополучие вернутся в их семью. Навечно.

Мари внимательно слушала то, что он говорил, а перед глазами стоял тот день в Пампоне. Она очень ясно помнила липкий ужас, накативший на нее при виде змеи. Но еще более ясно — как та словно бы отпрянула от одного вида ожерелья на ее шее. С тех пор Мари с ним не расставалась. Какой-то суеверный страх охватывал ее тогда, когда она оказывалась без этого странного золотого украшения.

— А вы мистификатор, Мишель, — сказала она, слабо улыбнувшись, — сказки писать не пробовали?

Его Величество озадаченно посмотрел на нее.

— Вы мне не верите? Что ж... Можете считать меня сказочником, — он взял несколько коробок, сбросил их с чердака и стал спускаться по лестнице вниз.

Мари с папкой в руках бросилась за ним, едва не подвернула ногу, спрыгивая с люка и чудом удержав равновесие.

— Если вам от этого станет легче, я могу поверить! — крикнула она ему в спину.

Мишель остановился и повернулся к Мари, продолжая держать коробки в руках.

— Вы очень любезны, Ваше Высочество, — улыбнувшись, сказал он и помолчал. — А где же обещанный вами ужин? Я, пожалуй, тоже проголодался.

— Ужин в дороге, — ответила она, — скоро будет. Бросьте вы их. Завершим позже. Идемте лучше поставим еще чаю. А вы мне расскажете про свое королевство. Я очень люблю сказки.

Она подмигнула ему и подошла ближе.

— Хорошо, — согласно кивнул Мишель. — Вы тогда ставьте чай, а я отнесу коробки в библиотеку и присоединюсь к вам.

Через двадцать минут он уже держал в руках чашку горячего чаю и неторопливо рассказывал Мари о себе:

— Наверное, вам это, правда, кажется сказкой. Королевство мое не очень большое, но и совсем не маленькое. Лежит оно среди тринадцати гор, которые нередко защищают нас от злых намерений соседей. Лучше этого места нет ничего на земле. Его основал мой предок, Эймар Наве много веков назад, едва впервые увидел нашу долину. И город, который стал столицей Трезмона, он назвал в честь матери, Фенеллой. Конечно, это не точно, так говорят древние рукописи... Фенелла не красивее ваших мест, но замок там настоящий, — Мишель усмехнулся и посмотрел на Мари.

Она улыбнулась в ответ и негромко сказала:

— Красивое слово — Фенелла.

— Красивое.

— Но в замке же вы не один? — осторожно спросила она. То ли непроизвольно, то ли на всякий случай.

— Нет, конечно! Город обнесен крепостной стеной. Трезмонский замок — это цитадель. И он полон людей. Придворных, слуг, стражей... Признаться, всех и не сосчитать, здесь даже я теряюсь. Есть лекарь Андреас, он занимает соседние комнаты. Потребовал их еще при жизни отца, дабы заботиться обо мне, когда я был еще ребенком. Есть советники, которые также имеют свои комнаты в замке, хотя чаще живут в собственных домах в Фенелле. Но так уж положено. Еще у нас обитает брат-цистерцианец, Паулюс Бабенбергский. Этому чудаку недавно вздумалось устроить виноградники. Уж не знаю, где этот плут раздобыл лозу, но утверждает, что следующим летом соберет первый урожай. Вам скучно? — спросил он у Мари.

Она медленно водила кончиками пальцев по чашке и задумчиво рассматривала собственное отражение на подрагивающей поверхности напитка.

— Нет, мне интересно. Скажите, а в каком это все было... году? Лекарь, монах, остальные... — спросила она и быстро глянула на Мишеля. Нет, он совсем не похож на сумасшедшего. Но в голове не укладывался весь этот странный рассказ.

— В 1185, - серьезно ответил Мишель.

Что-то в ней похолодело.

— А вы знаете, какой сейчас год?

— Точно — нет, но, должно быть, на восемь столетий больше...

— 2015, - Мари отпила из чашки и снова посмотрела на собеседника. — Как вы сюда попали?

— К сожалению, именно этого я не смогу вам объяснить. Потому что и сам не понимаю, — он улыбнулся. — Видите ли, это сделал один мэтр...

Король хотел еще что-то добавить, но неожиданно, перебивая его, раздался звонок в дверь. Мари вздрогнула и чуть расплескала чай.

— А вот и пицца! — звонко объявила она и вылетела прочь из гостиной, тщетно

пытаясь унять дрожь во всем теле. И никак не могла понять: грезит она, или все это происходит наяву. Поверить в такую чушь — немыслимо!

Глоток свежего воздуха и короткий диалог с разносчиком пиццы — нормальным, обыденным, из реального мира, заставили ее выдохнуть.

Назад возвращалась, твердо намереваясь ужинать в своей комнате. Но едва вошла назад в гостиную и увидела «короля Трезмонского», спросила:

— Вы, наверное, никогда такого не ели?

Поставила на стол коробку с пиццей и открыла ее.

Высоко подняв брови, Мишель заглянул внутрь и увидел большой плоский пирог. Пахло вкусно. Или Его Величество был слишком голоден?

— Нет, такого блюда точно наша старая Барбара не готовит.

Мари живо посмотрела на Мишеля. Вот! Хоть одно имя! Никаких монахов и мэтров!

— Кто такая Барбара? Можно с ней как-то связаться? — вкрадчиво спросила Мари.

— Барбара — наша кухарка. Она прекрасно готовит. Знает огромное количество старинных рецептов. Из дичи и рыбы. А знали бы вы, как она тушит фенхель с имбирем! Но, Мари, я не думаю, что с ней можно как-то связаться, — он снисходительно посмотрел на девушку. — Ведь нас разделяет несколько веков.

Она медленно кивнула и бросила тоскливый взгляд на пиццу. Аппетит таинственным образом пропал.

— Мне... — начала она и запнулась. — Простите, но мне пора спать. Я очень рано встала. Я... пойду... Вы можете устроиться здесь. Комплект постельного белья на диване.

— Спокойной ночи, Мари. И спасибо вам.

Мишель с аппетитом съел несколько кусков пирога. Постелил. Внимательно осмотрел стены и нашел выключатель. Щелкнул им, и свет потух.

Его Величество Мишель Трезмонский лег на диван и стал мечтательно разглядывать причудливые узоры на потолке, которые рисовал свет от луны, проникая сквозь неплотные шторы.

Межвременье, Бретины-Сюр-Орж

Серебряные лучи лились в окна. Сквозняк чуть шевелил занавески. А там, на улице, сквозь свет фонарей неслись в воздухе белоснежные хлопья снега. Они двигались в причудливом магическом танце, с каждым мгновением отдаляя осень, с каждым ударом сердца приближая зиму.

От стены отделилась черная тень и приблизилась к королю Мишелю.

— Ты не причинишь ей вреда, — звучным и вместе с тем зловещим старческим голосом почти пропела она, — я не позволю.

Тень взметнула полами плаща и скинула капюшон, открыв благородное лицо старца с полубезумными глазами.

Мишель сел и взглянул на появившегося из ниоткуда человека. Слишком много магии для одного дня.

— Вы еще кто такой?

— О! Всего лишь мой дядюшка, Великий магистр Маглор Форжерон! — послышался из другого угла комнаты еще один голос. Очень знакомый. И из тени вышел мэтр Петрунель. — Не выношу этих перемещений во времени, от них только теряешь силы.

Он пощелкал пальцами и озадаченно посмотрел на Великого магистра. Тот страшно рассмеялся и воскликнул сквозь смех:

— Ты силен, но не в твоих силах убрать меня с пути! — Маглор Форжерон снова обернулся к королю. — Все, к чему вы, де Наве, прикасаетесь, обращается пеплом! И, коли ты нашел ее, то я не позволю тебе ее уничтожить. Ожерелья тебе не получить. Душу ее тебе не околдовать! Ты слаб без змеи с изумрудным глазом!

— Мэтр Петрунель? Еще и Великий магистр? — Его Величество переводил взгляд с одного старца на другого. — Как много у вас родственников? И почему я должен кого-то уничтожить? Что здесь происходит? — повысив голос, спросил Мишель.

— Семейная распря! — объявил мэтр Петрунель.

Но Маглор Форжерон, не обращая внимания на своего племянника, навис над сидевшим на диване королем Мишелем.

— Проклятье мне. Ты, де Наве, сын Александра де Наве и Элен из рода Форжерон. И ты — мой враг. Что ж, пусть будет так.

— Дядюшка, — уныло протянул Петрунель, — уймите вашу жажду мести!

— Уйми свою жажду власти, дорогой племянник!

Мишель теперь уже удивленно разглядывал ссорящихся магистров, с неприятным чувством осознавая, что перед ним — его ближайшие родственники. Только этого ему сейчас не доставало!

— Объясните, какое место вы отвели мне среди ваших страстных желаний?

— Твоему роду нет места! — переключился Великий магистр с племянника на короля, вынимая кинжал из ножен на поясе. Раздался очередной щелчок пальцев, и он исчез, слившись с чернотой ночи.

— Получилось! — радостно заявил мэтр Петрунель и едва не захлопал в ладоши. — Получилось! Он стар и теряет силы, Ваше Величество!

Мишель пожал плечами.

— Великий магистр, вероятно, приходил со мной познакомиться. А вы зачем явились, Петрунель?

— Предостеречь вас от всякого общения с ним, Ваше Величество! Вы же видели, он совершенный сумасшедший. Буйно помешанный. Старость!

— Что ж, вы меня предостерегли. Теперь я могу, наконец, отдохнуть?

Петрунель почти смущенно потоптался на месте и вкрадчиво поинтересовался:

— Могу я спросить, в ваших ли руках ожерелье, сир? Добились ли вы того, чтобы она отдала его?

— Магистр, я помню о своем обещании вам. Но это вовсе не означает, что я буду сообщать вам о каждом своем шаге. Я вернусь в Трезмон, вот тогда мы с вами и поговорим, — ответил Его Величество тоном, не терпящим возражений.

— Как? — брови магистра взметнулись на лоб. — Она все еще не влюблена в вас? Мне все труднее удерживать Маглора Форжерона, а она все еще не влюблена в вас!

— Петрунель, — рассердился король, — уймите свое возмущение. Если вы так умны, почему бы вам самому не попробовать добыть ожерелье?

Петрунель смутился. Объяснять, что он пробовал приблизиться к Мари Легран в ее времени, не стал. Поскольку она, кажется, даже и не поняла того, какой живой интерес вызывает у соседа из квартиры напротив. С того дня, как год назад во сне в ночь на День Змеиный ему показала ее та, чей голос был подобен шипенью змей, Петрунель постоянно маячил рядом. Но ничего не помогало. Ожерелье ускользало. Оттого и тянул столько времени, прежде чем обратиться за помощью к королю.

— Неужели же вы полагаете, сир, что будь у меня хоть малейший шанс вызвать у прекрасной Мари ответное чувство, я просил бы вас о помощи? — поинтересовался он. — Но я стар для нее! К тому же она имела греховную связь с юношей куда привлекательнее меня! Куда уж тягаться? Совсем другое дело вы, Ваше Величество! Но вы зря теряете время. Поцеловали бы раз, другой — глядишь, она и отдала бы вам ожерелье!

Король весело рассмеялся.

— Вы же мэтр! Ведете борьбу с самим Великим магистром. Наколдовали бы себе молодость и красоту. Или все-таки есть что-то, что вам не подвластно? — Мишель резко оборвал смех и посмотрел Петрунелю прямо в глаза.

— Вы говорите о материях, в коих ровно ничего не понимаете, Ваше Величество. Закон жизни и магии, как черной, так и белой, гласит: функционирующая в замкнутой системе энергия не появляется из ниоткуда и не исчезает в никуда. Проще говоря, где-то убыло, где-то прибыло. И если я, к примеру, скошу себе десяток-другой лет, то неизвестно, чем это мне грозит. А перемещения во времени — способ проверенный, надежный. Ну, забросило кого-то на пару дней в Трезмон на восемь столетий назад, пока вы здесь. Так в День Змеиный все на место станет, Ваше Величество.

— Вы правы. В День Змеиный все станет на свои места. И мы с вами вернемся к нашей увлекательной беседе о законах жизни и магии. Вам осталось подождать совсем немного.

— Меня не беседы интересуют, а ожерелье роде де Наве, сир! Я буду ждать, но времени все меньше, — Петрунель приподнял полы своего плаща, словно намереваясь уходить, но вдруг остановился. — Позвольте на родственных началах дать вам последний совет, Ваше Величество?

— Прошу вас! — скрестил на груди руки король.

— Не влюбляйтесь в нее. Она останется здесь, а вы вернетесь в свой славный

двенадцатый век. Нет ничего ужаснее для подданных несчастного влюбленного на престоле.

Петрунель рассмеялся скрежещущим смехом и исчез в темноте.

Мишель устало потер глаза. Встреча с родственниками оказалась весьма утомительной. Он очень надеялся, что таковые будут совсем не частыми. Еще лучше, чтобы они более не повторялись. Он снова лег и почти сразу провалился в тяжелый сон. В его ночных фантазиях переплелась явь его мира и странность мира Мари. Важность возвращения ожерелья в семью де Наве и отвращение к советам Петрунеля.

1185 год, Фенелла

Ноябрьская ночь вступала в свои права рано. Едва сумерки озарили горизонт, землю, траву, листву тронул мороз. И белыми мухами в воздухе кружил пока еще редкий снег. Совсем зима.

Серж Скриб глядел в небо, не в силах понять, чего же он ждет.

Он никогда не умел ждать. Мальчишкой его, второго сына маркиза де Конфьяна, по традиции рода отдали в монастырь. Серж не выдержал там и нескольких месяцев. За что был изгнан из родного дома на долгие годы. И, наверное, все-таки искренно и по-детски наивно ждал прощения своего отца.

Юношей его приютил герцог Робер де Жуайез, один из дальних родственников маркиза, претендовавший на трон Форембле наравне с королем Мишелем, с которым мальчишкой Серж сражался на деревянных мечях, в то время как их отцы бились на турнирах. Герцог обнаружил в Серже музыкальный талант и тягу к стихосложению. Он же и сделал все для того, чтобы развить эти дарования. Комнатный музыкант, какого не стыдно показать гостям, был нужен герцогу. А с его внешностью и умом — юноша далеко бы пошел. Господин Робер был политиком от Бога. А Серж испытывал благодарность к нему за то немногое, что было ему дано в Жуайезе, не беспокоясь о том, что станет, когда тот решит вывести молодого человека из тени.

А потом в его жизнь вошла Катрин дю Вириль. И все прочее перестало существовать. Какая насмешка — впервые он увидел ее в тот день, когда она стала герцогиней.

Сперва была шутка. Глупая шутка, в которой все же было немало правды. Герцог не представил его своей супруге как родственника. Со слугами он был на равных. И его забавляло то, как она с первого дня решила, что он также всего лишь слуга. Эту роль играть было легко. И так же легко наблюдать, как ее глаза округляются в изумлении, когда он позволял себе очередную вольность. Он забавлялся. Он, черт подери, забавлялся! И сходил с ума от ревности!

А потом она овдовела. И трубадур позволил себе надеяться. Горе не сломило ее. И вместе с тем он готов был подставить свое плечо.

После была их краткая связь. И эта связь привела лишь к тому, что теперь еще большее отпустить ее к другому. К тому самому, с которым он дружил в детстве. Потому что она не любила. И не любит. Никого не любит. Совершенное, ангельское лицо. Хрупкое, тонкое тело. И стальная воля. И честолюбие в каждом поступке. И высокомерие в каждой улыбке. А он все не мог забыть податливости и нежности ее в то время, когда, пусть ненадолго, был ее другом и краткий миг владел ею. Владел ли?

И вот он под окнами, как в давнюю пору. Глядит в ночь. Чувствует и наполненность, и опустошенность. Катрин, Катрин... Как мало нужно... И как много...

Серж ласкающим движением ладони коснулся струн дульцимера. И запел, зная, что там, за окном, она слышит его.

Я тебя не верну.

Если хочешь, то можешь не верить.

Пусть бледнеет рука,

И померкнут любви обещанья.

Объявляя войну,
Оставляю открытыми двери.
Не гляди свысока -
В кулаки свои пальцы сжимая,
Я тебя не верну.
Я оставлю себе твое имя
И твой голос, и вкус
Твоих губ, твоей кожи горячей.
Я в тебе утону.
Пусть любовь твоя стала пустыней.
И пусть тяжек мой груз -
Что осталось, я просто запрячу
И тебе не верну...

— Дрянная девчонка! Ты опять не принесла лаванду. И очаг еле теплится, — ворчала Катрин, сидя в одной камизе на краю высокой кровати. Служанка распустила ее косы, развязав ленты, и теперь расчесывала волосы. — Ай! — вновь вскрикнула герцогиня и выхватила из рук девушки щетку. — Ты вздумала обезобразить меня, оставив лысой? Кто тебя подкупил? Убирайся, маленькая плутовка! Пошла прочь!

Катрин де Жуайез гордилась своими волосами не менее, если не более чем древностью рода. Травяные настои для блеска, притирки для укрепления, ежевечернее расчесывание для роста. Она не жалела ни времени, ни сил, заботясь о них. И каждый раз, покрывая голову вимплом, печалилась, что правила требуют прятать роскошные волосы под покрывалом, скрывать их красоту.

Когда служанка вышла, герцогиня отбросила в сторону щетку и взяла буковый гребень, смочив его в розовой воде, в которой были смешаны толченые гвоздика и мускатный орех. Она медленно проводила им по волосам, прядь за прядью. Но мыслями была далека от своей спальни.

Герцогиня вспоминала день, когда впервые переступила порог замка Жуайез. День, когда она впервые увидела мужчину, навсегда забравшего ее покой. Рядом с которым ей трудно было дышать, но без которого самый солнечный день становился безрадостным. Ей удавалось бороться с собой и своими чувствами, пока был жив герцог. С гибелью супруга все переменилось.

Разум Катрин по-прежнему убеждал не забывать о родовой чести. В то время как душа ее стремилась к счастью, сердце было полно любовью, а тело изнывало от желания. Однако единственный, от кого она жаждала все это получить и кому втайне мечтала отдать всю себя без остатка, был простым трубадуром. Герцогиня разрывалась между любовью и долгом. И в этой мучительной, изнуряющей борьбе побеждал долг. И страх. Страх оказаться в монастыре. В тот самый миг она дала согласие королю Мишелю, отказываясь думать, какой пыткой будет для нее это супружество. После того, как однажды она узнала любовь своего трубадура.

Неожиданно мысли ее были прерваны пением того, о ком она грезила. Катрин вздрогнула и босиком бросилась к окну. В кромешной темноте ничего не было видно. И никого. Лишь песня продолжала звучать. Заслушавшись, Катрин стояла не шелохнувшись, не замечая ничего вокруг, не чувствуя холода, исходящего от камней оконного проема, к которому она прижималась.

Я в тебе утону.

Пусть любовь твоя стала пустыней.

И пусть тяжек мой груз -

Что осталось, я просто спрячу

И тебе не верну...

Звуки смолкли. Серж оторвался от струн и посмотрел вверх, туда, где неровным светом горела свеча в ее окне. Сердце забилося чаще. Ее силуэт.

— Катрин, — почти стоном вырвалось из его груди.

Ей почудилось или ветер донес до нее его голос... Скоро, совсем скоро она станет королевой, женой другого мужчины, как уже было когда-то. И потеряет его навсегда. Но как ей быть, если она жива, только когда он подле нее...

Катрин протянула руку и прижала ладонь к оконному стеклу.

Он не медлил больше ни минуты. Немыслимо было медлить. Он не думал. Потому что иначе остался бы стоять на месте. Спешным шагом, будто гонимый чертями, он мчался к ней. Высокая лестница с крутыми ступенями, через которые он перелетал. Ее половина, узкий коридор. Дверь в ее покои. Та самая, к которой еще днем он привалился спиной, совершенно лишенный сил. Господи... Они редко могли понять друг друга при свете солнца. Но понимали друг друга ночью, когда слова были не нужны.

Скриб занес кулак, чтобы постучать, но не успел этого сделать. Дверь отворилась, и Катрин отступила в полумрак комнаты, прижав ледяные пальцы к пылающим щекам. Она слышала шаги в коридоре. Он видел ее. Он понял ее. Он здесь. И сны, которые преследовали ее, томили воспоминаниями о нескольких сладостных часах в его объятьях, станут явью. Еще раз она будет принадлежать ему.

Ни на шаг не отставая, след в след, он прошел за ней и остановился так близко, что почти ощущал жар ее тела. Ее глаза. Невозможные... Сбившиеся ему ночами... Глаза, которые свели его с ума с первого дня. Поднял руку, прижал к ее щеке, провел большим пальцем по губам, чувствуя, как неровное дыхание вырывается из ее груди. Вторую ладонь запустил в ее волосы. Господи, как он любил эти волосы! Огненные, будто наполненные светом. Неизменно он чувствовал себя безумным от одной мысли о том, чтобы сорвать с ее головы покрывало и дать им рассыпаться по плечам. И ни на мгновение не мог оторвать взгляда от ее лица — каждая черта которого врезалась в память до самого конца жизни.

Катрин дрожала. То ли от холода, то ли от нетерпения. Прижималась щекой к его ладони, чувствуя ее тепло. Понимала, что поддается безумию. Но ничего не могла с этим поделать. Ничего не хотела с этим поделать.

Подняла голову и посмотрела ему в глаза. Свеча догорала и отражалась в его зрачках дикими, пугающими всполохами. словно отблески проклятия, насылаемого на ее душу. И ринувшись в бездну, она привстала на цыпочки и порывисто прижалась губами к его губе, которую в отчаянии зло укусила сегодняшним утром. Он в нетерпении провел руками по ее плечам, освобождая их от камизы, оторвался от губ и прижался к впадинке возле ключицы. Проложил дорожку из поцелуев ниже. И потом резко оторвался от нее, посмотрел в колдовское лицо, нахмурившись, подхватил на руки и понес в постель, пытаясь не слушать упрямое сердце, в котором вновь, подпитываемая ее поцелуями, расцветала надежда. Никаких надежд. Никакой любви. Просто ночь. И просто прощание. Но, увы, надежда была сильнее разума. А любовь оказалась превыше сомнений.

Он не знал. Ничего не знал о том, какое безумие овладевало ею. Как душа ее обретала

долгожданное счастье, как сердце рвалось навстречу его сердцу, какие мысли терзают разум, но чувствовал, как ее тело страстно откликалось на его прикосновения.

Неминуемый рассвет налетел, будто хищная птица, вцепился когтями в звездное морозное небо и разлил кровь по всему горизонту. Серж чувствовал, что должен уйти. Что скоро проснутся слуги. Что жизнь ворвется в их тишину, разобьет ее на части и не оставит следа от того урагана, что пронесся в его душе за эти ночные часы. Катрин вновь сделается чужой. А он вновь почувствует себя испитым до самого дна. Сквозь рассветные сумерки он глядел на нее и не мог наглядеться. Завтра она будет чужой женой. Может он ее остановить? Наверное. Одним словом. Остановит ли? Убрал с ее лица золотистую прядь волос, проведя кончиками пальцев по шелковистой коже. Остановит ли?

Она чувствовала его рядом с собой. Чувствовала его пальцы на своем лице. И боялась посмотреть на него. Зачем была рождена она знатной дамой? Почему ей приходится воровать минуты блаженства у судьбы? В рассветный час, когда в комнате начинает светлеть, она знала, что ресницы ее дрожат, и он, несомненно, видит, что она не спит. И все же он должен уйти. Катрин открыла глаза.

Он все понял без слов. Коротко поцеловал уголок ее рта. Встал с постели. Оделся, стараясь не смотреть на нее. В полном молчании проследовал к двери. И остановился. Тугой узел внутри него будто бы ударился о ребра, и он почувствовал нестерпимую боль. Такую боль, что не стало сил дышать... Сколько можно?..

Резко обернулся к Катрин и, чувствуя, как его охватывает тихая ярость, освобождая пространство от болезненного комка, спросил:

— Ты и теперь не скажешь мне?

Она мучительно долго молча смотрела на него, желая запомнить навсегда. И, наконец, выдохнула еле слышно:

— Прости...

— Почему тогда... Это все?

Герцогиня де Жуайез надменно вздернула подбородок и, медленно растягивая слова, произнесла:

— По какому праву вы находите возможным требовать от меня объяснений?

— Сана! — рыкнул Скриб и вылетел за дверь, чувствуя, что если бы еще на минуту задержался в ее покоях, то вытряс бы из нее признание в любви силой. Он мчался по коридору, на ходу пристегивая плащ и совершенно позабыв о том, что его дульцимер так и остался у нее. Он не был больше трубадуром. Маркиз де Конфьян поднял голову, но женщина, не признавшая своей любви к нему, безродному, не была ему нужна.

Катрин оглушил звук хлопнувшей двери. Некоторое время она сидела, не шевелясь, глядя в одну точку. Прямо перед собой. Туда, где мгновение назад стоял Серж, спрашивая ее о том, что дать ему она не смела. Потом отрешенно осмотрела комнату, заметила на сундуке его дульцимер, и силы оставили ее. Она упала на постель и, уткнувшись лицом в подушку, которая еще хранила запах ее возлюбленного трубадура, горько, безудержно расплакалась. И не заметила, как задремала. А когда проснулась в уже остывшей постели, вдруг ясно поняла, что не сможет стать женой короля. Она никогда не сможет стать ничьей женой. Катрин печально улыбнулась. Слез больше не было. И даже монастырь был теперь не страшен.

2015 год, Бретиньи-Сюр-Орж

Когда он проснулся, за окном был уже день. Пасмурный, снежный, вводящий в заблуждение мнимой тоской.

В совершенной утренней тишине особенно отчетливо послышался шорох, и перед ним показалась Мари, прятавшая в карман ключи. В простом вязаном пальто, джинсах и кроссовках, она стояла перед Мишелем и улыбалась. Волосы, стянутые в хвост на затылке, были чуть притрушены снегом, который, тая, оставлял влажные следы. В свободной руке она держала пакет, источавший запах свежей выпечки.

— Доброе утро! — звонко объявила Мари, вчерашнего уныния будто и не бывало. — Вы любите овсянку?

Мишель резко сел в постели, откровенно рассматривая девушку. Сегодня она была другой. То ли успокоившейся, то ли определившейся в каком-то решении. Под его взглядом Мари смутилась и опустила глаза. Это он отчетливо понял. И это заставило его улыбнуться.

— Овсянку? — переспросил Мишель. — Не думаю.

— Это ваша принципиальная позиция или можно рискнуть? — приподняв бровь, поинтересовалась она.

— Если из ваших рук — я, пожалуй, рискну.

— Отлично! — объявила Мари и через двадцать минут внимательно следила за выражением его лица, пока он осторожно жевал кашу. А Мишель мужественно отправлял в рот ложку за ложкой, думая, что это, определенно, не его любимое блюдо.

— Вы сегодня тоже рано встали? — спросил он, наконец, покончив с овсянкой. — Или у вас так принято?

— У меня принято в выходной спать до обеда. Отсыпаться перед рабочей неделей, — с улыбкой ответила Мари и, глядя на мучения короля, вынула из пакета несколько круассанов, выложила их на блюдо и подала на стол вместе с кофе. Кофе тоже был куплен с утра и сварен в причудливой старинной бронзовой джезве с занятным узором, оставшейся у Легранов со старых времен, когда семья была большая. Обернулась к Мишелю и подмигнула:

— Но сегодня мы идем писать озеро, пока снег не подтаял.

— Значит, вы все же отведете меня на прогулку, — улыбнулся Мишель. Ему очень понравилось простое и обычное «мы» в ее устах.

— Не на прогулку! — засмеялась Мари, отпивая из своей чашки. — Это будет каторга! Будете подавать мне кисти и держать палитру. Поверьте, это хуже, чем раскладывать книги по коробкам.

На самом деле она вовсе не заставила его выполнять все эти, несомненно, очень сложные задания. Добравшись до лесопарка, окружавшего озеро Каруж, на авто, Мари вручила Мишелю мольберт, и единственное, что от него требовалось, это донести его до излюбленного места художницы под густой ивой, у которой открывался очаровательный вид на озеро. После этого Мари отключила мозги и занялась этюдом, впрочем, не планируя превращать его в настоящую большую картину. На земле лежал снег, а озеро уже стянуло тонкой коркой льда. Мари с наслаждением втягивала носом морозный воздух и смотрела, как вокруг проносятся снежинки.

Мишель стоял, привалившись к стволу старой ивы, на которой ветер трепал редкие

листья. Срывал их, бросал на землю, и яркие желтые пятна нарушали совершенную белизну снежного покрова. Мари молчала, увлеченная своим занятием. За ней было приятно наблюдать. Кажется, она ничего не замечала вокруг себя, полностью отдавшись любимому занятию.

— Что вы собираетесь делать дальше? — неожиданно спросил король.

— Не имею ни малейшего представления, — отозвалась Мари. — Для того чтобы принимать какие бы то ни было решения, нужно быть взрослой, а мне так не хочется.

— Неужели вам хочется, чтобы за вас принимал решения кто-то другой?

— За меня всю жизнь принимали решения, — ответила она с улыбкой. — С самого рождения. А сейчас некому, — она внимательно всматривалась в ледяную поверхность озера, а потом обернулась к Мишелю. — Как по-вашему, могу я иметь надежду выжить в одиночку?

— Думаю, можете, — задумчиво произнес Мишель. — Но желаете ли вы этого? — он подошел поближе. — Можно посмотреть, что у вас получается?

— Кокетничать не буду. Смотрите.

Мари, не глядя назад, отступила на шаг от мольберта и столкнулась со стоявшим позади нее Мишелем. Он непроизвольно подхватил ее под руки, почувствовал запах духов, притянул чуть ближе, но, сообразив, что ведет себя бесцеремонно, и все происходит слишком быстро, согласно принятым правилам, отпустил ее.

— Красивая будет картина, — произнес он медленно, тщательно подбирая слова.

— Спасибо, — усмехнулась Мари, запахивая поплотнее пальто и поеживаясь — только сейчас, после мгновения тепла в его руках, она почувствовала, как холодно, хотя до этого не замечала. — А вы? Чем вы занимаетесь? Ну... кроме того, что вы король.

— Как чем? Управляю своим королевством.

— Я не о том. Что вы любите?

— Вам, правда, интересно? — Мишель улыбнулся. — И смеяться не станете?

— Конечно, не стану!

— Мне нравится делать витражи. У меня есть мастерская. Хотя я и провожу в ней не так много времени, как хотелось бы, но мне это очень нравится.

— Витражи? — она представила себе тысячи цветных стекол на окнах, шпили соборов и то невероятное ощущение наполненности, которое испытывала только в детстве, когда сквозь разноцветные осколки проникал солнечный свет, и ей казалось, что нет ничего ближе ее душе, чем это волшебство. — Вы умеете? Необычное у вас хобби!

— В Сен-Дени есть художественная школа. Я бывал там несколько раз, кое-чему меня научили. Иногда я раздумываю над тем, что стоит пригласить к себе кого-нибудь из братьев-мастеров... но дальше дело не идет... Вы, наверное, замерзли, — заговорил он о другом. — Может, стоит вернуться?

— Вернуться? — Мари засмеялась. — Вы соскучились по библиотеке и коробкам? Нет, месье... кстати, как ваша фамилия? Монархам ведь полагается фамилия? Мервинги, Каролинги, Капетинги, Бурбоны, Валуа...

— Де Наве.

— Хорошо, месье де Наве. Хотите на экскурсию в двенадцатый век?

— Как такое возможно? — удивленно спросил Мишель.

— Ну, вы же в двадцать первый как-то попали, а теперь задаете такие вопросы!

Все оказалось очень просто. Даже не потребовалось машины времени. Обошлись

старым-добрым Ситроеном и несколькими минутами дороги. Увидев открывшееся взору, Мишель улыбнулся.

Они оказались у церкви Saint-Pierre, расположенной на окраине. Единственное строение Средневековья, сохранившееся в городке. Дата основания Бретињи-Сюр-Орж была соотнесена с датой освящения главного алтаря церкви. Но самое удивительное в ней — витражи. Бесконечно яркие витражи, какие Мари увидела впервые в раннем детстве во время воскресных служб.

В это воскресенье небольшая площадь перед церковью была опустевшей — служба давно подошла к концу. Мари Легран вышла из машины и, опершись спиной о дверцу, посмотрела на шпиль. Со времени отпевания родителей она здесь не бывала. Когда Мишель подошел к ней, непроизвольно подала ему свою ладонь.

Он взял протянутую ему руку, почтительно поцеловал ее, но, вопреки всему, к чему он был приучен, не отпустил.

— Мы можем зайти внутрь? — спросил Его Величество.

— Почему бы и нет? — улыбнулась она. — В конце концов, это главная достопримечательность нашего городка.

Они так и зашли в церковь рука об руку. Мари безмятежно улыбалась, чувствуя, как жизнь ее, будто в детстве, наполняется волшебством. И как сотнями разноцветных лучей обращается все ее будущее. Или все ее прошлое.

— Вам нравится? — шепотом спросила она, указывая на причудливые продолговатые окна и почти забывая дышать.

— Нравится, — негромко ответил Мишель. Ему нравилось все. Церковь, витражи, прогулка с нею. И ее рука в его руке. Всего за день он, кажется, стал забывать, что совсем чужой в этом мире, что завтра вернется домой. А эта девушка останется здесь навсегда. И через некоторое время все происходящее станет казаться сном. Впрочем, это и сейчас не походило на очевидность.

— Когда я была еще девочкой, я приходила сюда только для того, чтобы посмотреть на цветные стекла... Эту церковь построили в одиннадцатом веке. Витражи, я полагаю, сменили не один раз, но все же... Невероятно, да?

Мишель смотрел не на витражи, а на восторженное лицо Мари. Слушал ее негромкую речь. И терял голову.

— Мне бы очень хотелось показать вам однажды свои витражи. Жаль, что это невозможно, — слегка пожал он ее ладонь.

— Жаль, что это невозможно... — повторила она. — Мне бы хотелось... Мишель... Вы и, правда... оттуда?

Она кивнула на стекла.

— Вы мне не верите? Впрочем, я, пожалуй, и сам бы не верил, окажись на вашем месте. Я, правда, оттуда, — он взглянул на церковные витражи.

— Хорошо, — медленно проговорила она, чувствуя, что все стало просто, — я вам верю. Когда вы вновь попадете туда? Сколько у вас времени?

— Завтра на рассвете все вернется в те места, которым принадлежит, — он снова посмотрел на окна. Солнечный луч пробился сквозь цветное стекло, заиграл радугой по стенам, протянулся к самым ногам Мишеля и Мари и рассыпался на тысячи разноцветных искр. И снова Его Величеству показалось, что он стоит в этой же самой церкви, но восемь столетий назад. И чувствует руку Мари в своей руке. Стало больно смотреть — день оказался

неожиданно ярким и резким, каким не был мгновение назад. И, кажется, это уже не ветер, а сам свет шепчет ему знакомым голосом: «Времени не существует, король. Времени нет для тех, кто соединен в веках. Возле тебя твоя королева».

Мишель вздрогнул и резко обернулся. Мари по-прежнему была рядом, только луч погас, и в церкви стало чуть темнее.

— Это значит, что у нас только этот день? — ровно спросила она, проследив за его взглядом. Что-то внутри дрогнуло, сжалось пружиной, и она словно бы освободила себя от сомнений, воспринимая все, как должное. — Только сегодня... Хорошо... Чего бы вам сейчас больше всего хотелось? Все что угодно — я вас отвезу, покажу.

— Благодарю вас, — Мишель отвесил галантный поклон и неожиданно улыбнулся. — Чего бы мне хотелось? Знаю! Покажите мне что-то такое, что я больше никогда и нигде не увижу.

1185 год, Фенелла

Брат Паулюс Бабенбергский сладко зевнул, потянулся спросонок и, скинув с себя шкуру, сел на тюфяке, который был брошен на пол, и на котором он провел несколько часов сна. Его топчан был занят заявившимся к нему вчера забавным привидением с длинным именем, из которого он помнил только часть — Лиз. А лечь на сундук нетрезвый ум монаху не подсказал. Весь вечер загадочная гостя выясняла, куда она попала, и не менее долго пыталась обнаружить какую-то «дыру». Про это брат понял не очень отчетливо. А утомленная своими безуспешными поисками, далеко за полночь, она заснула, почти рухнув на его постель. И теперь так мило спала, похрапывая, как маленький медвежонок.

Становилось все светлее. Паулюс пригляделся внимательнее, медленно почесал затылок, и в его несколько протрезвевшую голову закралась не менее светлая мысль: девушка, спящая на топчане, не привидение. Он осторожно прикоснулся пальцами к ее руке, лежащей поверх одеяла. Рука была теплой и нежной. И вздрогнул от неожиданности, когда Лиз резко села, широко распахнув глаза. Оглянулась по сторонам, снова смежила веки и откинулась назад, на топчан.

— О, нет... — вяло протянула она, — только не это...

— А что должно быть «это», сестра моя? — спросил Паулюс, поднимаясь, наконец, с пола и убирая тюфяк в сторону.

— Моя комната. С розовыми порттьерами и плюшевым медведем у изголовья, — уже живее ответила она, — и никакая я тебе не сестра. Хватит уже!

Монах удивленно воззрился на нее, пытаясь хотя бы примерно представить, о чем она говорит.

— Ты, вероятно, плохо спала, сестра моя. Это потому что на новом месте. Ничего. Я сейчас схожу к старой Барбаре за хлебом и молоком. Будем завтракать.

— Хватит. Называть. Меня. Сестрой!!! — окончательно проснувшись, воскликнула Лиз, тут же снова приподнялась на постели и с надеждой посмотрела на монаха. — Слушай, а сейчас правда 1185 год, а? Или этот debil Алекс меня разыграл? Или съемки какого-то шоу для телевидения?

Брат Паулюс пододвинул стул и сел. Сознавая, что вот сейчас он вообще почти ничего не понял из того, что она сказала.

— Сестра моя, на каком языке ты разговариваешь? В каком королевстве ты учила французский?

— Nickel... все с тобой ясно... а до Парижа далеко?

— До Парижа? Да рукой подать! Недели через три доберешься.

— Три недели? — опешила Лиз. Впрочем, будто эта информация ей что-то давала. В двенадцатом веке ее дома еще не существовало. Его построили, когда ей было десять лет. Она взглянула на Паулюса и совершенно не к месту спросила: — Слушай, а какого черта ты вчера ко мне целоваться лез?

Брат Паулюс открыл было рот, чтобы попытаться ответить что-то вразумительное, когда в дверь постучали. Нет, не так... Дверь едва не вышибли стуком.

Монах удивленно посмотрел в сторону едва державшихся петель. Потом перевел взгляд на Лиз. «Надо бы ее спрятать», — решил Паулюс. Резко подняв за руку девушку с топчана и

притащив ее к сундуку, он открыл его и грозным шепотом велел:

— Залазь!

— А я там не задохнусь? — пискнула Лиз.

— Нет.

Она покорно кивнула. И вдруг при ясном солнечном свете посмотрела на ноги, торчавшие из-под шифоновой туники, и оценила пикантность ситуации — она в комнате монаха в полупрозрачном одеянии. Отчего-то подумалось, что провести остаток дня в сундуке — не самая плохая идея. Не то чтобы она корчила из себя скромницу... но отчего-то смутилась. И залезла в сундук.

В этот момент дверь в очередной раз загрохотала, чудом удержавшись на своем месте.

— Да иду я, иду, — бурчал Паулюс, направляясь к ней. На пороге он увидел маркизатрубадура и недовольно спросил: — И какая причина заставляет тебя ломать двери в чужие покои ранним утром, друг мой Скриб?

Серж вихрем влетел в комнату и мрачно заявил:

— Я уезжаю в Конфьян! — подошел к сундуку, в котором только что спряталась Лиз, и добавил: — Доставай свое пойло.

Брат Паулюс метнулся к нему и живо уселся на сундук.

— Коль ты оскорбляешь мой божественный напиток, не дам его тебе ни капли, — скрестил он руки на груди. — Впрочем, на столе осталось немного... А что это ты так заторопился? Ты же, кажется, собирался присутствовать на венчании своей герцогини и короля Мишеля?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— К черту венчание. И ее тоже к черту, — глухо сказал он. — Я не могу больше...

Глаза монаха полезли на лоб.

— Пожалуй, тебе стоит выпить, — он поднялся и налил вина из бочонка, стоящего на столе. — Пей! — протянул он кружку Скрибу.

Серж послушно принял вино и решительно влил его в себя.

— Я пришел проститься, друг мой Паулюс, — мрачно проговорил он, — не знаю, свидимся ли... Но в Конфьяне всегда примут тебя!

— Не хочешь ли ты рассказать мне, что случилось? — оправив скапулярий, спросил Паулюс.

Серж дернул плечами и поставил кружку на стол.

— Все то же. Мечты трубадура разбились о железную волю герцогини. Эта женщина не знает, что такое любовь. Она не умеет любить.

— Ты придумал какой-то идеальный мир. И не желаешь понять очевидного: подчас знатная герцогиня может позволить себе много меньше простого придворного музыканта.

— А что ты с утра такой трезвый? — еще больше мрачняя, отозвался Скриб.

— Дела у меня. Завтра свадьба. Не пристало святому брату на ногах не держаться. Еще обряды перепутаю, — и Паулюс громко рассмеялся.

При слове «свадьба» Серж смертельно побледнел, и руки его сами собой сжались в кулаки.

— Ты и мертвецки пьяный все сделаешь верно, — хрипло проговорил он и подошел к окошку, глядя, как снег укрывает землю в предпоследний осенний день. Не выдержал, обернулся к Паулюсу и воскликнул: — Если бы она хоть слово сказала! Если бы хоть признала! Паулюс! Что мне делать теперь?

— Но-но! Ты полегче, — рявкнул монах, глянув на кулаки Скриба. — Я же не виноват, что у тебя любовь безответная. Выбрал бы себе кого другого для вздыхания. А так... я тебе уже давно сказал, что делать. Признайся ей кто ты, и дело с концом. Хотя... король все же получше маркиза будет.

Последнее замечание было сказано с самым задумчивым видом.

Взгляд маркиза погас. Руки свесились вдоль тела, а кулаки разжались сами собой. Безжизненным голосом Серж произнес:

— Я уезжаю на рассвете. Если захочешь проститься...

— Ступай, сын мой, — сказал ему вслед брат Паулюс. — Я загляну к тебе после заутрени.

Он дождался, пока за Скрибом закрылась дверь, подскочил к сундуку и открыл его.

— Как ты тут? — спросил он у Лиз.

Лиз зажмурилась — после крошечной тьмы свет резко ударил по глазам.

— Живая! — заявила она. — Это что за полудурок был?

Разговор она, разумеется, слышала. И поняла достаточно, чтобы сделать выводы. Брат Паулюс хохотнул. Манера изъясняться у его гостыи была более чем необычна.

— Это трубадур из соседнего замка. Завтра у его госпожи свадьба. С нашим королем. А он никак поздравительную песнь сложить не может. Наверное, — и Паулюс рассмеялся еще громче.

— У тебя есть, во что переодеться? — спросила Лиз, вполуха слушая его разъяснения и снова критическим взглядом осматривая свой туалет.

Монах не менее критическим взглядом осмотрел наряд своей гостыи, задержавшись на всех соблазнительных местах.

— Жаль, что ты желаешь переодеться, — вздохнул он. — Но гардероб у меня невелик. Могу до завтра дать тебе свою праздничную сутану.

— Сутану так сутану, — махнула рукой она. Но под его взглядом покраснела, — ты во мне дыру просмотришь! А еще монах!

Паулюс только хмыкнул, достал ей из сундука одежду и пошел к двери.

— Ты пока переодевайся, а я все же схожу к старой Барбаре. Завтрак нам обоим не помешает.

Отсутствовал он недолго, едва хватило времени переоблачиться, и скоро вернулся, поставив на стол свежий хлеб, молоко и мед. Лиз в сутане выглядела еще привлекательнее. И глядя на нее, он пьянел без вина.

Ей же ужасно хотелось есть. Все-таки она не ела несколько... столетий. Усевшись за стол и приступив к еде, Лиз с любопытством поглядывала на монаха и, наконец, отважилась спросить (и откуда эта странная робость, решительно ей несвойственная?):

— Так как, говоришь, тебя зовут?

Брат Паулюс едва открыл рот, чтобы ответить... как вновь раздался негромкий, но уверенный стук в дверь.

Монах бросил быстрый взгляд на Лиз, развел руками и коротко произнес:

— Сундук.

Она покорно вскочила из-за стола и проследовала к своему убежищу. Спрятав ее, Паулюс поплелся открывать, мысленно возмущаясь, что за отвратительное утро, если не считать прелестной гостыи, неизвестно откуда взявшейся на его голову. И если это снова Скриб, уж он ему расскажет!

Паулюс зло распахнул дверь и увидел на пороге герцогиню. Она решительно вошла в комнату и повернулась к хозяину.

— Здравствуйте, брат Паулюс, — госпожа Катрин стояла перед ним, надменно глядя куда-то вперед. — Не будете ли вы столь любезны сказать Его Величеству, что я покидаю замок, и передать ему это послание?

И она нервным движением достала из рукава письмо.

— Отчего же не передать. Передам, — проговорил Паулюс, почесывая затылок. Взял протянутый ему свиток и уточнил: — Так завтра в церковь вы приедете из своего замка?

— Нет, в церковь завтра я не приеду. Передайте Его Величеству, что он может отменить церемонию. Вам одной заботой меньше, брат Паулюс. Впрочем, окажите мне еще одну услугу, — Катрин закусил губу, и достала из кошелька, висевшего у нее на поясе, небольшой свиток, перевязанный пурпурной шелковой лентой. — Передайте... передайте это письмо моему трубадуру.

Герцогиня положила свиток на стол, резко развернулась и почти выбежала из покоев монаха.

Паулюс отбросил в сторону врученное ему письмо к королю. Какая уж теперь разница, что там написано, если свадьбы все равно не будет? Схватил свиток, лежащий на столе. Сорвал ленту и, не заботясь размышлениями о каких-либо правилах, прочитал послание, адресованное Скрибу. Письмо было написано ровным четким почерком и без единой пометки. От строгой латыни отвлекал лишь резкий запах розового масла, исходящий от ленты.

«Я взяла на себя смелость писать к вам.

Я отпускаю вас. Теперь вы сможете найти себе иную даму, которой, уверена, будут нравиться ваши канцоны. Простите, что не сумела оценить их по достоинству...».

Крышка сундука скрипнула, и Лиз, придерживая слишком длинный подол сутаны, выбралась на свет божий. Оценив задумчивый вид монаха, она подошла к нему и через плечо заглянула в бумагу, которую он изучал.

— А это была герцогиня, да? Которую трубадур любит?

— Герцогиня, — эхом отозвался Паулюс. — И вот что с ними делать?

— Мужчины! — буркнула Лиз. — Сделать то, что она просит.

— Верно! — воскликнул брат Паулюс, чмокнул Лиз в губы, и, подхватив сутану, помчался к Скрибу.

2015 год, Бретињи-Сюр-Орж

Мари отошла от окошка киоска с внушительным ведром попкорна. Нашла глазами Мишеля и приблизилась к нему, торжественно вручила добычу и объявила:

— Не пугайся, это еда такая. Из кукурузы. Тебе понравится.

Он взял в руки протянутую ему «еду». Попробовал. Не разобрал. «Жевать можно», — решил он про себя.

Дама в униформе открыла перед ними дверь, они прошли сквозь плотную ткань в темный зал, и Мишель увидел, как на стене двигаются и разговаривают люди. Вокруг Мишеля и Мари раздавались громкие звуки. Его Величество встал, как вкопанный. Такого он точно никогда не видел и вряд ли увидит когда-нибудь еще.

— Эй! — Мари подергала его за куртку. — Садись. Это кино, это нормально.

Билеты были только на драму. «В мае делай все, что тебе нравится». Фильм шел уже давно. Потому малый зал старого кинотеатра Cin 220, и, конечно, последний ряд. «Места для поцелуев», — мелькнуло в голове Мари. А еще она подумала, что так незаметно и естественно перешла на «ты» со средневековым королем.

— Садись, садись... — зашептала она. — Смотри и слушай. Это... это будет история. Вроде книги, только можно увидеть.

Мишель смотрел и слушал. Это была история вроде книги, но ее можно было увидеть. И это было потрясающе. В какой-то момент Его Величество король Трезмонский поймал себя на мысли, что он благодарен Петрунелю, который отправил его сюда. И было неважно, что проходит время, что скоро он вернется домой, а к ожерелью он ничуть не стал ближе. Хотя именно ожерелье ему бы очень пригодилось. Ведь оно исполняет одно желание. И Мишель точно знал, какое желание он бы сейчас загадал.

В темноте зала он нашел пальцы Мари и сжал их в своей руке.

Сердце ее гулко билось в груди. Она смотрела на экран, но почти ничего не видела и не слышала. Спроси ее, о чем фильм, едва ли она смогла бы ответить. Все, что она чувствовала — это теплота в ладони Мишеля. Все, чего она хотела, это сжать ее в ответ. И ни о чем больше не думать. Был ли его жест неожиданностью для нее? Нет. Не был. Она знала, что с того мгновения, как увидела его, в ней вспыхнуло что-то важное. Как знала и то, что то же самое вспыхнуло в нем. Так не бывает? Чужь... Как еще должно быть?

Мари медленно повернула к нему голову. Король из волшебной сказки, героиней которой она стала на один-единственный день. Но ведь можно же получить от сказки все, что она обещает? Сейчас, на распутье жизни, когда просто не знаешь, куда идти дальше. Все равно он исчезнет, перестанет существовать... А это мгновение есть и будет. Потому что он ей нравился едва ли не с первой минуты. Ее рука дрогнула, и большим пальцем она чуть погладила его запястье.

Движущиеся картинки на стене вмиг перестали интересовать Мишеля, как только он заметил, что Мари повернула к нему голову. Это было странно. Он не видел в темноте ее глаз. Но отчетливо помнил их безбрежную синеву. Ее глаза он не забудет никогда. Теперь они станут ему сниться так же, как снились прошедшей ночью.

— Тебе нравится? — тихо спросила Мари, как спросила только утром под сводами церкви, не зная, говорит она о фильме или о чем-то большем.

— Мне очень нравится, — также тихо ответил Мишель и, наклонившись, прижал ее пальцы к губам.

— Мне тоже нравится, — шепнула она, рванулась к нему, отнимая ладонь только затем, чтобы впервые в жизни первой поцеловать мужчину. И сообразила, что творит, лишь в тот момент, когда их губы соприкоснулись. Он же прекрасно понимал, что в его мире такое невозможно. Но через восемь веков? В мире Мари? Мишель осторожно и нежно ответил на поцелуй девушки, слегка притянув ее к себе. Со стороны они могли показаться обыкновенной влюбленной парочкой в темноте кинозала. Она, обвивавшая руками его шею, он, обнимавший ее. Забытый на подлокотнике попкорн. И летавшие на экране самолеты. А когда поцелуй прервался, Мари смогла выдохнуть только:

— И как мне теперь фильм смотреть?

— У вас будет еще возможность посмотреть его снова, — Мишель притянул ее к себе еще ближе.

— А у тебя нет, — тихо ответила она и провела кончиками пальцев по его губам. — Или есть надежда, что ты сможешь еще вернуться... ко мне?

— Нет, Мари. Я попал сюда почти по чужой воле. И больше это не повторится.

Мари сглотнула. Скосила глаза на экран, выхватила взглядом толпу, бредущую, бог знает куда, по дороге. И почему-то подумала, что она ничем не лучше той толпы. В омут с головой — в неизвестность, которая ничем хорошим не закончится. Несколько часов вчера вечером и этим утром изменили ее жизнь и изменили ее. Наверное, свели с ума. Мотнула головой — не думать. Сегодня не думать. Улыбнулась королю.

— Неужели ты хочешь досматривать? Может быть... прогуляемся?

Мишель ничего не ответил. Он распустил ее волосы, поцеловал прядь и намотал ее на свою ладонь. Сердце его неслось вскачь. Что там говорил Петрунелль? Не влюбляться? Да что этот глупый мэтр может знать о любви! Мишель усмехнулся. Коротко прикоснулся губами к ее губам и прошептал:

— Идем... куда скажешь...

На них уже оборачивались зрители с предыдущего ряда. Мари чувствовала, что краснеет, но это было ей вполне свойственно. В отличие от всего, что она делала в последние сутки. Его глаза в темноте блестели. А ей казалось, что она бы всю жизнь... Нет, об этом лучше не задумываться.

Мари освободила волосы, сжала его ладонь, на которой только что был намотан локон, и, опрокинув ведро с попкорном, встала.

Они вышли на улицу, ветер ударил в лицо, но она улыбнулась этому ощущению свободы и бесшабашности.

— Ты есть хочешь? — спросила она, чувствуя, как по лицу бьют крошечные снежинки. Осень закончилась. Как хорошо, что она закончилась. Почти.

— Есть? Нет, — Мишель вдохнул морозный воздух. Даже странно, как сильно он любил зиму. Никто и никогда не мог понять, почему он всегда с таким нетерпением ожидает именно это время года.

Посмотрел Мари в глаза при свете дня и почти физически ощутил, что у него осталось лишь несколько часов.

— Можно я снова тебя поцелую?

1185 год, Фенелла

Маркиз де Конфьян метался по комнате, чувствуя, что еще немного, и он передумает, бросится к ногам надменной герцогини и будет умолять ее о любви. Пусть и любви к маркизу. Со стола он собирал свитки, испещренные пометками, на которых записывал стихи. И с какой-то яростью все отправлял в очаг, к черту! Все кончено, пусть упрямое сердце и не желает того признавать.

Он вернется в Конфьян, в дом, в котором не вырос, но который все же был ему родным. И принадлежал по праву рождения. Первейшим его долгом будет привести в этот дом супругу, достойную его по положению, и дать роду наследников. Но, Господи, сможет ли? Ведь он никогда не умел жить наполовину и любить наполовину. Паулюс в одном был прав — он создавал вокруг себя идеальный мир и требовал соответствия. В то время как жизнь никогда не была идеальной.

Серж почти беспомощно посмотрел на дверь. Пойти к ней. Сознаться во всем. И пусть она решит... Ведь он любил ее... И его любви, возможно, хватит, чтобы сделать ее счастливой и заставить улыбаться ему так, будто и она любит его.

Он решительно направился к двери, когда та распахнулась, и на пороге возник брат Паулюс.

— Твоя герцогиня велела передать тебе письмо, — протянул он свиток Сержу.

Маркиз-трубадур почти в отчаянии посмотрел на протянутую бумагу.

— Ты читал? — глухо спросил он.

— Читал, — кивнул брат Паулюс. — Тебе пересказать или сам прочтешь?

Серж вырвал свиток из его рук. Дрожащими пальцами развернул бумагу, и взгляд его упал на первые строки.

«Я взяла на себя смелость писать к вам.

Я отпускаю вас. Теперь вы можете найти себе иную даму, которой, уверена, будут нравиться ваши канцоны. Простите, что не сумела оценить их по достоинству...».

Оторвал глаза от письма, посмотрел в окно, за которым по-прежнему кружил снег. Судорожно плотнул, чувствуя холод, закрадывающийся в душу. Посмотрел на Паулюса. Ничего не сказал, вернулся к чтению.

«... Отныне я не нуждаюсь в ваших услугах. Венчание не состоится. Сегодня я уезжаю в Жуайез, а завтра отправлюсь в аббатство Фонтевро. К тому вынуждают меня обстоятельства. Еще недавно меня страшил монастырь, но теперь я знаю, что это единственно верный выход.

Прощайте и будьте счастливы.

Я не смею просить вас помнить обо мне. Но если иногда вы назовете мое имя, я буду знать, что жизнь моя проходит не зря».

Последние строки перечитал дважды. Теперь дрожали не только пальцы — дрожало сердце.

— Когда она это принесла тебе? — сорвавшимся голосом спросил он Паулюса, наблюдавшего за ним.

— Вскоре после тебя явилась. Пока я прочитал, пока дошел, — он помолчал в раздумье. Обвел взглядом комнату. По столу были разбросаны свитки. Часть из них догорала в очаге. Монах хмыкнул. — И что собираешься делать?

— Жениться. Нынче же. Готовь свою праздничную сутану! — выдохнул Серж и, мимоходом похлопав друга по плечу, помчался на половину герцогини, толком не понимая, что и как он скажет, но зная совершенно точно — любим!

Катрин собиралась к отъезду. Равнодушно смотрела на двух служанок, которые суетились, укладывая вещи в сундуки. Иногда они спрашивали ее о чем-то. Но герцогиня не отвечала. Она их не слышала. В голове ее было пусто. Она больше не мечтала. Она гнала от себя воспоминания. Она больше не жаловалась. Она смирилась.

Дверь распахнулась без стука, и на пороге выросла фигура Сержа Скриба. Не отрывая ищущего взгляда от герцогини, он зычно гаркнул служанкам:

— Вон пошли все!

Герцогиня де Жуайез все также равнодушно посмотрела на ворвавшегося в покои мужчину. Он вел себя бесцеремонно, отдавая приказы. Словно имел право распоряжаться здесь. Но спорить с ним не стала. К чему? Через несколько дней все это не будет иметь никакого значения.

Катрин слабо кивнула девушкам, чтобы те вышли, и отвернулась к окну.

Когда они остались одни, ему показалось, что сквозь тишину он слышит стук собственного сердца. Оно было наполнено болью и мучительной нежностью, которой трубадуру никогда не обратить в слова — это чувство было непостижимо. Ее равнодушный, почти болезненный вид терзал его сильнее, чем любые ее высокомерные слова. И вина — его крепко взяла в тиски. Серж отчаянно хотел взять Катрин за плечи и встряхнуть, а после прижать к себе, даже если она не станет противиться. Но большего, чем сделать единственный шаг, он так и не посмел.

— Это правда — то, что вы написали? — спросил он и ужаснулся тому, как грозно прозвучал его голос.

Она перевела на него отрешенный взгляд. Долго молчала, не сразу поняв, о чем он толковал. Ах, да! Письмо. Паулюс уже передал его. Так вот почему он здесь.

Катрин слабо пожала плечами и тихо, бесстрастно ответила:

— Правда.

— Вы любите меня, — это был не вопрос, он утверждал это по праву, данному ему прощальным ее посланием. — Вы любите меня, хоть и не произнесли этого слова ни разу.

— Слова... как много значения вы придаете словам, — слабое подобие улыбки коснулось ее губ. — Я люблю вас, — произнесла она и прислушалась к звуку собственного голоса. Чужого и безжизненного.

— Я поэт. Поэтам это свойственно, — в два шага он был возле нее и склонил перед нею колени, так и не осмеливаясь взять за руку. — Будьте моей женой, мадам.

— Вы сошли с ума, Серж, — она прикрыла глаза и чуть качнула головой.

— Давно. Едва увидел вас. Будьте моей женой.

— Серж, это невозможно. И вы об этом знаете.

— Все возможно, если вы этого хотите, — прошептал он горячо, пытаясь заглянуть в ее печальные изумрудные глаза, — я не прошу вас стать супругой трубадура. Я прошу вас стать женой маркиза де Конфьяна, пребывавшего многие годы в опале у своего рода, воспитанного герцогом де Жуайезом, но теперь вернувшего свое имя. Будьте моей женой, Катрин.

Она замерла на несколько мгновений. Стало тихо. Его слова оказались тяжелым камнем, глыбой неподъемной, и он сам это чувствовал, глядя на нее. И все же надеялся.

— Вы... обманывали меня? — наконец, недоуменно спросила она, вскинув брови, едва

смогла говорить. И медленно осознавала правду. Хотя лучше бы ей не знать. — Все это время вы смеялись надо мной? Вы забавлялись?

— Нет, я не...

Но Катрин не слышала его и не давала ответить, отчаянно стараясь не заплакать, надеясь, что голос дрожит не слишком заметно.

— Вы заставили меня забыть о чести, потребовали отказаться от всех приличий, сообразных моему положению, и вынудили принять любовь, недостойную меня, — она перевела дыхание. Нужно взять себя в руки. Больше не может быть места слабости. Бессилие, обида, разочарование, которые она испытала в первое мгновение, превращались в гнев. — А теперь вы как милость даруете свой титул и выступаете в роли благодетеля, во власти которого не позволить мне пасть в глазах людей, чье мнение перестало меня интересовать? Уходите, мессир! — оттолкнула она Сержа. — Я не желаю вас больше видеть. Никогда. Отныне день, когда я узнала вас, я буду считать самым ужасным днем в моей жизни. Если бы возможно было вычеркнуть его навсегда... и забыть вас... не знать вовсе... Я ненавижу вас, — зло произнесла она.

— Я не дарую вам титула, — в замешательстве медленно произнес он. — Я дарую вам свою любовь, как вы одарили меня своей! Я хотел лишь знать, готовы ли вы принять меня тем, кто я есть, но не тем, кем меня делает мое происхождение. Я обманул вас, да, и я раскаиваюсь в том, что доставил вам страдания. Но не гоните меня. Иначе мы оба будем расплачиваться за это.

— Не вам указывать, за какие грехи мне придется расплачиваться, — сказала герцогиня презрительно. — В погоне за своей нелепой мечтой вы не просто измучили меня. Вы уничтожили меня. Но тем легче мне будет в будущем. Ступайте, маркиз. Вы опоздали со своими признаниями.

Смертельно бледный, маркиз де Конфьян медленно поднялся с колен и проговорил, едва сдерживая гнев, рвущийся из голоса, овладевающий им все сильнее:

— Вы не меня — страдание свое любили. Запретность чувств. Что ж, такой красоте не стоит хоронить себя в монастыре. Вы верно все сказали — вам будет легче в будущем. Идите лучше замуж. За короля. Короне нужны лицемеры.

Катрин смотрела ему прямо в лицо. Холодно и надменно, не желая замечать его закипающего гнева.

— А вы любили свое шутовство. Которое было злым и жестоким. Вы изводили меня своими признаниями, не отвечать на которые с каждым разом мне становилось все труднее. И смели обвинять меня в неподобающем поведении. Вы называете меня лицемеркой, достойной короны. И ни разу не поинтересовались, почему я приняла предложение короля. Когда вы все могли разрешить в одночасье, сказав правду.

— Прекрасно! Мы стоим друг друга! Лицемерка и шут! Вы гоните меня, Катрин? Это ваше последнее слово?

Герцогиня Катрин по-прежнему смотрела ему прямо в глаза. Как же больно. Больно, когда вынимают сердце. А он глядел на нее, ожидая хоть слова, но она молчала. Умеет ли она плакать? Знает ли она, что такое слезы?

— Завтра на рассвете я уезжаю, — сказал маркиз, — если вы простили, едемте вместе. Если нет...

Герцогиня не ответила. И Серж продолжал глядеть на нее так, будто с каждой секундой ее молчания его покидает жизнь. Наконец, он устало коснулся ладонью лба,

неопределенным жестом махнул рукой и вышел из ее покоев.

Она не заплакала. Она не слышала, как за маркизом де Конфьяном закрылась дверь. У нее не было больше сил. Холодно. В глазах потемнело, и Катрин, соскользнув со стула, упала в обморок.

2015 год, Бретињи-Сюр-Орж

Мари не помнила, как они оказались в ее машине. Помнила только напряжение и взволнованность, охватившие ее, когда она повернулась к Мишелю, чтобы... чтобы что? Наткнулась взглядом на его губы. И все вылетело из головы, кроме его голоса там, в кинотеатре: «Можно я снова тебя поцелую?» Никто никогда не просил об этом. Кто вообще о таком просит?

Мари судорожно вздохнула. И началось безумство — общее, на двоих. Будто бы он ждал этого вздоха как знака. Губы, глаза, шея. Его? Ее? На улице было холодно. В машине было тепло. Тепло от их дыхания. Тепло их пальцев. Тепло и нежность. Контраст с их собственным пожаром.

Сплестись бы этак в веках, замереть в безвременье. Губы. Глаза. Шея. Руки. Вот же руки.

Она забиралась пальцами к нему под куртку. Царапала ткань рубашки. Мишель гладил ее лицо, шею, пропуская локоны ее волос сквозь пальцы, сталкивал ткань пальто с плеч. Она прекрасно понимала, чем это все имеет шансы закончиться. Но ей стало все равно. И вместе с тем она отдавала себе отчет, что ничего на свете не имеет более никакого значения, кроме единственного — она хочет остаться с ним. Разве так бывает? Разве бывает до исступления? Если бы Мари спросила об этом вслух, то услышала несомненное «Да» в ответ. Только так и бывает, когда хочешь остаться с ней!

Нос. Шея. Грудь. Плечи. Какое немыслимое чудо — эти плечи. Его? Ее?

Звук. Движение. Вдох. Выдох. Волосы, которые он откидывал с ее лица всякий раз, когда они мешали им. Его упавшая на лицо челка. Глаза. Глаза. Губы, подобно молитве, исступленно шептавшие то ли признание, то ли клятву. Ей хотелось смеяться.

Позднее она слушала то, что шептали ей его сердце и его дыхание. И знала, что он слушает, что шепчут ему ее сердце и ее дыхание. Впереди было время. Вечер. Ночь. Многие часы до рассвета.

Они так и сидели в машине под зданием кинотеатра. Только теперь она перегнулась через сиденье, чтобы оказаться в его объятиях. Чтобы чувствовать тепло его рук и его дыхания. Чтобы понимать, что нашла, наконец-то нашла то, что искала всю жизнь. Стоило лишь отпустить себя и поверить.

— Как тихо, — бормотала Мари. — Как хорошо, когда тихо... Правда же хорошо?

— Хорошо, — соглашался Мишель. Рядом с ней было хорошо. Хотелось большего, и в то же время нравилось, что большего не будет. Жар обладания становился теплом нежности. Сидеть обнявшись, касаться губами ее волос, чувствовать ее запах, ее руки, ее тепло — об этом он мечтал, глядя на витраж в восточной башне своего замка.

И чувствуя, как кровь все сильнее пульсирует в венах, Мишель тяжело выдохнул и сказал слишком громко в тишине машины:

— Очень хорошо!

За окном снова шел снег, заметный в свете фонаря во дворе кинотеатра. Мари долго смотрела на кружащиеся снежинки и тихо говорила:

— Я придумала, что теперь буду делать. Попробую заняться реставрациями... Мне еще только двадцать, могу научиться, время есть... Это... как если бы я расписала стены в твоём

замке точно так, как они были расписаны когда-то задолго до тебя...

— Некоторые стены в моем замке уже расписаны, — Мишель улыбнулся. — Но, если бы ты захотела, могла бы расписать заново.

Он наблюдал за Мари в отражении стекла. Она была печальна, глядела куда-то, куда ему не хотелось бы, чтобы она глядела. На снег. Зима. Зимой не может быть плохо. Не должно.

— А еще у меня есть множество шпалер, — продолжил он весело. — Некоторые отец привез из походов. Некоторые... не имею ни малейшего понятия, откуда они взялись. Было бы чудесно, если бы ты нашла им применение. Мари, — позвал он тихонько, — не грусти.

— Что на этих шпалерах? — спросила она, повернув голову к нему и попытавшись улыбнуться. — Сюжеты о рыцарях и прекрасных дамах?

— Рыцари, прекрасные дамы, турниры. Отцу всегда нравилось что-нибудь героическое или религиозное. Он построил часовню, пригласил монаха, но почти никогда там не бывал, — Мишель задумался, отчетливо понимая, что принадлежит другому миру. Миру, где находится его дом, где у него есть обязанности.

Безошибочно чувствуя настроение и мысли короля, Мари коснулась его волос. И ему стало бесконечно тепло от ее руки. И по-домашнему уютно. А она снова спрашивала себя, почему так чувствует его. Проще было принять как данность. Как и то, что он явился к ней из двенадцатого века.

— А тебе? Тебе понравилось что-нибудь в моей жизни? Должно быть, мы разучились воспринимать красоту за эти восемь веков.

— В твоей жизни мне понравилась ты, — он улыбнулся. — Мари...

Он был влюблен. Он терял голову. Он желал только одного: быть вместе с ней всегда. Именно это он попросил бы у ожерелья.

Ожерелье! Быть может, сказать ей правду? Просить отправиться с ним? В чужой мир, который совсем не похож на тот, в котором она живет. Даже если она согласится, не станет ли это жертвой с ее стороны. Решением, принятым в спешке.

— Кажется, я проголодался, — медленно произнес он, взял ее руку в свою и прикоснулся к ее ладони губами.

— Мужчины в веках не меняются! — хмыкнула Мари. — Как ты относишься к итальянской кухне?

Мишель громко рассмеялся.

— Наша кухарка, старая Барбара, не позволила бы ни одному итальянцу приблизиться к кухне и нашему столу.

— Я так и думала, — закусив губу, ответила она, — но пицца тебе, вроде, понравилась. Это внушает надежду.

1185 год, Фенелла

Брат Паулюс в приподнятом настроении возвращался от Скриба обратно к себе, напевая веселую песенку, которую недавно слышал в харчевне, когда ходил в город. Вдруг он резко остановился и хлопнул себя по лбу:

— Праздничная сутана!

Лиз необходимо во что-то переодеть. Опять. Паулюс, недолго думая, развернулся на сто восемьдесят градусов и отправился на женскую половину. Старая Барбара в этот час должна быть на кухне. Он незамеченным пробрался в комнату кухарки и плотно прикрыл за собой дверь. Открыв сундук, начал перебирать одежду. Выбрав ярко-синий котт, который никогда до этого не видел у старухи, и бледно-голубое покрывало, схватил первый попавшийся обруч, завязал все добытые пожитки в платок и выглянул в коридор. Ему снова повезло, он никого не встретил и благополучно добрался до своих покоев.

Решительным шагом Паулюс зашел в комнату и с порога заявил:

— Раздевайся, сестра моя!

Лиз, завершившая, в конце концов, без приключений свою трапезу, уставилась на монаха и подумала, что все же приключения, похоже, снова нашли ее задницу.

— Ты что, сдурел? — спросила она. — Я тебя второй день знаю!

— А сколько ты должна меня знать, чтобы переодеться? — спросил Паулюс и бросил к ногам Лиз сверток с одеждой. — Мне нужна моя праздничная сутана, чтобы совершить обряд венчания.

Лиз покраснела до самых корней светлых волос. И знала, что выглядит примерно, как вареный рак с пергидрольной шевелюрой. О том, есть ли шевелюра у рака, задумываться не стала.

— Ок, — буркнула она, потянувшись к узлу на поясе, — но, во-первых, отвернись, а во-вторых, прекрати называть меня сестрой. Бесит.

— Бесов изгоним! — уверенно проговорил брат Паулюс, сел к столу, доел хлеб, налил себе кружку молока и, задумчиво почесывая затылок, забормотал: — Наших двух... полудурков я, конечно, обвенчаю. Но это может не понравиться королю Мишелю. А если он объявит войну, а сестр... Лиз? — поднял он глаза на девушку.

Лиз безуспешно боролась с узлом на поясе. Какого черта она так туго его завязала? Но при последних словах монаха была вынуждена отвлечься и посмотреть на него.

— Я полагаю, что при всей сложившейся на данный момент ситуации, твой долг обвенчать их, а остальное — не нашего ума дело. И потом... я не помню из истории ничего о войне Трезмона и... чего там еще?

О том, что про Трезмон она впервые услышала только накануне, Лиз упоминать не стала.

— И Конфьяна, — Паулюс подошел к Лиз, дернул узел на поясе. Тот совсем не поддавался. Тогда он наклонился и вцепился в него зубами.

Сперва Лиз совершенно невменяемым взглядом уставилась на святого брата. Потом подпрыгнула от грохота двери — кто-то снова вламывался. Уныло посмотрела на сундук и скорее утвердительно, чем вопрошающе, произнесла:

— А больше спрятаться у тебя и некуда. Скучно живешь!

— Так предписывает устав ордена, — назидательно сказал святой брат и помог ей забраться в сундук.

— А целоваться с первой попавшейся девушкой тебе тоже устав ордена велит? — хихикнув, спросила Лиз, устраиваясь поудобнее. Монах открыл рот, чтобы что-то ответить, но дверь снова загрохотала, едва не слетев с петель. Паулюс от неожиданности выронил крышку, и та громко ухнула следом.

На пороге возник маркиз де Конфьян, не желавший более ждать, что кто-то ему откроет.

— Да какого ж дьявола! — в сердцах выкрикнул Паулюс. — Что ты здесь забыл, Скриб? Тебе, вроде бы, положено находиться сейчас совсем в другом месте.

— Не богохульствуй! — надломленным, не своим голосом ответил Серж и подошел прямо к сундуку, в котором пряталась Лиз. — У тебя что-нибудь еще осталось, чтобы промочить горло?

— С каких это пор ты стал рьяным поборником святости? — Паулюс отодвинул Сержа. — Садись за стол, есть у меня немного вина из виноградников Пуату. Тебе сейчас в самый раз будет.

Он открыл сундук, сделал Лиз «страшные глаза», поискал под ней рукой, чуть дольше, чем было надо, и выудил на свет божий очередной бочонок. Который и поставил на стол перед самым носом Скриба.

— Что опять? — уныло спросил Паулюс.

— Она не смогла простить мне обмана. Да и разве такое прощают, Паулюс? О, как я измучил ее! Лучше бы мне никогда ее не встречать...

Святой брат пододвинул Скрибу полную кружку. Сам же подпер голову рукой и устало пробормотал:

— Судя по твоему рассказу, твоя герцогиня тоже не прыгает от радости, что встретилась с тобой. И что теперь?

— Ничего. Я уезжаю завтра на рассвете. Как и намечалось. Надежды у меня нет, — он равнодушно посмотрел на кружку. — Паулюс, ты ничего не слыхал о том, чтобы где-нибудь собирали войско для похода за гробом Господним?

«Так я тебе и сказал», — сердито подумал монах.

— Нет, не слыхал. Зачем тебе? А как же Конфьян?

— Я хотел бросить его к ее ногам. К чему мне теперь этот титул? Я никогда не стремился ни к богатству, ни к почестям, но лишь к свободе. Свобода без нее мне не нужна тоже.

— А я не единожды говорил тебе, раньше надо было, — ворчал Паулюс. — Думал, на свадьбе погуляю. Хоть на какой-нибудь...

— Может быть, еще и погуляешь. Король вернется, и как знать... — Серж поднял глаза на друга и быстро заговорил: — Прошу тебя! Найди причину, чтобы удержать ее до приезда де Наве! Если она выберет монастырь, то там зачахнет, погубит себя, похоронит заживо!

Брат Паулюс удивленно воззрился на Скриба.

— Тебе-то теперь какая разница? Ты ж в поход собрался. А герцогине твоей монастырь, выходит, на роду написан, — почесал он затылок.

Серж с минуту молчал, глядя в окно. А потом обернулся к Паулюсу и прошептал:

— Клянусь тебе... я не знаю, что делать. Я никогда не был так раздавлен, как теперь, — встал из-за стола. Посмотрел на так и не выпитую кружку вина. И добавил: — Если до завтра

она не передумает, то...

Махнул рукой и покинул комнату.

Паулюс быстро встал со стула, подошел к сундуку, открыл его и протянул руку Лиз.

— Выходи! Скриб наконец-то ушел.

Лиз блаженно разогнулась, посмотрела на закрытую дверь и спросила:

— Я так понимаю, что сутану мне уже не снимать?

— Я тебе вообще-то женское платье принес, — обиженно сказал Паулюс.

— Хорошо, хорошо, надену, — отмахнулась Лиз.

Неожиданно в дверь снова постучали. Но уже тихо, почти вкрадчиво. Лиз тяжело вздохнула и, снова согнувшись в три погибели, произнесла:

— Хорошо хоть совсем выбраться не успела.

— Да что же это такое происходит сегодня целый день! — почти рычал брат Паулюс, накрывая крышкой сундук — в который раз! — и снова бредя открывать дверь.

В этот раз на пороге появилось новое лицо — старуха Барбара.

«За коттом!» — мелькнула в голове монаха мрачная мысль. В замке ходили легенды о Барбаре и ее тяжелой ладони, используемой в особенных случаях особым способом.

Но сейчас обе ладони были заняты. В одной руке она держала чашу с медовым напитком, источавшим божественный запах разнотравья, а другой вытирала от слез глаза кончиком покрывала.

— Брат Паулюс, родненький, что ж это делается в мире! — запричитала она, вваливаясь в комнату монаха и заполняя собой большую ее часть. — Бедная моя голова! Бедная, бедная старая Барбара!

Поставила чашу на стол, всхлипнула и картинно закрыла лицо руками. Плечи ее судорожно тряслись, но один глаз поглядывал на Паулюса сквозь пальцы.

— У тебя осталось еще то прекрасное вино из Шабли? Помнится, оно лучше всего могло унять боль в моем несчастном сердце.

Все мудрые люди в замке дружили с Барбарой. И брат Паулюс с ней дружил. Поэтому у него всегда бывало самое свежее молоко, еще горячий хлеб, мед с лучших пасек. А к нему она заглядывала, чтобы унять боль в своем несчастном сердце, которое было у нее очень большое. Но, вправду, очень доброе.

— Нет, Барбара. Шабли не осталось. Мы вчера со Скрибом славно посидели. Но у меня есть прекрасное вино из Пуату. Попробуй! — он пододвинул к ней нетронутую Сержем кружку. — От чего сегодня болит твое сердце, Барбара? — спросил монах участливо.

Старуха отняла ладони от лица, внимательно посмотрела на кружку и горько вздохнула.

Мед она несла Ее Светлости, как делала это всю неделю, что герцогиня невестой прожила в Трезмонском замке. Герцогине де Жуайез нравился этот рецепт, доставшийся Барбаре еще от ее покойной бабушки. И это не могло не тешить тщеславие славной кухарки. Когда она подходила к покоям Ее Светлости, сразу смекнула — что-то не так. Не было слышно смеха и разговоров служанок. Не было ставшей привычной уже игры на дульцимере и сладкого голоса трубадура. О последнем Барбара мечтательно вздохнула... Эх, в былые годы он бы от нее никуда не делся... Да что поделать?

Барбара постучала, но никто не ответил ей. Коли б она знала, что там найдет, в этой комнате, неслась бы прочь, подальше, лишь бы не попадаться на глаза Ее Светлости. Но незнание и природное любопытство заставили Барбару отворить дверь самостоятельно. На полу комнаты возле окна лежала сама герцогиня.

— Пресвятая дева Мария! — вскрикнула почтенная кухарка и бросилась к своей будущей госпоже. Та не приходила в себя. Тогда Барбара чуть прыснула ей в лицо медовым напитком. «Ничего, вкуснее пахнуть будешь, красавица», — подумалось ей.

Катрин почувствовала брызги на своем лице. Потом появился запах. Меда? Да, меда. А потом резко вздрогнула. Она лежала на полу и ужасно замерзла. Открыла глаза, увидела перед собой доброе озабоченное лицо кухарки Барбары. Осмотрелась по сторонам и попыталась встать.

— Ваша Светлость... Ваша Светлость, — причитала кухарка, — что же вы! Я вам медку принесла... а вы тут...

— Помоги мне. Голова кружится, — бормотала Катрин.

Барбара отставила чашу в сторону, помогла герцогине подняться и дойти до кровати, про себя отмечая, что придется готовить побольше да послаще, чтобы откормить будущую королеву — уж больно тощая. Но если это было поправимо, то землянистый цвет лица настораживал.

— Ваша Светлость, коли на то ваша воля, так я велю послать за месье Андреасом на дальние луга. Он туда к семейству Кюло ушел, негодник. Они ему травки продают. У вас болит что?

— Ничего у меня не болит. Не надо лекаря, Барбара. Я полежу немного, и все пройдет.

— Да как же пройдет, коли вы зеленая вся! — рявкнула старуха. — Это все оттого, что мало кушаете, сил и нету. Ой, что ж я сижу-то!

Барбара кинулась к столику, на котором осталась чаша с напитком. Поднесла ее к губам герцогини и, как ребенку, сказала:

— Вот, пейте. И никаких отговорок!

Катрин потянулась к чаше и вдруг почувствовала, как от резкого запаха к горлу подкатывает тошнота. Она с ужасом посмотрела на Барбару и оттолкнула ее руку.

— Забери это! — прошептала она.

— Да что ж такое-то! — воскликнула кухарка да так и замерла с открытым ртом. И правда, что ж она, не видала такого на своем-то веку?

Барбара принялась к меду — чудесно пахнет, замечательно! Перевела взгляд на герцогиню и медленно проговорила:

— Ваша Светлость... вы уж за дерзость не сочитите... но что у вас там по этим... бабским делам-то? Давно было?

— Пошла вон! — с расстановкой сказала герцогиня де Жуайез и откинулась на подушки.

Барбара поднялась, с растерянным видом осмотрела фигурку будущей королевы. Посчитала — герцог, почитай, пятый месяц как помер, стало быть... Старуха разулыбалась и проговорила:

— Вот радость-то будет королю Мишелю!

Катрин хмуро посмотрела на нее и строго сказала:

— Не будет королю Мишелю радости. Никому не будет. И не вздумай проболтаться. Прокляну!

Барбара в ужасе глянула на герцогиню и перекрестилась. Рыжая! Да еще глаза зеленые! Даже если не ведьма, а проклясть, даже случайно, может крепко.

— Никому, никому никогда не скажу, — испуганно заголосила старуха, чувствуя, что вот-вот расплчется. — Не погубите, Ваша Светлость!

И вместе с чашей бросилась к брату Паулюсу.

Теперь же, стоя посреди комнаты святого брата, Барбара вздрогнула, отгоняя от себя воспоминания, и снова посмотрела на кружку с вином.

— Да что-то герцогиня захворала. Сердце за нее болит. Такая молодая, да такая хвора. Не иначе оттого, что тощая.

— Да, слишком тощая, — согласился Паулюс, приятно вспомнив Лиз, у которой все было на месте и совсем не тощее. — А Андреас наш опять где-то запропастился? И как же без лекаря? Что с герцогиней-то? — спросил он Барбару и сунул кружку с вином ей в руки.

Та смутилась и ответила:

— Ой, да я толком-то и не знаю ничего. Говорят, сделалась ей дурнота, нашли без чувств, — тоскливо оглянулась на кружку с вином. — Вот что, брат Паулюс, пожалуй, мне полегче уже. Пойду я на кухню. Ужин готовить еще... Герцогине нужно хорошо кушать.

— Ступай с богом, Барбара, — проводил Паулюс старуху. И уже привычно метнулся к сундуку.

Откинул крышку, вытащил оттуда Лиз и усадил ее на кресло.

— Слышала? — спросил он ее почему-то шепотом.

— Угу, — отозвалась Лиз. — Попробуй тут не услышать, когда у старухи этакий голосина.

Она задумчиво взглянула на монаха и мечтательно сказала:

— Вот ведь... любовь...

— Любовь... И что мы с их любовью делать будем? — он с надеждой посмотрел на Лиз.

Девушка неожиданно резко почувствовала, как внутри разливается что-то горячее и одновременно нежное.

— Нужно найти Скриба и ему рассказать! — заявила она и порывисто поцеловала монаха, обнимая его за шею.

Паулюс ошалело притянул за пояс Лиз к себе поближе, крепко обнял и, не позволив ей отстраниться, теперь уже сам поцеловал ее. А отпустив, радостно выпалил:

— Как же замечательно, что ты не привидение, сестра моя!

Вскочил со стула и на ходу бросил:

— Не вздумай исчезнуть! Я скоро!

Не вздумай исчезнуть... Лиз тяжело вздохнула. Будто она собиралась исчезать из 2015 года. Кто-нибудь ее спрашивал? Но еще никогда в жизни обстоятельства не оказывались сильнее Вивьен Лиз де Савинье!

2015, Бретињи-Сюр-Орж

Restaurant Del Arte в Бретињи-Сюр-Орж располагался практически у самой дороги и с стороны мог бы показаться придорожным кафе. Но у него были явные преимущества — там действительно была хорошая кухня, приличный интерьер, довольно неблизкое расстояние до железной дороги, что все-таки делало его почти тихим местом. А соседство с озером Каруж, на котором еще этим утром Мари писала эскиз, добавляло ему бонусов.

Они сели в углу зала, не выпуская ладоней друг друга. Мари смотрела, как за окном светят фары пролетающих мимо машин, и думала, как быстро вечер вступил в свои права. Стрелка часов неумолимо двигалась вперед, а ей отчаянно хотелось вскочить со своего стула и остановить часы.

— Я бы посоветовала тебе что-нибудь, — сказала она Мишелю, — но можешь рискнуть сделать заказ сам.

Он взял в руки меню. Курица, говядина, пицца — вчерашний блин с сыром... Поднял на Мари удивленные глаза:

— А что такое «креветки»?

— Ты раков ел когда-нибудь? — заговорщицки подмигнула она.

— Я здоров, зачем мне их есть? — еще более удивляясь, спросил Мишель.

— Потому что это вкусно! Попробуй.

— Может, не надо? — с опаской уточнил Его Величество. — Наш придворный лекарь дает фаршированных раков с сахаром только тяжело больным.

Мари удивленно моргнула. Чувствуя, что вот-вот рассмеется, она быстро перегнулась через стол и коротко поцеловала его.

— С сахаром? Точно? — тихо спросила она.

— Точно с сахаром, — не понимая, что так смешит ее, ответил он. Но от ее улыбки и самому становилось теплее.

— А козий сыр ты любишь?

— Люблю. Наша Барбара делает его неплохо. Но я иногда посылаю за сырами в соседний замок, в Жуайез. Тамошняя кухарка из Фрибура. Она делает восхитительные сыры, козьи тоже. Невозможно остановиться. Лучшие в округе. Барбара ужасно обижается на меня за это, — засмеялся Мишель, вспомнив надутый вид своей кухарки.

Мари замерла с открытым ртом и внимательно вглядывалась в его черты. Каждое слово — целая история. История, наполненная событиями, звучавшими так обыденно, так... привычно? Будто она сама была их частью. Могла бы быть, родись на восемь столетий раньше...

— Тогда закажи лазанью, — дрогнувшим голосом ответила Мари и уткнулась в меню, — ее здесь подают с козьим сыром и шпинатом. Вино Торчикода Саленто. Подойдет. Я буду то же.

Лазанья оказалась интересной на вкус. Что-то напоминала, что именно Мишель так и не вспомнил, и с большим аппетитом ее съел. Вино было неплохим, но вина, которые присылали ему из разных монастырей, были гораздо вкуснее. Или привычнее?

— Мари, а ты могла бы покинуть свой мир? — неожиданно даже для себя самого спросил он вдруг.

Она отчего-то сразу поняла, о чем он говорит. Никого и никогда в своей жизни она не понимала так, как его.

— А это... возможно?

— Возможно. Ты смогла бы?

Мари медленно обвела взглядом зал ресторана, внимательно вглядываясь в лица людей. Чей-то смех, негромкая музыка, полумрак. У нее здесь совсем никого нет. Совсем. Никого. Ничего не держит.

— Я не знаю, — прошептала она. — Наверное.

Мишель бросил на девушку быстрый взгляд. По-прежнему не решаясь рассказать ей все.

— Пойдем, погуляем?

Она кивнула. Попросила счет и спешно расплатилась.

Они вышли в морозную ноябрьскую ночь, толком не понимая, что делать дальше и куда идти. Мари втянула носом воздух и приподняла воротник своего пальто. Оно оказалось все-таки слишком тонким для этого резкого начала зимы в конце ноября. Снег падал под ноги мелкой крошкой. Она смотрела, куда ведет протоптанная тропинка, и улыбнулась — к озеру. Здесь все и всегда ходят к озеру.

Мари взяла Мишеля за руку и направилась к тому самому месту, где только утром стоял ее мольберт. Там было темно и тихо. Подошла к самой кромке воды и потрогала носком ботинка лед, покрывавший ее поверхность. Лед был тонкий, почти дышал.

— Есть хоть небольшая надежда, что все закончится хорошо? — спросила она звонким, не своим голосом.

Он встал у нее за спиной, притянул к себе, крепко обняв, и зашептал, иногда касаясь губами ее ушка:

— Есть! Твое ожерелье... оно волшебное. Оно может исполнить желание своего владельца. Единственное желание.

Он перевел дыхание.

— Но, Мари, я не хочу, чтобы ты решала сразу. Потому что потом изменить ничего будет нельзя. Все, что случится, будет навеки.

— Моя змея? — тихо спросила Мари. — Ты за ней пришел?

— И да, и нет... Это ожерелье... оно принадлежало моей семье. Оно всегда, на протяжении многих веков охраняло нас всех. Но однажды исчезло, было украдено. И с тех пор мой род стали преследовать несчастья...

Мишель замолчал, глядя на озеро, освещаемое уже начавшей стареть луной. Она светила еще ярко, и свет ее, отражаясь от тонкого льда, искрился и превращал окружающий мир в сказку. Его Величество еще крепче прижал к себе Мари.

— Ты снилась мне... Год назад... Иногда я вижу такие сны, как знамения... Тебя я видел и тебя искал... А потом, когда представился случай...

— И за этим ты здесь... — Мари устало закрыла глаза. Она не хотела видеть ни луны, ни снега, ни льда, покрывшего озеро. Она хотела чувствовать только его объятия. — Значит, оно никогда не было моим. А я-то размечталась, что когда-нибудь оно поможет мне найти настоящих родителей.

— Оно сейчас твое. И оно может исполнить любое твое желание, — Мишель прижался губами к ее виску.

— Что нужно делать?

— Просто попросить. Загадать желание. В Змеиный день.

Мари обернулась к нему, и губы их почти соприкоснулись.

— Когда этот день?

— Завтра, — произнес шепотом Мишель, едва коснувшись ее губ.

— То есть... мне нужно все решить сейчас? Ты считаешь, что я должна оставить все здесь ради тебя?

— Нет, — сказал Мишель так, словно повелевал у себя в замке. — Я вовсе не хочу, чтобы ты делала что-либо ради меня. Ты можешь попросить что угодно. Ради себя.

— Благодарно, — коротко усмехнувшись, ответила Мари и отстранилась, не отрывая от него внимательного взгляда. — Значит, ты исчезнешь на рассвете, и у меня только завтрашний день, чтобы решить, чего я хочу? Ты пришел за ожерельем, но оставляешь его мне, чтобы я могла... решить? Почему?

— Потому что я люблю вас, Ваше Высочество, — сказал он, опустившись на одно колено.

Сердце подпрыгнуло и застучало где-то в горле. Откуда-то из ветвей раскидистой ивы вылетела черная ворона. Мари вздрогнула, но ничего не сказала. Немыслимо, нельзя говорить, отвечать... на это... теперь. Но он... ждал? Он ждал, что она заговорит.

— Мы оба сошли с ума, понимаешь ты это? — ровно спросила Мари.

— Понимаю. Но я счастлив этим сумасшествием.

— И что мне с тобой делать? — вздохнула она, посмотрев в небо. Что ей делать с собой? Коротко обняла его за шею и, склонившись, прошептала на ухо: — Вставай... поехали?

Мишель легко поднялся, взял ее руку в свою и, улыбнувшись, притянул к себе.

— Поехали. У нас есть еще несколько часов.

1185 год, Фенелла

Последние свитки были подхвачены языками пламени и постепенно сожжены ими. Радостный огонь, потрескивая, так и норовил пустить искру из очага. Маркиз де Конфьян стоял у окна, глядя на закат. Сама природа объята кострищем с запада. Она вот-вот догорит, превратившись в черный и седой пепел ночи. И этот снег — его клочья. И его жизнь — погаснувшая искра, вылетевшая из камина, но так и не разгоревшаяся.

Серж медленно подошел к столу. Там оставался один-единственный свиток — его последняя канцона. Другой не будет. Ему больше не для кого их писать. Перечитал длинные неровные строки и усмехнулся. Она просила канцоны повеселее. Что ж, и эту тоже — в огонь. Слишком много в ней было надежды. В Серже ее не осталось вовсе. Он сам все уничтожил.

Направился к камину и протянул руку к пламени, ожидая, как его языки обожгут кожу и отнимут надежду, заключенную в слова.

— Тебе дров мало, что ты вздумал бумагой топить очаг? — услышал он за спиной.

Паулюс вошел без стука, уселся на стул и осмотрелся.

— Чувства на ней горят жарче дров, — равнодушно ответил маркиз. — Что там у тебя опять?

— Да не у меня. У герцогини твоей...

Серж вздрогнул. Его герцогиня...

— Увы, она не моя... — пламя, наконец, лизнуло ладонь. Ничуть не больно. Уж, во всяком случае, не больнее того, что в душе. — Что ты имеешь сказать?

— Старая Барбара приходила. Напуганная какая-то, словно черта увидела. Сказала, что больна герцогиня сильно. Про обморок что-то говорила... А Андреас-то наш все пропадает невесть где который день. Барбара тревожится.

— Кто-нибудь послал за месье Андреасом? — спросил он, отгоняя от себя мысль, что должен немедленно мчаться к Катрин.

— Барбара, наверное, послала, — почесал затылок Паулюс. — Я решил сразу к тебе... Зря, наверное... Ну, я тогда пойду, — монах поднялся.

— Ступай, — бросил Серж, не глядя на него.

Оставшись в одиночестве, он еще долго смотрел на догоравший закат, сжимая в руках единственный оставшийся у него свиток. И чувствуя боль от ожога на ладони. Эта борьба с самим собой была нелепа. Все предрешено заранее. И все-таки боролся. Чтобы сохранить остатки разума.

Когда на землю спустились сумерки, не маркиз де Конфьян — трубадур Серж Скриб шел к окну герцогини. Когда зажглась в небе первая звезда, он стоял у стены замка. Снег сменялся дождем, тут же застывавшим льдом на деревьях, а дождь сменялся снегом, стягивавшим траву сплошным белым покровом, серебрившим его виски, когда душа его безо всякой музыки пела последнюю свою канцону, исполненную надеждой.

Ступай ко мне — луна найдет дорогу,

Тебе ее сияньем осветит.

Любовь моя, я рядом, у порога.

И песнь моя к тебе одной летит.

Душа во мне надеждою томима.
А я страстей огнем теперь объят.
Ах, знала б ты, как мною ты любима.
Я все отдам за твой счастливый взгляд.

Катрин велела не зажигать свечей. Ей невыносим был сегодня свет. Комната слабо освещалась огнем из очага. Она не спала, когда до нее со двора донеслась песня.

Какая жестокая пытка. Слушать его голос. Желать прижаться к его телу, словно вырезанному из слоновой кости, запустить пальцы в его густые темные волосы. Испытывать нежность, разливающуюся по жилам теплотой жизни. И знать, что для трубадура — это лишь возможность придумать новую песенку, а для маркиза — простая забава.

Она прижала руки к своему животу. Поняв сегодня, что носит его ребенка, Катрин растерялась. О, каким желанным было это дитя! Серж Скриб, маркиз де Конфьян, как бы ни назвался, он — единственный мужчина, от которого она хотела иметь детей. Но теперь она была в замешательстве, не зная, как поступить. И запуталась в своих решениях.

Должна ли она уехать в монастырь, как намеревалась сперва? Но что тогда станет с ее малышом? Его отберут монахи, как только он появится на свет. Куда они его увезут? Какую судьбу уготовят? И как расстаться с маленькой частичкой самого дорогого ей человека? Пускай принесшего столько горя, но и подарившего счастье.

Что еще она может? Пойти к маркизу. Сказать, что ошиблась. Просить его, чтобы простил. Чего она боится? Презрения? Нет, вероятнее всего он примет ее. Но она будет чувствовать себя навязанной. И не одной, а с уже живущем в ней ребенком. Однако самым большим страхом было оказаться осуществленной мечтой, которая с каждым днем станет прельщать его все меньше и меньше.

Несчастливая герцогиня разрывалась среди своих мыслей, не способная в одиночку сделать решающий шаг. Даже уехать она так и не смогла. Душа ее, пребывавшая столько месяцев осажденным замком, была сегодня сожжена его признанием. И теперь становилась остывшим пеплом под грустные звуки тягучей мелодии, раздававшейся за окном.

Я жду блаженства — святость поцелуя.
Причастье уст, нашедших свой приют
В твоих устах... Пою им «Аллилуйя!»,
Как никому осанну не поют.
Тебе пою, прекрасная Катрина!
Тебе решить — мне жить иль умирать.
Мне без тебя в любом краю чужбина.
Я у порога вечно буду ждать!

Он глядел в ее окно, в котором была чернота, и молил небо и землю лишь об одном — чтобы она зажгла свечу, которая будет гореть только для него. Но свеча не была зажжена. И в воздухе продолжал лететь белоснежный пепел, от которого он едва не задыхался.

— Ты простишь меня, — шептал он, — ты не можешь меня не простить. Ты не сможешь жить без меня так, как я не смогу без тебя, Катрин.

Медленно, будто больной, он подошел к холодной стене замка, коснулся внутренней стороны ладони губами и прижал ее к камню. А после, бросив последний взгляд на ее окно, в котором она так и не показалась, пошел прочь.

2015 год, Бретињи-Сюр-Орж

В машине было тихо. Только дворники шумели, убирая с лобового стекла снег. Шарк-шарк-шарк-шарк. Они стояли перед железнодорожным переездом, ожидая, когда мимо пролетит поезд.

Мари краем глаз следила за Мишелем. Задумываться над тем, что делает, она по-прежнему себе не позволяла. Просто принимала действительность такой, какой она была, не пытаясь искать во всем здравый смысл. Почему-то это оказалось просто. Просто поверить, что перед ней средневековый король крошечного государства, про которое никто никогда не слышал. Просто принять, что он попал сюда из прошлого и этак запросто подошел к ней. Просто осознать, что влюбилась в него менее чем за сутки настолько, что совершенно не раскаивалась ни в чем, что творила весь этот день. И вся ее прошлая жизнь более не имела ровно никакого значения. Есть только эта минута на железнодорожном переезде. И дворники шарк-шарк-шарк...

Когда в тишину ворвался шум пронесившегося мимо поезда, Мари повернулась к Мишелю и зачем-то сказала:

— Это не дракон. Это... почти карета.

— Удивительная карета, — проговорил Мишель, проводив взглядом поезд и мысленно, по-детски, пересчитав большие телеги, следовавшие сами собой друг за другом.

— Удивительная, — согласилась Мари. — Удивительная... Знаешь, у меня была не очень обыкновенная жизнь. По нашим меркам — сказочная. Но она была чужой, будто выдуманной для кого-то другого. А сейчас... у меня такое чувство, будто...

Она не договорила. Сил договаривать не было.

У Его Величества, напротив, жизнь была более чем обычная. И принцесса, вернее герцогиня, в его жизни тоже была. Пожалуй, после возвращения это станет самой большой проблемой. Хотя решение обязательно придет. Стоит лишь подыскать герцогине де Жуайез подходящего мужа. Мишель хорошо знал, почему соседка согласилась на этот брак. Но и он сам искал в нем лишь выгоды для королевства. Петрунель прав. Любовь меняет все. Возможно, однажды он все же женится. Не теперь, не так скоро после встречи с удивительной принцессой Мари из далекого, недостижимого для Мишеля мира. Но если бы только она решилась и попросила у змеи не расставаться с ним! Если бы она позволила назвать ее королевой. Если бы...

В молчании они доехали до дома. В молчании она открыла ворота и припарковала машину во дворе. Она пыталась выглядеть не слишком жалкой — в конце концов, превращать этот предзимний вечер в поток слез в ее планы не входило. Напротив, она ждала от него чего-то нового и прекрасного. Дождалась. Короля.

Из окна первого этажа мрак ночи перечеркивала полоска света. Это заставило ее прийти в себя. Мари скользнула на крыльцо.

Дверь в дом была открыта. А на пороге их встречал... Маглор Форжерон в черном костюме, при галстуке и с чайником в руках.

— Дядюшка Маг! — взвизгнула Мари и бросилась к нему на шею, едва не опрокинув чайник.

«Дядюшка Маг, — мелькнуло в мыслях Мишеля. Следующая мысль была

ошеломительной: — Мы родственники с Мари?»

Его Величество вышел из машины и, оставшись стоять рядом с ней, наблюдал за трогательной встречей на пороге дома.

Ответ на вопрос, прошибший короля холодным потом, пришел почти незамедлительно. Мари Легран обернулась к нему и смущенно поморгала, толком не понимая, как их представить друг другу. Решила начать с очевидного.

— Мишель, это мой крестный, месье Маглор Форжерон, — замолчала, помялась, а потом, придумав легенду, улыбнулась. — Дядюшка, позвольте представить вам... Мишеля де Наве. Он... актер. Играет в нашей рекламе ресторана, я вам рассказывала!

— В рекламе, стало быть? — Маглор Форжерон приподнял бровь и усмехнулся.

Мишель коротко кивнул, решив, что сначала все же стоит разобраться, что происходит. И почему Мари называет Великого магистра — крестным.

Великий магистр, между тем, протянул ему руку для пожатия, вовсе не озадачиваясь тем, что при их последней встрече намеревался его убить.

— Приятно познакомиться, месье де Наве.

— Мне также, месье Форжерон, — пожал Мишель протянутую ему руку. — Вы, вероятно, думали побыть с вашей крестницей наедине?

— Мы не договаривались о встрече, — ответил он, — так что не имеет значения, на что я рассчитывал, — повернулся к Мари и спросил, приподняв чайник и улыбнувшись: — Чаю?

— О! Это было бы прекрасно. Вы — в гостиную!

Мари выхватила у «крестного» чайник и помчалась на кухню.

Мишель прошел мимо Великого магистра в дом.

— Уже освоился? — поинтересовался Маглор Форжерон, проследовав за королем.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — Его Величество удобно расположился в кресле.

— Смотришь достопримечательности, посещаешь кинотеатр, ходишь в ресторан, клеишь наивных дур. Ты освоился. У меня на это ушло двадцать лет.

Король дернулся от слов Маглора Форжерона, но ссора сейчас была бы не к месту. Он скрипнул зубами и промолчал. Великий магистр сел в кресло напротив. И внимательно посмотрел на Мишеля де Наве. Из кухни до них донесся шум воды из открытого крана и голос Мари, напевавшей развеселую песенку.

— Я живу вне времени и пространства. Мне нет места ни там, где ты, ни там, где она. Мое место — весь мир во всех временах. Когда твой отец истребил мою семью, я ушел в Межвременье. Но месть стала смыслом моей жизни. Я отомстил. Из всего твоего рода есть только ты. И я убил бы тебя, пожалуй, если бы не обреченность, которая ждала тебя, женись ты на герцогине де Жуайез. Если бы не этот идиот Петрунель, мой племянник! Теперь ты пришел разрушить и ее мир тоже, — Маглор Форжерон кивнул в сторону кухни, — а из всех живущих и живших на земле я лишь к ней одной питаю что-то, что осталось во мне человеческого.

— Что же у вас так все мрачно, магистр? Или мне называть вас дядей? — Мишель откинулся на спинку кресла и скрестил на груди руки. — Я ничего не собираюсь разрушать. Ни-че-го. Тем более мир Мари. Завтра на рассвете я вернусь домой, вам это должно быть известно. И все встанет на свои места, разве не так?

Великий магистр побледнел и наклонился, взявшись за подлокотники.

— Я не могу допустить, чтобы вы были вместе, понимаешь ты это? — прошипел он. —

Одним своим появлением ты все разрушил! Выбирай: твоя жизнь или ее?

— Не понимаю! — сдерживаясь из последних сил, ответил Мишель.

— Одного из вас я убью с наступлением Змеиного дня, когда все сущее возвращается в те места, которым принадлежит. Выбирай — которого.

— Зачем вам это нужно?

— Затем, что я ненавижу де Наве. И не смогу ненавидеть ее, когда она полюбит тебя.

Мишель криво усмехнулся. Кажется, старик совсем сошел с ума.

— Если вам, правда, так необходима чья-либо смерть, то пусть будет моя, — спокойно сказал он.

Великий магистр побледнел еще сильнее. Открыл было рот, чтобы что-то ответить, но в это мгновение в гостиную впорхнула Мари с подносом. Синий взгляд ее скользнул по обоим мужчинам. И взгляд этот был исполнен любви.

— Чай! — объявила она, поставив поднос на столик.

Маглор Форжерон посмотрел на нее долгим взглядом, а затем медленно заскользил глазами по комнате, остановившись лишь на мгновение — на лице короля Мишеля.

— Мне пора, — проскрежетал он. — Будьте счастливы. Хотя бы сегодня.

— Как пора? Куда? — встрепенулась Мари.

— Уже поздно, и я долго ждал. Не провожайте, пейте чай.

Уже у самого выхода из комнаты Великий магистр обернулся и проговорил прежде, чем покинуть ее:

— Слишком поздно. И слишком долго ждал.

Его Величество не смотрел в сторону ушедшего мага. Он наблюдал за Мари. Она выглядела расстроенной.

— Ты хорошо знаешь своего крестного? — спросил Мишель, взяв со стола чашку.

— Всю жизнь. Он был другом моего папы, — она, и правда, чувствовала себя расстроенной. — Странно, что он ушел, — Мари обернулась к королю. — О чем вы говорили?

— О чем могут говорить два едва знакомых человека? Погода, увлечения... Он же объяснил. Поздно.

Уголки ее губ дрогнули. Пожалуй, Мишель прав.

— Надеюсь, ты не рассказывал ему про витражи? — засмеялась она, обойдя вокруг стола и приблизившись к нему.

— Не успел. А что? Твой крестный не любит витражи? — Мишель поднял на нее голову.

— В нашем веке это звучало бы более чем странно. Тем более что мне хватило ума сказать, что ты актер.

— В вашем веке больше не делают витражей? Я задаю глупые вопросы, наверное.

— Нет. Не глупые, — она улыбнулась и, отважившись, села к нему на руки — решительно и бескомпромиссно, — просто это необычно для двадцать первого века.

— В твоем мире очень много необычного для меня, — негромко сказал Мишель, обняв Мари за талию, и прижался лицом к ее волосам. А потом отпрянул и посмотрел ей прямо в глаза. — И очень многое меня озадачивает.

— Например, это? — спросила она и, запустив пальцы в его шевелюру, поцеловала.

Вряд ли Мишель смог бы решить, озадачивает его это или удивляет непривычностью. Похоже, что Великий магистр прав. Его Величество освоился. Его поцелуй был властным и

настойчивым, а движения рук — уверенными и нескромными. У него слишком мало времени, чтобы познать женщину, которая совершенно случайно, по прихоти мэтра Петрунеля, оказалась на его пути.

1185 год, Фенелла

Брат Паулюс толкнул дверь и медленно зашел в свою комнату. Грустно ему было. Он сел к столу и взял в руки кружку, предложенную сначала Сержу, а потом Барбаре. Никто так и не захотел отведать вина. Вдохнул и поднес ее ко рту.

— А ты можешь хоть день прожить без алкоголя? — поинтересовалась Лиз из угла, в котором он ее, кажется, не заметил. Это даже немного уязвило ее самолюбие — она стояла в одном нижнем белье, все же решив переодеться в необъятное платье, принесенное ей монахом. Чтобы вернуть сутану. А то вдруг все-таки будет свадьба. Хоть какая-нибудь.

Паулюс обернулся и замер. На ощупь поставил кружку обратно на стол. И заикаясь, сказал:

— М... могу... да. А ты... красивая.

Он подошел к ней и, пробормотав: «Domine Iesu, dimitte...», — притянул ее к себе за талию и впился в губы решительным поцелуем.

Лиз же совершенно искренно полагала, что если она еще не родилась, то секс на второй день знакомства тоже не считается. А если и считается, то, во всяком случае, явно не тем, в чем стоит раскаиваться. Она решительно обвила руками шею своего монаха и... прервала поцелуй, чтобы спросить:

— А тебе точно можно, дорогой?

Снова завладев ее губами, Паулюс промычал в ответ что-то утвердительное. Руки его бесстыдно исследовали различные места на теле девушки, когда в дверь опять постучали.

Лиз снова оторвалась от его губ и, задышав, рыкнула:

— Merde!

— Sacat! — одновременно с Лиз рыкнул и Паулюс. Быстро поцеловал ее еще раз и прошептал: — Сундук, дорогая.

— Полудурок пришел, его очередь, — заявила Лиз прежде, чем крышка над ее головой захлопнулась.

Дверь почти сорвалась с петель, и на пороге, как и предполагала гостя святого брата, появился маркиз де Конфьян. Брат Паулюс замер посреди комнаты, сложив руки на груди и глядя исподлобья на заявившегося Скриба.

— Ты совсем обезумел? — сердито спросил монах. — Ты ходил ко мне весь день. Так какого дьявола ты не оставишь меня в покое хотя бы ночью?

Серж рассеянно посмотрел на Паулюса совершенно пустым взглядом, сглотнул, кивнул и молча вышел.

Паулюс пожал плечами, хлопнул дверью и открыл сундук.

— А что так быстро? — спросила Лиз, подняв голову и подперев ее кулачком.

— Сам не понял, — ответил Паулюс, опустившись на колени рядом. — Совсем сошел с ума со своей любовью. Я думал, он к герцогине отправится, а он ко мне заявился. Завтра утром уедет. Станет поспокойнее. Надо будет зайти к нему, попрощаться.

Он потянулся к ее губам. Но Лиз отпрянула.

— Значит, все? Хэппи-энда не будет?

— Чего не будет? — озадаченно переспросил монах.

Лиз перевела взгляд на его приоткрытый рот. Этот «святой брат» сводил ее с ума, как не

сводил даже байкер времен ее бунтарской юности, некоторое время числившийся в ухажерах. Облизнула губы. Знала бы она еще вчера утром, что встретит идеального парня в двенадцатом веке. И что идеальный парень будет носить сутану. Однако последнее было скорее пикантным обстоятельством, лишь еще больше возбуждавшим ее.

— Счастливого конца, — пояснила Лиз, высунувшись наполовину из сундука для поцелуя.

В этот момент снова раздался осторожный стук.

— Кто бы это ни был — придушу! — воскликнул брат Паулюс, выслушал протяжный стон девушки, закрыл над ней крышку сундука и рывком открыл дверь.

Но все бранные слова так и остались невысказанными. На пороге стояла герцогиня Катрин. На бледном, болезненном лице ее выделялись лишь покрасневшие глаза. И вся она скорее походила на привидение, чем Лиз, сидящая теперь в сундуке. К искреннему недоумению не слишком добродетельного цистерцианца она опустилась перед монахом на колени и сказала:

— Прими мою исповедь, брат Паулюс.

Глаза монаха стали похожи на плоски. Сегодня все сошли с ума. И дали священный обет свести с ума и его, брата Паулюса. Однако он напустил на себя благочестивый вид, спрятал руки в рукава рясы и приготовился слушать.

Катрин заговорила негромко и быстро, словно боялась, что передумает. Она рассказала о своей любви, родившейся в ней, когда герцог, первый ее супруг, был еще жив, о том, как уступила греховному чувству, и о том, что связь, которую она, по слабости своей, допустила, теперь живет в ней новой жизнью. Захлебнувшись признаниями, она приложила руку к губам, испуганно взглянула на брата Паулюса и, вскочив на ноги, быстро покинула комнату монаха.

Он, потеряв счет времени и усомнившись в ясности своего рассудка, проводил взглядом убежавшую герцогиню, медленно подошел к сундуку, открыл и, присев на его угол, вопросительно посмотрел на Лиз.

— Я идиотка! — объявила она, глядя на закрывшуюся за герцогиней дверь. — Абсолютная идиотка! Два и два не сложила! Конечно! Она подзалетела! Верняк. Это должно было произойти по закону жанра дешевой мелодрамы!

У Паулюса снова округлились глаза. Только не Лиз! Если и она утратила разум, то ему даже и уходить-то некуда. Он и так уже монах.

— Сестра моя! — осторожно обратился он к девушке. — Я ни слова не понял из того, что ты сейчас сказала. Это что за язык?

— Ну, сколько можно? Прекрати называть меня сестрой! Целовал ты меня совсем не по-братски!

Брат Паулюс взял Лиз за руку, «выдернул» ее из сундука и усадил к себе на колени.

— И буду целовать. Совсем не как сестру! — сказал Паулюс и тут же выполнил свое обещание. Правда, вскоре отвлекся и тихонько спросил: — Как думаешь, может, надо что-то сделать?

Лиз, совершенно не желавшая, чтобы он отвлекался, нахально провела ноготком по его щеке, уйдя им за ворот сутаны, и томно прошептала:

— А как же тайна исповеди? Или как там эта хрень у вас называется?

Паулюс тихонько зарычал. И, не ответив, стал с любопытством разбираться во всевозможных крючках, лентах и кружевах, прикрывавших столь соблазнительные части

тела девушки. Он так и не понял, из какого королевства она прибыла, и потому не стал особенно удивляться ее одеянию. В Трезмоне он никогда такого прежде не видел, но, может, Лиз приехала очень издалека, и там принято, чтобы женщины носили именно такую нижнюю одежду. Впрочем, все это крайне его возбуждало. Поцелуи его становились все настойчивее, а движения все нетерпеливее.

— Стой, стой, стой, — выдохнула Лиз между поцелуями, — так нельзя... Полудурок твой, и правда, уедет же! И ничего не узнает! А ей куда? Что там у вас падшие женщины делают? Топятся?

Она отстранилась и влюбленным взглядом воззрилась на монаха. Паулюс тряхнул головой, чтобы вернуть некоторую стройность мысли. И уставился на Лиз.

— В монастырь уходят... Думаешь, надо сходить к Скрибу? — разочарованно спросил он.

— Монастырь — нудятина. Я бы там через неделю свихнулась. Так что вариантов нет! Надо идти, — заявила она и поцеловала уголок его рта.

Вздыхнув, брат Паулюс еще раз прошел быстрыми жадными поцелуями вдоль уже немного съехавшего в сторону кружева на груди Лиз и заставил себя оторваться от этого захватывающего занятия.

— Ну... я пошел? — он еще надеялся, что она передумает.

— Я буду ждать тебя, мой герой! — восторженно воскликнула Лиз. Был бы в руках платочек — помахала бы ему на прощание. Но платочка не было. Был только какой-то немыслимый шквал влюбленности, от которого сносило башню.

Монах обреченно покинул свою комнату, не менее обреченно проделал знакомый до оскомины путь к комнате Скриба и, почти болезненно осознавая, как сильно ему сейчас хочется быть рядом и вместе с Лиз, обреченно постучал в дверь... придворного музыканта?... маркиза?... полудурка!..

Ответом ему была тишина. Неужели спит? Монах хмыкнул. Любовь у него, а сам спит... Он толкнул дверь, взял со стены факел и зашел в покои Сержа. Осмотрелся. Комната была пуста. И что теперь делать? Да ну их всех к дьяволу!!!

Паулюс выскочил в коридор и, подхватив мешавшую сутану, помчался к себе. К Лиз!

Но и здесь его ждало разочарование. Лиз спала. Она заснула на стуле, опустив голову на сложенные на столе руки. Монах тихонько подошел к девушке, поцеловал ее в макушку и перенес на кровать. Бросил рядом на пол тюфяк, шепнул: «Сладких снов, сестра моя!». И вскоре заснул и сам.

Межвременье, Шахматная доска

— Любезный дядюшка! Вы вновь перепутали фигуры.

— Я никогда не путаю фигур, болван!

Маглор Форжерон вскочил с кресла и заметался по огромному каменному залу, освещаемому факелами. Галстук ему явно мешал дышать, и он яростно рванул его. А потом свирепо посмотрел на Петрунеля.

— Отдайте мне ожерелье, и все закончится, — вкрадчиво заговорил мэтр.

— Оно никогда не принадлежало мне. И никогда не будет принадлежать.

— Тогда оно достанется королю Мишелю. И мы оба с вами потеряем.

Форжерон рассмеялся, и факелы дрогнули — пламя их растерянно заметалось, а, успокоившись, выровнявшись, опасливо потянулось к потолку.

— Нет, все же ты — болван. На кой черт мне сдалось ожерелье? Теперь, когда месть свершится. И последний из рода де Наве погибнет на рассвете! Он сам так сказал.

— И вам не жаль его, дядюшка? Король Александр отдал вам жизнь супруги ради своей. А король Мишель...

— А король Мишель — глупец! — отозвался Маглор Форжерон, не желая слушать. — Проклятие не перехитрить.

— Но ведь и ваша любимица любит его. Вы сами видели в зеркале времен, — Петрунель хохотнул и щелкнул пальцами. Факелы послушно осветили зеркало, отражавшее картину, за лицезрением которой он застал Великого магистра.

— Вы, дядюшка, старый паскудник, — заявил Петрунель, — ведь и за сестрицей своей так же смотрели, поджидая, когда она понесет? Украли не одну жизнь, а две?

— Теперь будет одна. Король сказал.

— И все-таки две, потому что ей вы разобьете сердце. Не то, чтобы я испытывал жалость... Всего лишь еще одна Ева пала... Но отдай вы мне ожерелье, я бы вернул короля нынче же, он бы не разбудил заклятие Змеиного дня. И не пришлось бы его убивать — они оба будут достаточно наказаны по разные стороны столетий. Отдайте мне ожерелье, дядюшка. Смиритесь — довольно вам занимать место, для которого вы слишком стары и слишком мягки.

— Она не любит его. Не любит, Петрунель! — упрямо отвечал старик, потом замер и посмотрел на племянника. — Я не поверю до тех пор, пока она не отдаст ему ожерелье.

— Но будет слишком поздно. И вам придется убить его, убив тем самым ее.

— Я убил возлюбленную сестру свою. Ты думаешь, смерть Мари меня остановит?

2015 год, Бретињи-Сюр-Орж

— Я хочу написать тебя. Можно? Ты позволишь мне?

— Не стоит терять время. Его осталось слишком мало.

— Целая ночь. До рассвета. Это еще несколько часов.

— Делай, как знаешь.

Короткий поцелуй.

Не включая света, она вскочила с дивана и взметнулась вверх, по лестнице, в свою комнату.

Халат на плечи.

Альбом. Карандаш.

В тумбочке ожерелье со змеей. Судорожно вздохнула. Сунула его в карман и помчалась обратно. Вниз. В гостиную.

Чтобы не терять ни минуты — целая ночь, несколько часов, до рассвета — съехала по перилам. И включила свет. Замерла, глядя на короля. И знала совершенно точно — без него она уже не будет счастлива.

Он сел, с улыбкой рассматривая ее. Смешная, нежная, возлюбленная.

Неожиданно вспомнил магов. Петрунеля, который вынудил его дать обещание. И Маглора Форжерона, который сам обещал его убить. Как же они глупы, эти маги!

Мишель рассмеялся.

— Замри! — Мари выставила руку вперед. — Я так люблю твою улыбку. Пусть у меня будет твоя улыбка.

Вместо этого Мишель сорвался с дивана, схватил ее за руку и дернул к себе.

— Ну... Так тоже хорошо, — пробормотала она, тщетно пытаясь раскрыть альбом. Коротко засмеялась и подтолкнула его назад. — Сядь, пожалуйста. Я только эскиз сделаю. На холст потом перенесу.

Потом. Потом, когда его уже не будет. Она вдруг так ясно представила себе его в тронном зале, увенчанного короной. Он жил и умер восемь столетий назад. А она живет сейчас. Или умрет восемь столетий назад?

— Сядь, пожалуйста, — повторила Мари.

— Нет, — властные ноты прорезались в его голосе, — скоро начнет светать.

Он выхватил из ее рук альбом, отбросил его в сторону.

Плечи. Грудь. Руки. Шея. Нос. Глаза.

Он никогда не сможет перенести это на цветное стекло. Даже если бы у него была впереди целая жизнь. Он бы всю эту жизнь год за годом старался, но никогда бы не смог перенести ее совершенство на бездушное цветное стекло.

Уже пробовал однажды. Когда увидел ее во сне.

А узнав ее в жизни, вдруг понял — не сумел и никогда не сумеет.

Халат плавно скользнул с ее тела, мягко опустившись на пол. Из кармана показалась головка змеи. Как ужаленная, Мари отпрянула от Мишеля и тихо сказала:

— Постой. Я должна отдать тебе.

Быстро наклонилась, подняла змею и поднесла ее к лицу короля.

«Она отдаст ожерелье только тому человеку, которого полюбит навсегда, на всю

жизнь», — вспомнил Мишель, глядя на змею в руках Мари.

Навсегда, на всю жизнь. Понимание этой простой истины не принесло радости. Она всю жизнь будет любить того, который навсегда исчезнет из ее жизни. А он умрет завтра. Завтра и восемь столетий назад. Его жизнь в обмен на жизнь его возлюбленной. Равноценный обмен.

Он молчал. А она продолжала смотреть на него своими немыслимыми синими глазами. Смотреть с нежностью, будто признаваясь в любви.

— Ты не понял? — Мари улыбнулась. — Ты не понял? Я твоя. И ожерелье — твое. И если там, в твоей жизни, я нужна тебе, ты сам меня заберешь. Это же так просто.

Все очень просто. Он взял у нее из рук золотую змею. Сверкнул изумрудный глазок.

Теперь она не окажется в одиночестве в чужом для себя мире. Что так неосмотрительно он ей предложил.

— Хорошо, Мари, — ласково сказал король, вновь притягивая ее к себе.

Она закрыла глаза, откинув назад голову и почему-то подумала... как же жаль, что он не позволил ей себя нарисовать...

... свет в комнате почти незаметно начал тускнеть. За окном показалась предрассветная дымка. Неожиданно резкий яркий солнечный луч прорезал осенние тучи и по-хозяйски скользнул по шее Мари. Мишель впился губами в то место, на которое только что заявило свои права солнце. И закрыл глаза, гоня прочь от себя мысли о том, что произойдет через мгновение.

1185 год, Фенелла

Маркиз де Конфьян в алом плаще, подбитом лисой, поправляя на руках меховые рукавицы, ступал по покрытой серебрящимся под восходящим солнцем льдом траве — туда, где конюх уже прохаживался, держа под уздцы Игнасиа — великолепного гнедого коня, подаренного когда-то Сержу герцогом Робером. Это было единственное, что он забирал с собой из Жуайеза, оставив там свое сердце.

— С добрым утром, Ваша Светлость, — проговорил конюх, поклонившись. О том, что трубадур оказался маркизом, молва разнеслась по замку в считанные часы. Слуги охочи до болтовни. — С добрым утром! — повторил конюх, полагая, что мессир маркиз не слышал его.

С добрым ли? Серж устало потер виски и кивнул слуге. Ночь он не спал, проведя ее на полу у порога Катрин. Просто сидел во тьме, спиной прислонившись к ее двери, и, кажется, сам не знал, чего ожидал от нее или от себя. Пожалуй, единственное, чего он желал, это чтобы она была счастлива. Но может ли быть она счастлива без него.

Он бросил прощальный взгляд на ее окно, которое хорошо было видно со двора. В окне было пусто. Кривая усмешка исказила красивые черты его бледного лица. Невыносимо. Сколько же можно мучить себя?

Вскочил в седло, погладил Игнасиа по длинной шее, потрепал гриву.

— Ну же, славный мой, — шепнул он, — теперь домой...

Снова бросил взгляд на окно герцогини. По-прежнему пусто, будто ей неизвестно, что он ждет этого ее последнего взгляда. Можно подумать, он не знает, что она не может спать.

Серж негромко приказал коню ступать, чуть тронув его ногами по крупу. И конь послушно двинулся прочь со двора. Перед самыми воротами маркиз вновь не выдержал и оглянулся к окну. Никого. Да выглянет она или нет, черт подери?! Заскрежетал зубами, чувствуя, что все его существо едва не затопило отчаяние, странным образом перемешанное с яростью.

Серж резко остановил коня и спешил. Конюх бросился к нему.

— Ваша Светлость, подтянуть подпругу? — обеспокоенно поинтересовался юноша.

— Нет, — отозвался маркиз де Конфьян, — лучше приготовьте карету Ее Светлости герцогини.

И направился в замок.

Катрин не спала в эту ночь ни минуты. Вернувшись от брата Паулюса, совершенно разбитая собственным признанием, она бросилась на кровать и молилась только о том, чтобы монах не забыл о тайне исповеди. До самого рассвета ее пугали какие-то шорохи за дверью. Ей мерещились вздохи и приглушенные стоны. Но потом она понимала, что это лишь ее вздохи и стоны.

Начало светать, а она по-прежнему не сомкнула глаз. Он сказал, что на рассвете уедет. Катрин выбралась из-под шкур и на цыпочках, словно ее можно было услышать со двора, встала посреди комнаты так, чтобы видеть двор и ворота. И она увидела. Коня, готового к дальней дороге. И всадника в ярком плаще. Вот он оглянулся на окна, и Катрин, испугавшись, что он мог ее заметить, бросилась в дальний угол покоев.

Пусть едет. Она не станет останавливать его.

Катрин не знала, сколько простояла так, в тишине, когда возле двери раздались чьи-то уверенные шаги, а потом дверь с грохотом распахнулась. В комнату вошел маркиз де Конфьян. Мрачный, уставший, с тенями, пролегшими под глазами, он впился в нее жадным взглядом, будто искал на ее лице что-то, от чего зависела вся его жизнь. И нашел. Удивительно охрипшим за ночь голосом он произнес:

— Довольно, мадам! Собирайтесь. Мы едем в Конфьян нынче же.

Катрин вздрогнула. Посмотрела на него и вернулась к созерцанию пола.

— Я никуда с вами не поеду, — произнесла она негромко, но твердо. — И не думайте, что я задержалась здесь из-за вас.

— Да сколько же можно! — рыкнул он, и голос его зазвучал еще более хрипло, как не звучал никогда. — Я не думаю, я знаю это.

Она испуганно глянула на него. «Монах... глупый монах!»

— Что вы знаете? — прошептала Катрин, прижавшись к холодной стене.

Серж двинулся на нее, заполняя собой все пространство комнаты, опалил дыханием ее висок и, мрачней все больше, сказал:

— Что вы слишком горды, чтобы простить меня. И будете жалеть всю свою жизнь о том, что не простили, — помолчал мгновение, коснулся пальцем ее тонкой шеи и тут же одернул руку. — Ты будешь прогонять меня, а душа твоя будет рваться ко мне. Ты будешь кричать мне слова ненависти, а твое сердце будет обливаться слезами от боли и тоски по мне. Потому что того, что меж нами, не изменить, это навеки. Я понял это на целое мгновение раньше тебя и пришел за тобой. Так ты простишь меня, Катрин?

Она долго молчала. Мысли ее метались, как загнанные звери. А на шее ожогом горелось место, где он прикоснулся к ней.

— Что теперь изменит мое прощение?

— Ваше прощение изменит все. Я увезу вас в Конфьян. Вы станете моей женой, как вы того достойны, как я хотел того с первого дня. Хотел — и не мог предложить. Кроме моего происхождения, до последнего времени я не имел ничего. Лишь то, чем владел милостью герцога де Жуайеза. И вы были не так далеки от истины, считая меня всего лишь слугой. А я не мог простить вам вашего высокомерия, вашего холодного взгляда и тона, каким разговаривают с низшим существом. Я любил вас так, что ждал от вас признания нашего равенства. Услыште же меня — я люблю вас теперь еще сильнее прежнего. И все, чем владею, брошу к вашим ногам. Лишь бы вы были счастливы. Катрин, прошу вас.

— Да, вы правы, — отозвалась она. — Я была высокомерна и горда. Меня так воспитывали, вам ли не знать? Но я оказалась плохой ученицей. Во всем. Я не смогла соблюсти родовую честь, я не умела в одиночку бороться с обстоятельствами. Я оказалась слабой. Вы победили.

— Я не воевал с вами! — воскликнул маркиз де Конфьян. — Ни дня, ни часа, ни минуты не воевал! После вашего письма, после всего, что вы мне сейчас сказали — вы не можете меня прогнать.

— Вы же смогли, — она слабо усмехнулась. — Вы отпустили меня к королю. Вы позволили мне готовиться к свадьбе. Вы пользовались моей слабостью, когда мне не доставало сил противостоять вам, и вы приходили в мою спальню. Так отчего же вы думаете, что я не смогу вас прогнать? — она зло посмотрела ему прямо в глаза.

— Эдак мы ни до чего не договоримся, мадам, — он взял ее за плечи и резко развернул лицом к себе, — кажется, единственное место, где мы с вами приходим к согласию, это ваше

ложе.

Рывком он прижал ее к себе и смял в жестоком поцелуе губы.

В первый миг она попыталась его оттолкнуть, но потом безвольно опустила руки, замерла в его объятиях и покорно ждала, когда он отстранится. Они так и стояли — он, смилавший ее волю, уставший и одновременно наполненный, и она — обессиленная и растерянная. Он переломал ее всю. Измучил. Почти уничтожил. Осознание этого вспыхнуло в нем с оглушающей силой, опалило его душу, но как уйти от нее? Как оставить ее? Когда маркиз оторвался от Катрин, то, едва переведя дыхание, прошептал:

— В ваших руках моя жизнь. Если скажете: живи — я буду жить, но только удерживая вас в своих объятиях. Если велите умереть — умру. Но здесь же, у ваших ног. Будьте моей женой, Катрин. Любите меня. Подарите мне жизнь.

Он скользнул на пол, став на колени и более не смея глядеть в ее глаза. Взял рукой подол ее камизы и прижался к ней губами.

Герцогиня снова прижалась к стене, нуждаясь в опоре, чувствуя, как силы покидают ее. Она не могла больше бороться ни с ним, ни с собой. Устало прикрыла глаза и положила руки ему на плечи. Она сама жива только рядом с ним. Она любит его и, кажется, всегда любила. Она не умеет без него. Не умеет. Не может.

— Серж, я буду вашей женой, — слетело с ее губ в звенящей тишине.

Дернулся. Поднял голову и посмотрел на нее. Сердце замерло на мгновение и пустилось в бой с новой силой, исполненное нежности и благодарности. Он медленно поднялся с колен, ни на мгновение не отрывая взгляда от ее глаз. Взял в руки ее лицо и, низко склонившись, тихо проговорил:

— Одной заботой меньше. Прощение ваше я буду вымаливать всю жизнь. Но это после.

— Есть еще одно, о чем вам следует знать. Ваши канцоны — лучшее, что мне приходилось слышать. Особенно самые грустные.

Теперь она смотрела в его глаза и не могла наглядеться. Так, словно в жизни не было ничего важнее этих глаз, глядевших на нее так нежно. Обвила его шею руками и прижалась к нему, наконец, согреваясь. А потом потянулась к губам. Но он отпрянул и недоуменно посмотрел на свою герцогиню, будто видел впервые в жизни.

— Вам, правда, нравится? — недоверчиво спросил он.

— Очень. Но вы же напишете для меня веселую? — она лукаво улыбнулась. — Прошу вас...

— Клянусь, мадам. К свадьбе, — торжественно объявил маркиз де Конфьян и поцеловал свою невесту.

1185 год, Фенелла

Твердые губы, коснувшиеся ее шеи в каком-то отчаянном поцелуе. Прощальном поцелуе. Она поняла — вот он, рассвет. По одному только движению его губ поняла — они расстанутся навеки. Он все решил. Ничего не будет. Мари сильнее откинула голову назад, обхватила его плечи руками, прижимая к себе — будто бы так сумеет его удержать. В крошечной тьме сомкнутых глаз, оберегающих ее от реальности и от рассвета. Рывок в груди, подступая к горлу. А когда сил сдерживать слезы не стало, она размежила веки. И наткнулась на алую ткань... балдахина. И каменный потолок.

Вздрогнула. Моргнула. Зажмурилась, отгоняя наваждение.

Мишель почувствовал, как она дернулась в его руках. Тоже открыл глаза. И увидел... что они в его покоях. Он дома. Его Величество удивленным взглядом обвел знакомую комнату. В окно пробивалось неожиданно по-летнему яркое солнце. Ничего не понимая, Мишель взглянул на зажмурившуюся Мари. Она тоже была здесь. С ним. По-прежнему, в его объятиях.

— Добро пожаловать в Трезмонский замок, — в замешательстве проговорил он, растерянно улыбнувшись.

Мари снова вздрогнула и, наконец, отважилась посмотреть на Мишеля. Он настоящий. Протянула руку и коснулась его лица. И потом, озираясь по сторонам блуждающим взглядом, прошептала:

— Ты... попросил у ожерелья? Да?

— Нет, Мари, — он не мог лгать этим глазам. Но, кажется, начал понимать. — Ты... принадлежишь этому миру. Поэтому ты оказалась здесь.

— Как такое может быть? — изумленно спросила она.

— Не знаю... Но есть человек, который наверняка знает. Твой крестный, Великий магистр Маглор Форжерон.

Она уже ничему не удивлялась. Чему тут можно было удивляться? Она в двенадцатом веке, в замке, о котором нет ничего ни в одном учебнике. И дядюшка Маг — Великий магистр. Ок. Яснее ясного. Тем более, она не удивилась, когда, отозвавшись от каменных стен, раздался величественный голос ее крестного.

— Ну и что мешало тебе промолчать, дорогой племянник? Что ж не дал мне самому ее обрадовать?

— Но вы можете поведать нам, что происходит. Почему Мари оказалась здесь? — проговорил король.

Стены хохотнули, разнося эхо по комнате.

— Сперва приведите себя в надлежащий вид и проследуйте в тронный зал. Я жду вас там! Обоих!

Мишель глянул на Мари и себя и громко рассмеялся. Хорошо, что они оказались в его спальне. А если бы в кухне? Он представил себе вытянувшееся лицо старой Барбары и рассмеялся еще громче.

— Поищи что-нибудь для себя там, — он кивнул на один из сундуков и тоже стал одеваться. — Не будем заставлять Великого магистра ждать нас.

— Твоего дядю, который мой крестный? — зачем-то уточнила Мари.

— Его самого. Странный старик, — пробормотал он себе под нос и глянул на нее. — Тебе помочь?

Мари быстро приблизилась к королю и надела ожерелье ему на шею. А потом, улыбнувшись, добавила:

— Всю жизнь мечтала вырядиться средневековым рыцарем.

1185–2015 гг. Фенелла-Париж

Брат Паулюс привычно проснулся к утрени. Спросонок вспомнил о необходимости найти Скриба после молитвы. Что он ему скажет и как, Паулюс пока так и не решил. Потом придумает. Монах легко вскочил с тюфяка, брошенного на ночь вдоль топчана, чтобы быть поближе к Лиз, и... расплылся в довольной улыбке. Она спала в его постели, снова негромко похрапывая. Шкура, которой Паулюс укрыл ее накануне, сползла на пол, явив взору монаха все девичьи прелести, слабо прикрытые в некоторых местах кружевами.

Напрочь забыв о намерении проститься с другом, Паулюс забрался на топчан, примостившись рядом с Лиз, и накрыл их обоих с головой. Она во сне забарахталась, пытаясь выбраться из-под шкуры. Но не давая девушке вырваться, Паулюс прижал ее своим телом и впился в ее губы настойчивым поцелуем. И даже если в замок ворвется вражеское войско, или начнется пожар, он не остановится! Видимо, обрывки сознания все же вторглись в ее блаженное состояние полусна, поскольку она немедленно обхватила его ногами и тихонько застонала. Этот стон отозвался музыкой в голове Паулюса. Он вдыхал ее запах, проводил руками по пушистым волосам, прикасался жадными губами к нежной девичьей коже, там, где освобождал ее от лишнего сейчас одеяния. Что-то, кажется, разорвалось под его руками. Но это уже не имело никакого значения...

— Черт, это были Шантель... — выдохнула Лиз недовольно и задвигалась, пытаясь освободить его от длинной рубашки, но никак не находя подола. Свободной рукой откинула одеяло, и в глаза им ударил солнечный свет, пробивавшийся через... розовые портьеры ее комнаты.

Дома!

Паулюс зажмурил глаза от яркого света, а когда открыл их снова, приподнял голову и увидел перед собой... медведя, глядевшего на него черными блестящими глазами. Ему не страшна была ни война, ни пожар. Но медведя он явно не учел. Паулюс скатился с Лиз и ошалело сел в кровати, осматриваясь по сторонам.

— Эй, эй, эй, эй! — Лиз вскочила следом за своим монахом. — Все нормально! Ты чего? Мы дома!

— Аaaa, — понимающе протянул Паулюс, на самом деле не понимая ни черта, что же это такое произошло. — А как же Скриб? — он почесал затылок. И вдруг подпрыгнул: — А мой виноградник? Лиз! Виноградник! — и со всего маху стукнул кулаком по спинке кровати.

Лиз засмеялась, взяла медведя и сунула его в руки монаху.

— У тебя здесь будет целый ресторан. На кой тебе виноградник? — зевнув, легко спросила она. — Ты в Париже образца 2015 года, милый.

— Аaaa... Виноградник... ты не понимаешь. И что я буду здесь делать? Лиз, — он с надеждой посмотрел на девушку, — а, может, через пару дней мы снова окажемся дома?

— Да мне, собственно, все равно, где мы окажемся, лишь бы вместе, — ответила она, обняв его за плечи, — я придумаю тебе тысячу занятий. К одному из них можно приступить прямо сейчас.

— Нужно! — решительно ответил ей Паулюс, мгновенно позабыв про все ампелосы вместе взятые и укладывая Лиз на подушки. Это занятие было много увлекательнее

виноградника. Он потянулся к губам девушки и... тут раздался громкий звон, напомнивший монаху церковные колокола.

Лиз схватилась за голову, бросила взгляд на часы и пробормотала:

— Только не папа!

Виктор Анри Пьер де Савинье всегда являлся к дочери, если она не брала трубку более двух дней. Читал ей длинную лекцию о правильном с его точки зрения образе жизни и о нравственности, о коей у Лиз было не очень хорошее представление. Опять же — с его точки зрения.

Она вскочила с кровати, привычным жестом сдернула с вешалки возле кровати халат и, запахивая его, объявила:

— В сундук! Тьфу ты! В шкаф!

Подбежала к большому шкафу в углу комнаты, открыла его дверцу, сгребая все вешалки на одну сторону, чтобы освободить место. Паулюс кивнул и забрался в этот огромный короб, успев чмокнуть Лиз в губы, прежде чем она закрыла дверцу. Потом уселся на что-то мягкое, и, подперев голову рукой, мечтательно потянул носом. Пахло... божественно... его Лиз.

Сама же обладательница божественного запаха (а попросту Tresor) обреченно направилась открывать, приготовившись выслушать многочасовую тираду, в то время как единственное, о чем могла думать, это о мужчине в ее шкафу. Справедливости ради — такое с ней случилось впервые в жизни. Нет, не путешествие в двенадцатый век. А замечательная влюбленность в симпатичного монаха, который целуется лучше всех. Вздохнув, Лиз повернула ручку двери, но на пороге стоял вовсе не Виктор Анри Пьер де Савинье, а курьер с логотипом Rseau Express с огромным букетом роз.

— Мадемуазель де Савинье? — спросил курьер.

Лиз в ужасе уставилась на цветы. Чертов Алекс!

— Нет, вы ошиблись адресом, — буркнула она и захлопнула перед носом работника службы доставки дверь. Глупо хихикнула. И вернулась в комнату — доставать из шкафа своего будущего мужа.

Паулюс глянул на Лиз. Сделал «страшные глаза». И шепотом спросил:

— Папа так быстро ушел?

— Ошиблись адресом, — соврала она. — Кофе хочешь?

— Что я хочу? — переспросил Паулюс.

Лиз тяжело вздохнула. И тут же, рассмеявшись, погладила его шею.

— Ничего, привыкнешь. Можно дурацкий вопрос?

— Можно, — торжественно объявил Паулюс и стащил с себя рубашку.

Лиз пробежалась глазами по его плечам, рукам, мышцам на груди и животе... и еще... пониже... Сглотнула. Античный бог. Не иначе. К-н-и-г-о-л-ю-б-н-е-т

— Я все никак не запомню. Как тебя зовут? — прервавшимся голосом спросила она.

Он резко притянул ее к себе и прошептал на ухо, касаясь губами кожи:

— Паулюс. Бабенбергский.

— Отлично, — закрывая глаза, и томно откинув голову назад, прошептала Лиз, — я буду звать тебя Поль Бабенберг.

«Поль Бабенберг», — отозвалось в ней. Поль Бабенберг? Лиз резко распахнула глаза, хлопала ресницами и прошептала: — Поль Бабенберг?

Следующий час обнаженный бывший монах, сидя на кровати, следил за отчаянно мечущейся по комнате Лиз, которая, энергично жестикулируя, рассказывала ему о том, как

двадцать лет назад из семьи партнера ее отца, Николя Бабенберга, исчез трехлетний сын Поль.

За этот час Паулюс даже, кажется, успел вздремнуть. Он бы с большей охотой занялся совершенно другим и даже пару раз пытался остановить ее рассказ поцелуем. Но справиться с Лиз, что-то вбившей себе в голову, было невозможно. Когда она все-таки завершила свое увлекательное повествование, он зевнул и сказал:

— Печальная история. Жалко мессира Николя.

Лиз остановилась посреди комнаты и внимательно посмотрела на Поля. Теперь она уже видела в нем сходство со стариком Николя. Сходство? Черт, да это его молодая копия. Очень красивая копия!

— Ты ничего не понял? Николя — твой отец!

Как это могло произойти, в голове ее не укладывалось. Но там же не укладывались очень многие вещи. Например, почему байкер из ее юности однажды свалил от нее на какой-то рокерский фестиваль с вещами и больше уже не вернулся, почему Алекс Романи бросил Легран ради ее сомнительной персоны. Почему Легран настаивала на натурализме там, где нужна была просто волшебная сказка. Почему она очутилась в двенадцатом веке. И, наконец, почему назад вернулась с Полем.

— Ерунда какая, — Паулюс решительно отмахнулся от фантазий Лиз. — Я — сирота. Меня подбросили в монастырь. Брат Ансельм нашел меня. Мне было... года три, — он замолчал и уставился на девушку.

— И в рубашечке с надписью «Поль Бабенберг»? — прошептала она, подсев к нему на кровать. — Беленькая? Трусиков не было.

— Беленькая, — Паулюс кивнул и осторожно уточнил: — А чего не было?

— Того, что ты на мне порвал, — глупо хихикнула Лиз.

Глаза Паулюса округлились. Он попытался представить «то, что он порвал» на себе и содрогнулся.

— Domine Iesu, куда я попал?

— Домой! С папой поедешь знакомиться завтра. А сегодня... — Лиз лукаво улыбнулась и дернула узелок пояса на халате.

Завтра, так завтра. Лиз права. Какая разница куда, важно, чтобы вместе. Он рывком сдернул с нее одеяние и, наконец, осуществил свою мечту. Или две. Нет, три...

Потому что им наконец-то(!) никто не мешал.

1185 год, Фенелла

Облаченный в черный плащ, украшенный серебряным шитьем и драгоценными камнями, поверх делового костюма и при галстукке, Великий магистр Маглор Форжерон восседал на троне короля Мишеля, оперев правую руку на его меч, а левая покоилась на подлокотнике. Он глядел в пространство и ожидал того часа, когда перенесется в свой замок — туда, где смыкаются пространство и время. Но сперва следовало покончить с этой историей.

Шум, раздавшийся у входа в тронный зал, заставил его обратить свой взор к вошедшим. Он едва удержался от улыбки. Король Мишель и его крестница, облаченная в мужские одежды. Рука об руку. Великий магистр задержал взгляд на лице короля, ожидая увидеть в нем то же выражение, что видел в лице его отца, попавшего в ловушку Межвременья под Форблём, когда он обменял жизнь Элен на свою. Но не видел ничего, кроме решительности и собранности.

Не выпуская руки Мари из своей, Мишель подошел к Маглору Форжерону, молча забрал у него свой меч и сказал:

— Мессир, у нас найдутся для вас удобные кресла. Но этот трон — не ваш, будь вы хоть трижды Великим магистром.

Его Величество крикнул слуг, чтобы к его трону приставили трон королевы. И вопросительно посмотрел на «дядюшку».

Маглор Форжерон криво усмехнулся. Он чувствовал в этом короле силу, какой не доставало его отцу. Он чувствовал также и то, как на его собственных глазах Мари наполняется силой, какой никогда не было в ней в том времени, в котором она прожила двадцать лет своей короткой жизни. Великий Магистр поднялся с трона и отошел на шаг, уступая место Его Величеству.

— Слуги не придут. Все замерло в Межвременье, сир, — объявил он. — Я же должен задать вам свой вопрос снова. Ее жизнь или ваша?

И кивнул на побледневшую Мари. Та вздернула свой подбородок и сильнее сжала руку Мишеля.

— Вам захотелось славы гистриона, мессир? — усмехнувшись, спросил тот. Он подвел девушку к своему трону, усадил ее и встал рядом, опираясь на спинку. — Решили устроить представление перед зрителями? Что ж... мой ответ вы знаете. Я не изменю своего королевского слова.

— Королевского слова! Я задам свой вопрос третий раз. Ваша жизнь — жизнь короля, надежды вашего королевства и ваших подданных? Или жизнь дочери безродной крестьянки, чьего имени никто не помнит, хотя она была взята в дом кормилицей для нерожденного дитя ваших родителей? Младенца, исчезновения которого никто и не заметил, кроме несчастной матери, покончившей с собой грешницы? Чья жизнь, племянник? Твоя или ее?

Мари шумно выдохнула и посмотрела на Мишеля. Что ж, по крайней мере, ясно, почему она здесь. А еще решительно ясно, что дядя сошел с ума.

— Великий магистр! — Его Величество повысил голос. Так, что он теперь отражался от голых, не покрытых шпалерами стен и потолка большого зала. — Я в третий раз дам вам тот же самый ответ. Чего вы тянете?

Маглор Форжерон замер со злобещей улыбкой на устах. Дочь кормилицы встрепенулась, обернулась к королю и схватила его за руку.

— Без его жизни не будет моей, — ровно проговорила она, и под каменными сводами замка многократным эхом проносились ее слова.

Взгляд Великого магистра погас. Все, что было в нем — чернота. Он приблизился к королю и громким шепотом прошипел:

— Александр де Наве отрекся от Элен. От наследницы рода царственных магов. Наследницы и отступницы. Ты хочешь умереть ради дочери крестьянки? Ты слышишь себя, король?

— Я слышу себя, мессир. Но вы меня не желаете услышать. В чем вы хотите меня убедить?

— Да в том, болван эдакий, что я не собираюсь разрушать истинную любовь! — заорал Великий магистр.

Его Величество озадаченно посмотрел на Маглора Форжерона. И обратился к Мари:

— Ты что-нибудь понимаешь? Ты все же знаешь его лучше, чем я...

Мари поморгала. А потом улыбнулась.

— Ну... В прошлом году у него диагностировали атеросклероз, — произнесла она медленно, — а современную медицину он не признает...

Мишель коротко кивнул. Слова Мари ничего ему не объяснили. И снова взглянул на Великого магистра.

— Мессир, так чего же вы хотите?

— Покончить с местью, дорогой племянник! — торжественно объявил Маглор Форжерон и ткнул пальцем на ожерелье. — Змея вернулась к ее владельцу. Мари вернулась домой. А ты достойнее твоего богомерзкого батюшки. Петрунелъ всем нам оказал услугу.

В этот момент за окном сверкнула молния, и страшным грохотом разнесся гром. В ноябре. Накануне зимы. Когда снег стелился по земле мягким белоснежным ковром.

— Ну, это уж слишком, любезный племянник! — объявил в Безвременье Маглор Форжерон. — Я намерен передать трон и титул Великого магистра королю Мишелю, так что даже не трепыхайся!

Равнодушно глянув на молнию за окном, Его Величество повернулся к старику и сказал:

— Великий магистр! Мне ни к чему ни ваш трон, ни ваш титул. Мне достаточно того, что передал мне мой отец, каким бы он ни был. Теперь у меня есть все, чего бы мне желалось, — он с нежностью взглянул на Мари, — и больше я ни в чем не нуждаюсь. Отпустите нас из своего Межвременья и оставьте, наконец, в покое.

— Я прибуду к вам на Рождество. К тому времени, надеюсь, вы найдете в себе силы простить меня, — спокойно заявил Великий магистр.

— Я велю приготовить для вас гостевые покои.

— Покои герцогини Катрин мне подойдут! — объявил Маглор Форжерон и развеялся в воздухе, а из коридоров послышался шум снующих туда-сюда слуг.

— Кто такая герцогиня Катрин? — тихо спросила Мари, вглядываясь в пространство, в котором исчез ее крестный.

— Хозяйка соседнего замка. У нее та самая кухарка, которая делает лучшие сыры в округе.

— Ааа, — ответила Мари и поморгала. О том, почему покои соседки были в замке у короля Мишеля, она решила не спрашивать. В конце концов, у дядюшки был

атеросклероз. — И что мы будем теперь делать?

— Венчаться! — провозгласил Мишель и крепко поцеловал невесту в губы.

До, вместо и после эпилога

Декабрь 1185 года, Трезмонское королевство, Конфьян

Слова... Как много значения он придает словам. Таким уж уродился. Пусть нелепым, с горячим нравом и глупым сердцем. Пусть он никогда не оправдывал чужих надежд. Но был верен себе. И своей любви. И продолжал ждать слов, пусть никому не нужных.

Маркиза Катрин в зеленом плаще, подбитом лисой, пристегнутом драгоценной брошью — фамильным украшением рода де Конфьян, прогуливалась по саду, полному снега, а он, молодой маркиз, замирал у окна, глядя на нее сквозь стекло.

Не выдержал. Накинул плащ на плечи и помчался вниз, дорогой думая, доколе ей станет сил скрывать от него правду. Эта правда, невысказанная, молчаливая, немой и глухим камнем легла меж ними. И он боялся того, что она снова могла придумать себе. А ведь он знал о ней все, знал ее всю — во всей изменчивости и совершенстве тела, дыхания, мысли, чувства. И это было прекрасно. Тайна ее была прекрасна. Так отчего же она молчит? Быть может... Быть может, и сама еще не знает? Не догадалась?

Он догнал ее у старой липы, посаженной когда-то давно еще его дедом, который, говорят, был известным на весь маркизат музыкантом. Схватил за плечи и увлек за собой в тень, откуда никто не смог бы увидеть их из окон замка. Жадный поцелуй и глаза в глаза:

— Вы долго гуляете — должно быть, уже замерзли?

— Долго? Я не заметила, — улыбнулась Катрин. — И вовсе не холодно. Здесь, наверное, красиво летом?

Она отвернулась, рассматривая сад и представляя, как он может наполниться детским гомоном. Уже совсем скоро. А она до сих пор так и не сказала своему супругу о ребенке. Эта тайна терзала ее. Что мешало ей рассказать, и сама не знала. Ее мучило то, что она скрывает правду так же, как и Серж когда-то. Но не меньше ее тревожило опасение, что он может не принять эту правду. И день за днем откладывала их разговор.

— Не помню. Меня увезли отсюда совсем ребенком. Наверное, этот сад почти не слышал детского смеха. Ни эти липы, ни эти вяза...

Катрин вздрогнула и взволнованно сказала:

— Обещайте мне, что ни одного из наших детей никогда не увезут отсюда!

— Только если они сами того не захотят, — ответил Серж, притянув ее к себе и прижав ее голову к своему плечу. Мучительная нежность, как всегда, когда она была рядом, пронзила его душу. Нежность удвоенная — ведь в ней самой теперь билось два сердца.

— Катрин, — глухо проговорил он, — вы верите мне?

— Я верю вам, — прошептала она, замирая в его руках от счастья. — И я... я должна сказать... я давно, наверное, должна была рассказать вам... я...

Замолчала, снова не умея произнести самого важного.

Он шумно выдохнул. Прижал ее к себе еще крепче — еще надумает сбежать! — и спокойно спросил:

— Так значит, в монастырь вы собирались, нося под сердцем мое дитя?

Глаза ее округлились от удивления. Он знает! Знает! И неожиданно по щекам потекли слезы. Теперь, должно быть, она совсем ужасно выглядит. А ведь так старается быть всегда для него самой красивой.

— Да, — едва слышно прошептала Катрин. — Нет, я не знала. Тогда еще не знала, —

всхлипнула она и посмотрела на маркиза. — Простите меня.

— Прекрасный сюжет для канцоны, которую я никому не спою — только вам, — ответил Серж, вытирая ладонью слезы на ее лице. Дыхание перехватило. Она никогда, никогда не плакала при нем. Подчас он думал — может ли она плакать, умеет ли это ее гордое сердце? — Как вы полагаете, дает мне это право чувствовать себя хоть немного менее виноватым перед вами, моя маркиза?

— Вот уж нет, — улыбнулась она сквозь высыхающие слезы. — Будете еще более виноваты, что я не решалась вам об этом рассказать.

— Как вам будет угодно, моя госпожа, — так же спокойно, серьезно и торжественно произнес трубадур Скриб, нежно касаясь губами ее щеки, но маркиз де Конфьян тоном, не терпящим возражений, добавил: — А теперь идемте в замок, к огню — вы совершенно продрогли.

Катрин ступала по заснеженной тропинке, ведущей к замку, под руку с мужем. Прижавшись щекой к его плечу, она негромкого говорила:

— Серж, я счастлива тем, что принадлежу вам. Я люблю вас. Я всегда вас любила.

— До чего вы нынче словоохотливы. А я так много значения придаю словам! — усмехнулся маркиз и, резко остановившись, доверительно прошептал, глядя в ее колдовские зеленые глаза: — Любовь моя, я совсем забыл раскрыть вам главный свой секрет! Когда мне было шесть, я поколотил короля Мишеля деревянным мечом. Боюсь, если бы вы все же отважились на этот брак, на сей раз меч был бы настоящим.

Май 2016 года, Дордонь, замок Кастельно

Пританцовывая под звуки лютни, доносящиеся с огромной деревянной сцены и одновременно поправляя ленту на голове, Лиз умудрялась при этом тащить кружку с перигорским пурпурным для своего парня, оставленного за огромным дубовым столом посреди замкового двора. Белое платье с цветной вышивкой было уже изрядно испачкано — подол волочился по молодой траве. Но плевать. Издалека она увидела внушительную фигуру Поля и расплылась в улыбке.

— Вино и женщина поданы, мессир! — объявила она, поставив перед его носом кружку и усевшись рядом.

Хмурое выражение лица бывшего монаха мгновенно стало умильным, как только он увидел ее. Поднял кружку, приблизил к лицу, понюхал. И снова нахмурился.

— Лиз! Где ты эту дрянь взяла? Это что, тоже выдают за старинный рецепт? Вот скажи, что сюда можно было намешать, чтобы получилась такая фигня? А вот это все, — он кивнул в сторону разряженных в средневековые одежды людей, которые участвовали в состязаниях по стрельбе из лука, смотрели за выступлениями менестрелей, собирались группками на поляне, где должен состояться рыцарский турнир. Сам он был одет в монашескую сутану, которую принесла ему накануне Лиз. — Тот, кто это устроил, о чем он думал? Где он такое видел? А?

— Вино нормальное! — возмущенно ответила Лиз. Ему решительно все не нравилось. А она так хотела порадовать его этим фестивалем. — А это... это все из фильмов и книг.

Она придвинула к себе только что принесенную кружку и понюхала. Потом попробовала на вкус... ну... конечно, не то умопомрачительное, вкус которого из памяти не стирался... с привкусом меда и трав... Но нормальное же!

— Лиз, не злись, — Поль обнял ее за плечи и прижал к себе. — Я знаю, ты хотела устроить сюрприз.

— Устроила, — ответила она и тяжело вздохнула. — А ты можешь хоть на минуту башку отключить? Музыка, пьянка, тотальный бордель. Сравнивает он!

— Могу, — он поцеловал ее в шею. — Уже отключаю. Прекрасное вино. Замечательный праздник. Хочешь, стану участником какого-нибудь самого дурацкого конкурса?

— Нет. Не хочу! — начиная таять, объявила Лиз. — Танцевать хочу!

— Танцор из меня всегда был никудышный, — громко расхохотался Поль, — но ради тебя я станцую.

Сделал несколько больших глотков из кружки. Поднялся, протянул руку Лиз и повел ее на лужайку, где танцующие водили хороводы, а музыканты играли что-то зазорное и быстрое.

— А Скриб играл лучше, — не удержался он от ворчания и стал повторять движения танцовщиков рядом с ними.

Лиз внимательно следила за его старательными па. Долго следила. Минуты полторы. Потом скинула туфли, вошла в круг танцующих и, ударив в ладоши, схватила бывшего монаха за руку, закружилась с ним, и, перекрикивая шум музыки, заявила:

— Давай на следующей неделе поженимся? Как раз все наши предки из Парижа свалят, никого не придется приглашать, а?

Поль резко встал, как вкопанный. И закричал в ответ:

— Ты делаешь мне предложение?

Лиз остановилась следом, лента все-таки распустилась, и волосы, рассыпавшись, упали на лицо. Она откинула пряди назад и проговорила:

— Ну мне, вроде как, надоело жить во грехе, брат мой!

— Сестра моя, — удивленно пробормотал Поль и впился в ее губы поцелуем. — Я болван, Лиз! Полудурок! — сказал он, с трудом заставив себя оторваться от девушки. — Ты всегда такая продвинутая, деловая. Я думал, для тебя это нудятина. Иначе я бы давно... уже... Нет, стоп! Начинаем все сначала.

Подхватив сутану, он встал перед Лиз на одно колено, взял в свою руку ее ладонь, почтительно поцеловал и торжественно произнес:

— Мадемуазель Вивьен Лиз де Савинье! Сделай меня счастливейшим из смертных и будь моей женой.

— Не перестаю удивляться, как быстро ты... адаптировался, — с улыбкой ответила Лиз и, склонившись к нему, сорвала цветочек с земли и вдела ему в волосы, — убедил!

Поль расплылся в довольной улыбке и легко поднялся на ноги. Поцеловал свою новоиспеченную невесту в губы, закрепив ее согласие, и стремительно потащил в ближайшую сувенирную лавку. Надо было срочно купить хоть какой-то символ его удивительного жениховства.

Не березу же сажать, в самом деле?

1205 год, Фенелла

— Итак, мессир мой сын, я полагаю все сказанное мною в высшей степени разумным и довольно доходчивым. Жизнь ваша принадлежит королевству, а потому и брак свой вы вправе заключать, соблюдая интересы королевства и всех его подданных. Катрин де Конфьян прибудет в Фенеллу днями, и вам предстоит назвать ее своей невестой в знак мира и во имя процветания наших семей. Ясно вам, Мишель?

Королева Мари восседала на троне, глядя на своего девятнадцатилетнего сына, первенца, в высшей степени строго и из последних сил старалась не скатиться до уговоров.

А это было сложно! Равно как и сложно его в чем-то убедить. Нравом мальчик пошел в отца. Уж если втемяшил что-то в свою голову — не выбьешь. Не говоря уж о том, насколько самой Мари было трудно в чем-то ему отказать. Но интересы государства — прежде всего!

— Мне все ясно, матушка, — независимым тоном объявил юный принц, но Мари знала, что вздохнуть с облегчением рано. — И все же жену я намерен выбирать сообразно своим вкусам и устремлениям. Не всем везет жениться по любви, как вам с отцом, но я должен быть уверен, что уживусь со своею супругой. И, уж конечно, я должен быть уверен в том, что мы не станем слишком докучать друг другу в браке. Потому ваше решение пригласить маркизу считаю преждевременным и необдуманым.

— Да пока ты станешь обдумывать, — не выдержала Мари, сорвавшись на крик, — ее уведут у тебя из-под носа! И плакало родство с де Конфьянами! — Мари обернулась к супругу. — Ваше Величество!

— Отец! — одновременно с нею воскликнул принц Мишель.

И две пары одинаково синих глаз устремили свои взгляды на короля.

Его Величество Мишель I посмотрел сначала на жену, потом на сына. Каждый из них по-своему был прав. Он сам лучше многих других знал, что никакие интересы государства не смогут заменить любви в браке. И все же союз этот важен по многим причинам. Однако ведь вполне возможно дать сначала детям познакомиться. Как знать, чем обернется их встреча.

— Ваше Высочество, — строго обратился король к сыну. — Все давно уже обдумано вашими родителями. За Катрин де Конфьян дают замок Жуайез, который позволит расширить наши земли. Вы и сами должны понимать, как это важно для Трезмона. Поэтому будьте любезны встретить маркизу, оказывающую нам честь своим визитом, как и подобает благородному принцу.

— Что ж, воля ваша, отец мой! — ответил юный принц, но глаза его сверкнули опасным упрямством, не подобающим монарху и вместе с тем, как ничто другое, монарху приличествующим. — Воля ваша, матушка! Но клянусь, если она не придется мне по вкусу... если!..

Принц Мишель не договорил. Запнулся на полуслове. Поклонился своим венценосным родителям и покинул тронный зал. Мари устало посмотрела ему вслед, обвела взглядом стены, расписанные алыми и белыми розами, моргнула два раза и проговорила:

— Надо бы... надо бы завесить до завтра этот кошмар шпалерами. О чем я думала, когда это все рисовала...

— Ежели ты считаешь, что лучше повесить шпалеры, моя дорогая... — Его Величество поцеловал руку возлюбленной жены своей. — Но мне очень нравится и этот милый сад, который цветет на наших стенах.

Мишель разглядывал розы, которые украшали зал второй десяток лет, когда герольд объявил о прибытии посланника из Конфьяна. Что было крайне удивительным, так как юная маркиза ожидалась лишь завтра. Однако запыхавшийся, почти падающий с ног рыцарь привез письмо от маркизы де Конфьян, матери будущей невесты. Мишель с нетерпением раскрыл его и прочитал вслух следующее:

«Ваше Величество!

Спешу сообщить вам печальное известие. Дочь наша своенравная, Катрин, третьего дня сбежала. Обманув стражу у ворот, выбралась из замка, и где теперь находится — нам неизвестно.

Муж мой, маркиз де Конфьян, потеряв покой, с тех пор не встает с постели, принимая

прописанных ему нашим лекарем фаршированных раков. Которые, к моей великой печали, ему не помогают.

Мы не теряли надежды, что Катрин непременно отыщется. За ней была немедленно послана погоня. Но дни проходят, а о ней по-прежнему никаких вестей.

Однако примите наши заверения в твердом намерении отдать Катрин за принца Мишеля. Клятвенно обещаю Вам, что лично привезу дочь нашу в Фенеллу, как только эта строптивница будет найдена.

Уповаю на ваше благородство, что и вы не отступитесь от данного Вами обещания...»

Мишель поднял глаза на королеву Марию и задумчиво сказал:

— Думаю, нам следует помочь де Конфьянам в поисках.

Поиски продлились несколько недель, однако так и не давали результатов. Чему несказанно радовался юный принц Мишель, зачистивший к реке Сэрпан-дОрэ, золотистой змейкой растянувшейся в долине меж Тринадцатью гор королевства Трезмон. Однажды встретив там рыжеволосую пастушку по имени Катрин Скриб, он влюбился в нее с первого взгляда и на всю жизнь.

Но это была совсем другая история...

Межвременье, Мэрфруад

— Тошнотворно счастливый финал! — заявил Петрунель, глядя в зеркало Судеб. — И как вам самому не противно, любезный дядюшка?

Великий магистр Маглор Форжерон рассеянно погладил отросшую за последние двадцать лет седую бороду и улыбнулся.

— Мне? Мне не противно. У меня атеросклероз.

Петрунель занес было руку, чтобы перекреститься, но плюнул и заявил:

— Mentulam сасо я ваш атеросклероз, дядюшка!

— Не сквернословь. Отправлю назад, в Безвременье. Еще на двадцать земных лет.

— Но зачем? Зачем вам все это было нужно? Ведь всего-то и следовало — ожерелье получить и царствовать!

— Это скучно.

— Ну да. Куда как веселее добрых сорок лет развлекаться за счет де Наве. Чтобы потом этак всех... осчастливить?

— Мы квиты. Они сделали большое зло нам, мы сделали большое зло им. Ну и хватит.

— Они первые начали! — обиженно рявкнул Петрунель и грустно вздохнул. — И все-таки, дядюшка, что же они загадали на Змеиный день?

— Не твое собачье дело! — ответил Великий магистр Маглор Форжерон. И щелкнул пальцами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net